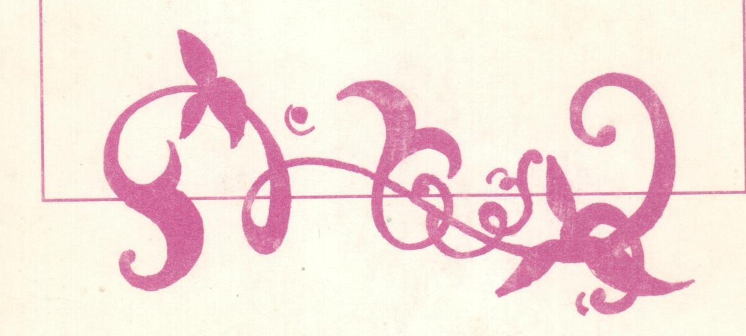

ДУХОБОРЦЫ И МОЛОКАНЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Москва
1992

Сокбор

Сборник продолжает публикацию материалов участников этноэкологических экспедиций 1986-1990 гг. в старожильческие русские селения Армении, Грузии и Азербайджана. Статьи посвящены различным аспектам адаптации русских духоборцев и молокан к социо-культурным и географическим условиям региона - рассматриваются демографическая ситуация, соцально-профессиональная структура и миграции, биолого-антропологические особенности русских поселенцев, их одежда, пища, религиозно-бытовые аспекты жизни.

The book continues publications of the results of ethno-ecological field research of 1986-1990 in old Russian settlements in Armenia, Azerbaijan and Georgia. It is devoted to various aspects of adaptation of Russians - Dukhobors and Molokans - to socio-cultural and natural environments of the Transcaucasus. The articles cover such topics as demography, migrations, social and occupational structures of Russian and indigenous populations; biology and physical anthropology of Russian settlers, their foods, clothes, religious and everyday life traditions.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

В.И.КОЗЛОВ

А.П.ПАВЛЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает публикацию материалов, относящихся к разделу этнической экологии переселенческих групп[1], и так же как предыдущий выпуск, основан на материалах исследования русских старожилов в Закавказье, преимущественно в Армении и Грузии, проведенного Институтом этнографии АН СССР в последние годы.

Известно, что русские как крупнейший народ страны в ходе ее истории проявили большую территориальную мобильность и приняли активное участие в хозяйственном освоении многих слабозаселенных до того областей, продвинувшись в своем переселенческом движении на восток - до берегов Тихого океана, и на юго-восток - до Алтая и Тянь Шаня. Существенны были миграции русских и в Закавказье. Оказавшись в новых незнакомых им ранее природных условиях, переселенцы были вынуждены приспосабливаться (адаптироваться) к этим условиям, особенно в сфере хозяйства и материальной культуры; большое влияние на их жизнь оказывала и адаптация к новому этническому окружению. Изучение того и другого имеет важное научное и практическое значение.

Большую часть русского крестьянства Закавказья, появившегося там еще до середины XIX в., составили сектанты разного толка, главным образом духоборцы (духоборы) и молокане, высланные туда царским правительством или выехавшие добровольно из южных губерний России. По своей религиозной сущности эти секты довольно близки: та и другая возникла среди государственных крестьян; подобно западному протестантизму (особенно баптизму), отвергли церковь с ее атрибутами (в том числе иконами) и священослужителями, проповедовали возможность непосредственного общения верующих с богом во время групповых молений под руководством старейшин (у молокан - пресвитеров). Секта духоборцев, на-

---

I. Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. I-П. М., 1990.

званных так от провозглашенной ими борьбы духовного начала с плотским, сформировалась к середине ХУШ в. Духоборцы отличались большим радикализмом, они отвергали канонический текст Библии, руководствовались главным образом преданиями в виде стихов-псалмов, объединенных в "книгу жизни"; приняв евангельскую заповедь "не убий", они выступали против любой службы в армии. Молоканство (названное так вероятно по евангельскому тексту "возлюбите чистое словесное молоко"), сложилось к концу ХУШ в. Молокане признавали Библию, дополняя ее сочиненными псалмами; они допускали возможность службы в армии в качестве обозников и санитаров. В начале XIX в. духоборцам и молоканам рескриптом Александра I-го было разрешено поселиться всем вместе в Таврической губернии на землях по реке Молочные Воды и беспрепятственно отправлять там свой религиозный культ. Предоставляя духоборцам земли среди немецких колоний и ногайских кочевий, правительство хотело изолировать эти секты от православного населения и тем самым пресечь дальнейшее распространение их учения. Однако быстрое освоение юга России и заселение его православными мигрантами делало дальнейшее пребывание там духоборцев нежелательным не только для местной, но и для центральной администрации. Поэтому в 40-е годы XIX в. духоборцы и молокане были выселены на Кавказ.

В Закавказье духоборцы поселились главным образом на территории современной Грузинской республики, их центром считалось расположенное к югу от Тбилиси село Богдановка. В 1880-х гг. эта секта раскололась на "большую партию", сохранявшую прежние установки, и "малую партию" из более зажиточных крестьян, пошедших на сотрудничество с царскими властями. В связи с продолжавшимися репрессиями, значительная часть "большой партии" во главе с П.Веригиным в конце XIX в. при поддержке Л.Толстого переселилась в Канаду. Молокане поселились главным образом на территории Азербайджана и Армении; их центром считалось село Воронцовка к северу от Еревана. В середине XIX в. произошел раскол молоканства на два основных течения - "постоянных" и "прыгунов"; образование последних проходило под лозунгом

защиты истинной молоканской веры и требования фактического равенства членов общины. Кроме Библии, прыгуны руководствуются книгой "Дух и жизнь", которая содержит краткую историю молоканства и сочинения их наиболее выдающихся религиозных деятелей. Для прыгунов в большой степени присуща эсхатологическая направленность проповедей.

Третьей по численности сектой, последователи которой переселялись в Закавказье, была секта субботников, сформировавшаяся к началу ХУШ в. среди помещичьих крестьян. Название секты обусловлено тем, что ее последователи, подобно иудаистам, празднуют субботу, а не воскресенье. В религиозной жизни руководствовались Ветхим Заветом, придерживались единобожия, отрицали иконы. Субботники строго следовали иудейскому праздничному календарю и ритуалу, в обязательном порядке делали детям обрезание, давали младенцам ветхозаветные имена.

Использование русскими поселенцами в Закавказье хозяйственного опыта местного населения, а главное - трудолюбие, развитая взаимопомощь и довольно строгие правила поведения в религиозных общинах обеспечили им в большинстве случаев успешное жизнеобеспечение на новом месте. Сильный удар по их благосостоянию нанесла насильственная коллективизация в начале 1930-х гг., а затем Великая отечественная война, в которой погибла значительная часть трудоспособного населения. В послевоенные же годы русские старожилы Закавказья стали испытывать все большее давление со стороны местного руководства, принадлежавшего, как правило, к титульным национальностям республик. Жизнь их особенно осложнилась в годы перестройки из-за резкого подъема местного национализма и роста напряженности в межнациональных отношениях. Поэтому у многих русских Закавказья стало расти желание покинуть свою "малую Родину", где находятся могилы их прадедов, и переселиться на территорию "большой Родины" - на юг европейской части РСФСР. Это желание стало все чаще претворяться в жизнь, и дело фактически идет к тому, что многие русские селения превращаются в грузинские и армянские, изменяя даже свои названия, как это недавно произошло с селом Бог-

дановка. Изучение этого печального процесса также представляет существенный интерес.

Материалы данного сборника скомпанованы, с некоторой условностью, в блоки, отражающие различные аспекты материальной и духовной жизни русских поселенцев. Так, статьи Долженко И.В., Ивановой Ю.В. и Иниковой С.А. затрагивают религиозно-бытовой уклад русских сектантов и взаимоотношения с местным населением. В статьях Григулевич Н.И. и Иниковой С.А. на богатом полевом материале представлена этнографическая специфика питания русских старожилов и особенности костюма кавказских духоборцев. Статьи Комаровой О.Д. и Ямскова А.Н. отражают социально-демографические аспекты - направления и причины миграций, а также социально-профессиональный состав сельских русских в Закавказье. Статья Дубовой Н.А. посвящена физическому облику русского сельского населения Закавказья.

В целом, сборник охватывает большой круг вопросов, представляющих интерес не только для исследователей данных конфессий, но также для тех, кто изучает процессы взаимодействия и взаимовлияния культур различных этносов.

И.В.ДОЛЖЕНКО

РЕЛИГИОЗНЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ УКЛАД РУССКИХ КРЕСТЬЯН-СЕКТАНТОВ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ (XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

Известно, что религия глубоко проникает во многие сферы общественной и индивидуальной жизни (традиционные формы хозяйства, культурно-бытовые обычаи, самосознание и др.), однако в условиях естественной и искусственной изоляции русских крестьян-сектантов Закавказья воздействие религии на общественный, семейный быт и культуру переселенцев значительно возрастало[1]. Молокане, духоборцы, субботники, "вытолкнутые" православной церковью, поддержанной царской администрацией, в отдаленные места, в окружение народов, чуждых им по языку, религии, материальной и духовной культуре, привезли с собой не только унаследованный ими от предков культурно-бытовой комплекс, но и религиозную организацию, систему отношений между членами общины, основанную на религиозных традициях и психологических установках.

Вполне естественно, что в Закавказье сектанты старались селиться компактно, изолированно не только от коренного населения, но и от представителей других сект. Многоконфессиональное расселение позволяло им придерживаться своих обрядов и норм религиозной жизни, способствовало укреплению сельской общины. Поселение сектантов по принадлежности к той или иной конфессии устраивало и царское правительство, так как облегчало управление и контроль над ними. Однако возлагая на переселенцев большие надежды по экономическому освоению края и в помощи армии во время военных действий, правительство стремилось ограничить религиозную активность сектантов на новом месте жительства, для чего рекомендовалось "... при образовании обществ из раскольников стараться составлять оные из последователей различных сект, в существе правил между собой несходных..."[2]

На территории Восточной Армении (в пределах современных границ Армении) сектантство было представлено двумя

направлениями - молоканством и субботничеством. Молокане составляли на 1886 г. большинство - 7,5 тыс. чел., субботники около 1 тыс. чел. В конце XIX в. появилась новая секта - баптисты. В тот период это было узкое течение, насчитывавшее около 100 чел.[3] Однако преобладание молокан наложило отпечаток на название сектантов со стороны коренного населения - оно называло всех сектантов "молоканами"[4].

На территории Армении возникли как моноконфессиональные, преимущественно молоканские, так и поликонфессиональные селения, в которых проживали и молокане, и субботники. Нами выявлена определенная зависимость между конфессиональным составом и путями образования селений.

Населенные пункты, составленные выходцами из одного региона и приехавшими в Закавказье одновременно, организованными партиями, были моноконфессиональными, например, Никитино, Воскресенка. В селениях, образованных крестьянами, прибывшими "разновременно, из разных мест и разных ведомств", сменившими не одно место жительства, прежде чем осесть окончательно, обычно проживали и молокане, и субботники. Например, с. Еленовка, Воронцовка были образованы переселенцами из т. Топчи Шемахинской губ., которые перебрались в Закавказье "разновременно" - в 1830-ые годы из Бессарабии, Таврической, Воронежской, Пензенской губ.

Молокане численно преобладали во всех поликонфессиональных селениях за исключением с. Еленовка, где из 1226 чел. субботников насчитывалось 780 чел., или 63,6%, остальное население было представлено молоканами (постоянными и прыгунами) - 446 чел., или 36,4%[5].

Взаимоотношения молокан и субботников, проживающих в одном селении, были доброжелательными. В повседневной жизни религиозные различия между ними почти не проявлялись. Некоторые из них были связаны родственными отношениями. Несмотря на то, что и молокане, и субботники имели свою систему запретов и ограничений на социально-бытовое поведение своих членов, между обоими вероучениями имелись точки соприкосновения. Для них было характерно одинаковое отношение к "священному писанию" - в качестве источника

веры они признавали Библию. Последователи каждого вероучения объединялись в религиозные общины.

Религиозная община представляла собой социальную общность со своей спецификой. Устройство религиозной общины молокан несло на себе черты видимости равенства и братства. Главными авторитетами в общине являлись старики. Из них выбирался пресвитер - глава религиозной общины, равный всем остальным, не выделявшийся ни одеждой, ни своим поведением, такой же крестьянин, как и другие. В принципе, любой из мужчин - членов общины в будущем мог стать пресвитером. Основное условие - хорошее знание Библии и высокий авторитет среди крестьян. Общины прыгунов имели пророков, которые, будучи в особом состоянии, предсказывали события в жизни верующих. Большим авторитетом пользовались "беседники", или "читальники", - знатоки Библии, умеющие доходчиво объяснять прочитанное. В богослужебном цикле молокан значительное место занимало пение. Певчие были окружены почетом и уважением. Пение религиозных песнопений на старинные русские мелодии являлось, особенно у прыгунов, средством эмоционального воздействия на верующих.

Религиозная община молокан могла включать в свой состав не только русских, но и представителей других национальностей при условии принятия ими этого вероучения. В Новобаязетском уезде Эриванской губ. членами религиозных общин являлись представители мордвы, которые в 1850-не годы были высланы из Поволжья за отказ от православия. По полевым материалам, что подтверждается также и литературными источниками, были случаи, правда, редкие, принятия молоканства и армянами.[6]

Вероучение и практика молоканства, как и субботничества, подчеркивала подчиненное положение женщины по сравнению с мужчиной. Женщина не могла читать проповеди, вести молитвенных собраний.

Иерархия возрастных групп четко проявлялась при входе в молитвенное собрание и церемонии рассаживания. Первыми входили старики. Они рассаживались на самых почетных местах - в переднем углу, за столом. Далее проходили люди

среднего возраста, молодые семейные пары, молодежь. Мужчины проходили вперед, женщины садились сзади ("Чином они пониже, так и сидят позади")[7].

В XIX в. молитвенные собрания устраивались в жилых домах, размеры которых не позволяли собрать всех верующих вместе. Поэтому единоверцы делились на несколько групп, соответственно делению села на части или концы. После указа 1905 г., которым была "дарована полная свобода в деле отправления своих духовных треб", в некоторых селениях, обычно в центре села, были выстроены молитвенные дома. Например, в Воронцовке вместо трех собраний постоянных стало действовать одно большое собрание.

Регулярно посещать молитвенные собрания молокане начинали со вступлением в брак. Религиозная служба проходила по воскресеньям и праздничным дням и накануне их. В воскресенье ходили в молитвенное собрание утром и вечером, впереди глава семьи с женой, за ними, по старшинству, взрослые сыновья с женами, нарядно одетые. Собрание продолжалось 3-4 часа и состояло из чтения отрывков из Библии, книги "Дух и жизнь", исполнения псалмов и религиозных песен. Кончалась служба общей молитвой. Надо подчеркнуть, что религиозные идеи и догматы усваивались в крестьянской среде формально. Воспринимались лишь внешние культовые формы - общественные богослужения, молитвы, посты, которые должны были строго соблюдаться всеми членами общины. Всякое отступление от принятых норм сразу же бросалось в глаза и, следовательно, поддавалось контролю, что давало духовным наставникам возможность влиять на верующих.

Росту числа сектантов Закавказья способствовали случаи "уклонения" из православия в раскол. Переход облегчался тем, что на территории Закавказья православная церковь была слаба и не могла достаточно энергично провостоять сектантству. В 1830-1850-ые годы в сектантство переходили многие беглые крестьяне православного исповедания. Для них это было единственной возможностью, опираясь на поддержку со стороны религиозных общин, спастись от наказания за побег.

В Армении массовый переход православных в молоканство

имел место в 1880-ые годы, когда часть крестьян (более 200 чел.) из селений Борчалинского уезда - Новопокровки, Гергер Русских, Привольного "замолоканили" - приняла молоканство, основав по соседству с Воронцовкой с. Новомихайловку[8]. Однако в основном увеличение численности сектантов происходило за счет естественного прироста семей верующих. Дети считались принадлежащими к общине родителей, жена - к общине мужа.

Имели место случаи перехода сектантов в новую конфессию, на что указывают документы: "... раскольники произвольно оставляют свои верования, переходя из одной секты в другую; так, например, содержащие молоканскую секту переходят в субботническую, или иудействующую..."[9]. Меняли религиозную принадлежность и молокане, и субботники, что нередко определялось соотношением последователей того или иного религиозного направления в селении.

Численно преобладающая группа сектантов оказывала влияние на представителей дпугих религиозных направлений, проживающих рядом. "В селении Еленовка, - указывалось в донесении в губернское правление,- преобладающее большинство состоит из субботников, которые пользуясь этим, оказывают тамошним русским поселенцам давление всякого рода и стараются распространить между ними вредные и нетерпимые правительству идеи и толкования..."[10] Привлекательными моментами в религиозном учении субботников для молокан являлось разрешение разводов и отсутствие запрета на алкогольные напитки. "Если молоканин видит, что ему трудно удержаться, чтобы не пить, он переходит в субботничество, если он хочет бросить свою жену, потому что ему приглянулась другая, он переходит в субботничество, так как у молокан разводы не полагаются, а в субботничестве он это делает без стеснения..."[11]

Если религиозная община объединяла в своих рядах последователей одного религиозного учения, то сельская община - всех крестьян, независимо от религиозной принадлежности. Церковное право и порядки воплотились в религиозной общине, а обычное право и порядки в сельской общине. Поскольку религиозная и сельская общины не были противопоставлены друг

другу, а, напротив, существование одной было взаимосвязано с другой, противоречий в деятельности этих общин не наблюдалось. Немалое значение имело и то, что перед лицом закона последователи "особо вредных" сект были поставлены в одинаковое положение инакомыслящих; чувство религиозной солидарности сплачивало, объединяло и молокан постоянного толка, и молокан-прыгунов, и субботников. Сельская община являлась выразителем интересов всех крестьян, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Существовал внутренний механизм взаимодействия сельской и духовной общин, сельских должностных лиц и религиозных руководителей, который играл важную роль при наличии в селении представителей разных сект. Сведения такого характера крайне скупы, однако они позволяют сделать некоторые выводы. Руководство сельской общиной обычно находилось в руках численно преобладающих сектантов. Так, в Еленовке сельский староста выбирался из субботников. В Воронцовке, где наряду с большой молоканской общиной была и небольшая группа субботников, они никогда не выдвигались на общественные должности. В случае, если в селении проживали представители разных толков молоканства - постоянные и прыгуны, принадлежность к тому или иному направлению не играла роли при выборе сельчан на общественные должности.

Нередки были случаи, когда духовные наставники подчиняли себе не только религиозную жизнь общины, но фактически подменяли в ней власть гражданскую. Так, в 1900-ые годы в Воронцовке большим авторитетом на сельском сходе пользовался крестьянин Степан Жабин, который одновременно являлся "старшим" пресвитером, законоучителем и смотрителем местной школы[12].

Сельский локальный образ поселения, изолированность, особенно в духовной жизни, как от коренного населения, так и от русских, исповедующих официальную религию, малое количество православных церквей и церковных служителей, в обязанности которых обычно входило возвращение в лоно церкви сектантов, на всем протяжении XIX - первой четверти XX в. создавали благоприятные условия для развития и укрепления

религиозных общин.

Все члены религиозной общины были тесно связаны друг с другом семейно-брачными, ритуальными, обрядовыми отношениями, узаконенными сектантским вероучением. Религиозная и повседневная жизнь крестьянина тесно переплетались, между ними не было грани.

Одной из важных функций религиозной общины было регулирование семейно-брачных отношений, в первую очередь, создание на прочной основе семьи. Сельский "мир" был заинтересован в естественном воспроизводстве населения в границах деревни, а религиозная община, в свою очередь, в увеличении численности своих последователей.

Характерной чертой сектантов Закавказья являлось заключение браков внутри своей конфессий, что особенно строго соблюдалось в первые десятилетия жизни в Армении. Однако установление брачных связей только со своими единоверцами было возможно лишь при равном количественном соотношении мужчин и женщин социально-активных возрастов. Диспропорция полового состава, обусловленная немногочисленностью популяций, приводила к бракам между родственниками, состоявшими в троюродном или четвероюродном родстве, а также к бракам, в которых жена старше мужа. В связи с этим становится понятным замечание в "Актах Кавказской археографической комиссии" в 1852 г., что "в русских раскольнических селениях Закавказского края все вообще раскольники произвольно совершают браки, допуская женитьбу несовершеннолетних на взрослых невестах и наоборот..."[13] Действительно, подобные браки имели место, но не являлись нормой.

Как свидетельствует анализ посемейных списков сектантов Армении, значительным количеством брачных пар, в которых жена старше мужа (обычно до 5 лет), в 1850-ые годы выделялось с. Никитино Александрапольского уезда Эриванской губ. - от общего числа семейных пар они составляли 21,5% и в 1880-ые годы - с. Еленовка Новобаязетского уезда той же губ. - 20,3%. Такие браки были вызваны жестким следованием религиозному запрету на браки с иноверцами, строго соблюдавшемуся среди никитинцев, сосланных за приверженность моло-

канству из с. Алгасово Моршанского уезда Тамбовской губ., и в Еленовке - среди последователей разных религиозных направлений, проживавших в этом селении - молокан постоянных, прыгунов и субботников[14].

Однако уже в конце XIX - начале XX в. столь жесткая религиозная эндогамия не соблюдалась. Брачные связи стали устанавливаться между сектантами - представителями различных религиозных направлений, в том числе и баптистами, хотя предпочтительными все-таки оставались браки между единоверцами. В случае, если в брак вступали представители разных сект, обряд бракосочетания совершался религиозной общиной, к которой принадлежал жених, а жена принимала веру мужа, например, молоканка, выходя замуж за субботника, переходила в собрание субботников. Сам факт смены религии становился важной психологической вехой в жизни верующего, хотя для истинного обращения в новую веру требовалось какое-то время[15].

Сектанты строго придерживались религиозных ограничений, запрещавших браки с русскими православными. Исключение представляли крестьяне с. Новоалександровка Борчалинского уезда Тифлисской губ., с которыми молокане Воронцовки и Новомихайловки заключали браки. Этот факт можно объяснить, исходя из истории образования Новоалександровки. Первопоселенцами его были беглые помещичьи крестьяне (некоторые из них придерживались молоканства), выявленные властями в 1858 г. Беглецы были поставлены перед выбором: либо остаться в молоканстве, и в этом случае их должны были вернуть во внутренние губернии России, либо принять православие и остаться в Закавказье. Под давлением обстоятельств крестьяне формально меняли исповедание и выполняли для вида все предписания православной религии, в действительности же остались верными своей старой вере. Не случайно, что в конце XIX в. среди новоалександровцев было много последователей баптизма.

Несмотря на довольно тесные контакты сектантов с коренным населением Армении в хозяйственной сфере, брачные связи между ними и армянами были явлением очень редким. В

наших полевых записях имеется лишь одно сообщение о браке, заключенном в 1918 г. между молоканкой из с. Никитино и армянином из Нового Баязета, который, временно проживая в этом селении, принял молоканство. Однако до сих пор к потомкам этого брака в селении относятся отрицательно[16].

Отсутствие смешанных браков между русскими и армянами, что было обусловлено религиозными, этнопсихологическими причинами, разобщало живших по соседству людей и закрывало таким образом один из самых важных путей, по которому мог бы идти процесс овладения ими культурой, языком соседей. С другой стороны, брачная эндогамия выступала в качестве такого барьера, который исключал возможность ассимиляции этнической группы русских другим народом.

Ценностные ориентации молоканства в сфере семейных отношений предусматривали честность, верность семье и домашнему очагу. Выступив против церковного оформления брака, связанного с немалыми расходами в пользу священнослужителей, сектанты признавали лишь браки, основанные на согласии жениха и невесты с благословения пресвитера и членов религиозной общины. В прошлом термин "свадьба" молоканами не употреблялся. Свадебный обряд они называли словом "брак", исходя из терминологии Библии. Заключение брака, как и совершение других семейных обрядов, находилось под контролем религиозной общины. Пресвитер давал согласие на брак молодых людей, вместе с родителями назначал день свадьбы. На бракосочетании присутствовали не только единоверцы, но и сельчане - представители других религиозных направлений, связанные друг с другом соседскими, родственными, сельскими отношениями, что консолидировало сельские коллективы, переплетая социальные и конфессионные связи.

Обряд бракосочетания, совершаемый пресвитером, включал в себя благословение родителями жениха и невесты, проповедь о значении брака (на основе библейских текстов), согласие жениха и невесты, заявленное в присутствии всех гостей; затем прочитывался перечень обязанностей супругов по отношению друг к другу и происходила ритуальная передача невесты жениху. Чтение соответствующих отрывков из Библии прерыва-

лось пением псалмов и духовных песен.

Оформляя брак и фактически узаконивая молодую семью, религиозная община брала на себя определенные обязательства перед общиной за сохранение этой семьи, исполнения ею всех функций. Конфликтные ситуации (в зависимости от их остроты и важности) разрешались на месте или выносились на рассмотрение религиозного собрания и лишь в крайнем случае - общинных властей. Определенную роль при этом играл принцип "не выносить сор из избы", особенно при наличии в селении последователей разных сект. Внимание религиозной общины к семье своих членов определялось тем, что благоприятная атмосфера создавала предпосылки для хозяйственного благополучия семьи, религиозного воспитания детей, в будущем активных членов общины и т.п.

По молоканскому учению, "жена...- помощница и подпора, друг сотоварищ в сей юдоли горькой"[17], однако в действительности отношения между супругами рассматривались как обязательное повиновение жены мужу. Отношения между супругами осложнялись тем, что немало браков заключалось по воле родителей, которые отдавали дочь замуж или женили сына без их согласия, а нередко и вопреки их желанию. Одним из поводов для семейных конфликтов являлось пьянство, которое нередко встречалось в сектантских семьях, даже в молоканских, учение которых запрещало употребление алкоголя.

При обязательном повиновении жены мужу религиозная община, однако, осуждала жестокое обращение мужа с женой. Осуждению подвергалось и невыполнение главой семьи обязательств по содержанию жены, детей, престарелых родителей. Женщина могла обратиться в религиозное собрание с жалобой на мужа за побои, издевательства. Виновному в присутствии единоверцев читали наставления. При повторении проступков ему могли запретить посещать молитвенные собрания в течение месяца или большего срока (в зависимости от степени вины). Если мужчина продолжал бездельничать, не работать, община призывала сельчан не кормить его, не давать ночлега. Об этом сообщали и в соседние религиозные общины, как в селении, так и за его пределами. Бойкот снимался только тогда,

когда отлученный каялся перед молитвенным собранием. Явившегося с покаянием принимали обратно в общину и семью, иногда применив к нему телесные наказания[18].

В середине XIX в. чиновники отмечали в отношении сектантов, "когда между сочетавшимися выйдет несогласие и раздоры, они расторгают браки, составляя иногда мирские приговоры, которых, впрочем, никому не показывают"[19]. Возможно, это заключение сделано на основании наблюдений над субботниками, у которых, хотя разводы и осуждались, религиозное собрание соглашалось на вторичное заключение брака одного из разведенных лиц. Это, как выше упоминалось, являлось одной из причин перехода молокан в секту субботников. Однако в среде молокан существовал строгий взгляд на неразрывность брачных уз. Развод рассматривался крестьянами как тягчайший грех. У молокан, по установившемуся мнению, разведенные супруги -"прелюбодеи", и им не разрешалось вторично вступать в брак. Признание прелюбодеем означало фактическое изгнание из общины и презрение верующих. Таким путем сектантство любым способом стремилось избежать разводов в своей среде.

Жесткая политика общины по отношению к распадающимся семьям останавливала многих женщин от крайнего шага. Определенное значение имело и то, что в большинстве случаев ушедшую от мужа женщину родители не принимали домой, боясь осуждения со стороны сельчан. Иногда женщины, доведенные до отчаяния, направляли прошения о разводе в губернское правление. В 1867 г. крестьянка М.Караева просила разрешить ей развод с мужем: "... 6 лет тому назад я вышла по обряду молоканской секты замуж за поселянина деревни Константиновка Тимофея Вавилова... Я все переносила, будучи в надежде, что он, наконец, опомнится, и мои страдания прекратятся, но ошиблась, страдания мои продолжаются, муж мой с каждым годом усиливает свои притеснения, с каждым днем усиливает побои, ругань и все, что только может служить мне ко вреду, а ему в удовольствие. Не имея средств избавиться от мужа, ... я решилась прибегнуть к стопам Вашего Превосходительства просить приказать кому следует развести меня с мужем Тимофеем Вавиловым..."[20]

Это прошение, как и другие подобного рода, было оставлено без последствий, так как правительство, как было написано в резолюции, "не вмешивается в заблуждения, противные правилам истинной церкви".

Политика властей по отношению к семейной жизни сектантов была своеобразной. Поскольку семейные обряды - крещение, свадьба, смерть не освящались в церкви, власти рассматривали браки сектантов как сожительство и разрешали отказавшимся от сектантского вероучения и принявшим православие ступать в брак вторично[21]. Фактически этим постановлением официально разрешался развод, и принятие православия явилось выходом из семейных конфликтов, которым и пользовались женщины. В 1852 г. беглая крестьянка А.Каныгина на суде объяснила, что на прежнем месте жительства в Саратовской губ. "по несогласию с мужем своим Гр. Козловым, желая получить развод с ним, приняла православие, но потом раскаялась в этом и бежала в 1843 г. в Закавказский край, где вступила в брак с русским крестьянином и начала опять следовать молоканской секте"[22]. В Воронцовке в середине прошлого века две замужние женщины, одна из них с младшим сыном двух лет, "выкрестились" и, приняв православие, уехали в Тифлис[23].

Принявшим православие разрешалось возвращаться на родину. В 1858 г. Дарья Меркулова Катасонова, отказавшись от молоканства, вернулась на родину в с. Чуев Борисоглебовского уезда Тамбовской губ. Ее мужу, оставшемуся в с. Семеновка, было сделано "увещевание, что в случае каких-либо действий к соблазну жены своей поступлено с ним будет как с совратителем"[24].

Одной из важных функций сектантской семьи являлось воспитание детей в религиозном духе, в почитании нравственных догм, по которым жили их отцы, деды и прадеды. Дети приобщались к религии с раннего возраста. Молитвы, сопровождавшие приходи конец дня, трапезу, начало каких-либо работ, атмосфера торжетсвенности, в которой проходило посещение взрослыми членами семьи религиозных собраний, - все это создавало у ребенка особое восприятие религиозной жизни.

Немалую роль в религиозном воспитании детей играли

самые старые члены семьи, которые в силу меньшей занятости находились с детьми больше времени, чем их родители. Старики являлись хранителями не только производственных навыков отцов и дедов, но и традиционных нравственно-этических представлений и норм поведения. В глазах окружающих они я являлись основателями селений, перенесшими все трудности переселения и устройства на новом месте. Некоторые из них были сосланы в Закавказье за приверженность к сектантству, что придавало всему старшему поколению ореол мучеников за веру. Пожилые люди строго следили за соблюдением в семье всех религиозных запретов и регламентаций.

Религиозное воспитание молодежи проводилось не только семьей, но и религиозной общиной. Существовали своего рода воскресные религиозные школы, которые дети начинали посещать с 10-13 лет. По воскресеньям днем вся сельская молодежь собиралась в молитвенном собрании, где опытные наставники знакомили парней и девушек с содержанием Библии, обучали сложным мотивам религиозных песнопений.

Посещение молитвенных собраний, аккуратное выполнение всех религиозных предписаний играли существенную роль в формировании репутации молодого человека. Не только в семье, но и вся община, следили, чтобы молодежь не пропускала воскресные богослужения. Духовные наставники выговаривали родителям, если сын пропускал собрания; наоборот, те, кто отличался набожностью, завоевывали авторитет.

Религия сектантов наложила отпечаток на мирские игры, развлечения. В молоканских селах запрещалась всякая духовная жизнь, не связанная с религиозным культом - народные песни, которые сектанты называли "солдатскими", обряды, танцы. Разрешалось исполнять только религиозно-сектантскую поэзию - духовные стихи и песни религиозного содержания. "Учение прыгунов, - писал Н.А.Дингельштедт, - наложило запрет на всякое проявление веселости. Всякие другие песни, кроме "духовных", строго воспрещены, что, впрочем, не мешает девкам вполголоса напевать песенки... Но такие песни поют только там, где нет старших и никто не слышит... "Вихры нам дерут за эти песни, - рассказывал мне один парень,

а то и постегают ... возжами али чем". Всякая пляска мирского характера также строжайше воспрещена"[25].

Хорошие певцы - исполнители религиозных песен пользовались большим авторитетом и были непременными участниками семейно-обрядовой жизни сектантов. Это являлось немаловажным стимулом для овладения сложным многоголосным пением. Девушки для достижения совершенства в пении нередко собирались у известных певиц и "с голоса" учились петь.

Среди молокан было широко распространено пение псалмов. Духовные стихи были общими для сектантов разных направлений, например, баптистов, молокан: многие из них разучивались по сборникам. Основными мотивами духовных песен являлось воспевание силы и всемогущего бога, безропотное повиновение суровой судьбе, сосуществования и борьба добра со злом и т.п.

Хотя в поэтическом отношении духовные стихи не представляли ценности, однако в воспитании религиозных чувств они играли большую роль. Божественные песни пели не только во время богослужений, но и во время семейных обрядов, праздничных гуляний, на посиделках. По свидетельству Н.А.Дингельштедта, у прыгунов, "где соберется несколько девок или парней или даже одних девок, так сейчас начинаются духовные песни, и зимой, под мирное жужжание веретена или еще более мирное вязание чулка, поется до полсотни песен подряд. В пении принимают участие обыкновенно все присутствующие"[26].

Однако никакие запреты не могли заставить отказаться от того, что было дорого народу. Лирическая и обрядовая поэзия жила среди сектантов "подпольно", Молодежь, собираясь за селом или на посиделки, тайком исполняла народные песни. Были распространены лирические песни, песни о родителях, распорядившихся судьбой сына или дочери вопреки их воле, несчастной жизни в браке, песни литературного происхождения (например, "Шумел, горел пожар московский") и др. Под кадрильные песни, точнее четверостишья, молодежь танцевала.

Особое место в жизни молокан занимала Библия. Она являлась для них источником вероучения и познания истины.

Каждое выступление и действие духовных наставников и рядовых последователей молоканства подкреплялось приличествующей случаю цитатой из Ветхого или Нового завета. Библия являлась настольной книгой в каждой молоканской семье. Обращение к Библии за жизненным советом, цитирование на память фрагментов религиозных текстов - обычное явление в молоканской среде.

Огромная роль, которую занимала Библия в молоканском учении, а также высокая социальная ступень, которую занимал грамотный крестьянин в религиозной общине, подталкивали крестьян к овладению грамотой. Высоким уровнем грамотности молокане выделялись не только по сравнению с субботниками, духоборцами, но и с православными крестьянами.[27]

В молоканских семьях по вечерам любили читать вслух, обычно книги духовного содержания, хотя в некоторых селах, например, в Воронцовке, можно было встретить и книги, и газеты, и журналы.[28] Овладению грамотой кроме религиозных потребностей, способствовало и быстрое развитие товарно-денежных отношений.

Молокане уделяли большое внимание образованию своих детей, особенно мальчиков. Во многих молоканских селах функционировали школы. В 1905 г. в Закавказье насчитывалось 49 сектантских школ (2562 учащихся): в трех школах обучались дети духоборцев (172 уч.), в трех - дети субботников (140 уч.), а в 43 - дети молокан (2250 уч.)[29] Обучали детей приезжие учителя, однако закон божий преподавал по правилам их веры духовный наставник. Во главе школы стоял родительский совет, куда также входили сельский староста и представитель религиозной общины. В некоторых селах занятия учащихся проводились в молитвенных домах, что усиливало конфессиональную ориентацию детей.

Крестьянский мир финансировал строительство школ и библиотек, принимал решение о приглашении на общественные деньги новых учителей. По мнению крестьян, школа должна была обучать детей не только грамоте и счету, но и ремеслам, необходимым в будущей жизни. В 1919 г. в с. Никитино было принято решение о приглашении на общественный счет третьего

школьного учителя и об открытии курсов рукоделия для девочек и ремесленного отделения для мальчиков для обучения их слесарному, столярному, бондарному ремеслам.[30] В 1916 г. молокане с. Сухой Фонтан решили открыть в селе на общественные деньги читальню-библиотеку, которая, по их мнению, должна была отвлекать "молодое поколение от всяких азартных игр и разврата, от дурного поведения".[31]

В функции религиозной общины входил контроль за соблюдением единоверцами различных ограничительных установлений, касающихся всех сфер жизни крестьянина. Традиция запретных решений была принесена крестьянами переселенцами с прежних мест, а замкнутость русских сектантов в условиях Армении способствовала глубокому закреплению этих запретов.

Степень вмешательства общины в вопросы полного и частичного запрета была очень высокой. В субботу сельскохозяйственные работы разрешались лишь в первой половине дня, а с обеда следовало готовиться к посещению религиозного собрания. Очень строго придерживались запрета на работу в выходной день, особенно в больших неразделенных семьях. Лишь в начале XX в., когда усилился процесс семейных разделов, стали разрешать выполнение легких работ в воскресенье, после захода солнца. К нарушителям запретов принимали меры морального воздействия, вплоть до требования покаяния в присутствии членов общины. Даже крестьяне, находившиеся в извозе, старались придерживаться запрета на работу в воскресные дни. Для субботников выходным днем являлась суббота. В этот день по религиозным соображениям им запрещалось разжигать огонь - топить печь и нагревать самовар. Эти работы, по их просьбе, выполняли соседи - молокане.

Отмеченные запреты, как и другие, связанные с половыми отношениями между супругами, чистотой женщины, в той или иной степени были характерны и для русских православного исповедания, проживающих в Армении, хотя по сравнению с этой группой населения контроль за исполнением этих запретов, а также степени их исполнения были значительно выше у сектантов.

Очень строго придерживались молокане Армении пищевых

запретов на ряд продуктов. Они не употребляли в пищу свинину, зайчатину, некоторые виды рыб ("бесчешуйные"), лук, чеснок. У них существовал запрет на курение табака (они называли его "чертовым ладаном") и спиртные напитки. Субботники также не ели свинины.

Кроме этого, сектантам запрещалось употреблять мясо "чужой резки", покупаемое с торгов не у единоверцев. Нарушившие объявлялись грешниками.

Религиозное учение молокан проповедывало соблюдение постов: "Пост ... должен быть тайный, а не явный, то есть не в пище, а в духе".[32] Посты соблюдались накануне праздников (число их, по сравнению с православными, было сокращено). Кроме них, существовали два поста весной и осенью - перед началом сельскохозяйственных работ и по завершении, после которых устраивали общественную трапезу - "приносили жертву". Постились от одного до трех дней. Многодневные посты отсутствовали. Во время поста запрещалось принимать пищу весь день от зари до зари. Согласно одной из версий относительно названия секты, молокане стали называться так потому, что в дни поста им разрешено пить молоко, в то время как православные верующие во время поста молока не употребляют.

Система запретов сыграла свою роль в консервации традиционной одежды. Начавшийся в конце XIX в. процесс проникновения в быт русских сектантов Восточной Армении отдельных элементов городского костюма, не привел к исчезновению традиционных типов одежды из-за стойкого противостояния нововведениям со стороны старшего поколения. Старый костюм продолжал бытовать, хотя шился из покупной ткани. Одежда, превратившись в этнографическую особенность молоканства, стала играть роль социального знака, указывающего на принадлежность ее носителя к этноконфессиональной группе.

Религиозная община фактически была верховной властью в сектантской деревне в прошлом. Она определяла характер тех или иных публичных церемоний и ритуалов, направленность общественного мнения и личного суждения, вкусов, поведения и многое другое. Культурно-бытовая регламентация, контроль

за соблюдением религиозно-нравственных норм ставили члена конфессии в жесткие рамки, не позволяли ему вырваться за пределы этой системы. Личность была подчинена строгим, четким, не имеющим альтернатив нормам поведения. Безусловное следование старине определяли глубокую традиционность всего уклада деревенской жизни, а замкнутость быта русских сектантов, изолированность от материнского этноса, иноэтническое и иноконфессиональное окружение способствовали сохранению религиозных устоев и культурно-бытового комплекса до недавнего времени.

---

1. При написании работы использовались историческая, этнографическая литература, архивные документы, извлеченные из фондов ЦГИА СССР, ЦГИА АрмССР, ЦГИА ГрузССР, дополненные полевыми материалами автора, собранными в русских селениях Армении в 1980-ые годы. Основное внимание уделено влиянию молоканства на культурно-бытовой уклад крестьян, поскольку именно эта группа сектантов преобладала на территории Армении.
2. ЦГИА ГрузССР, ф.4, оп.2, д.140, л.252.
3. Подсчитано нами на основе "Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.", Тифлис, 1895.
4. Егоров П. Закавказские дорожные записки 1851 г. /дорога от Тифлиса до Шемахи и г. Елисаветполя/ - Русский инвалид, 1857, № 217, с. 897.
5. Подсчитано нами на основе "Свода статистических данных.."
6. Прыгуны /материалы к истории обрусения Закавказского края/ - Отечественные записки, 1878, № 9, с.386. Полевые материалы, архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Армении /далее АОЭ/, № 117, л.14.
7. Верещагин В.В. Духоборцы и молокане в Закавказье. - Шииты в Карабахе. - Батчи и опиумоеды в Средней Азии. - Обер - Амергау в горах Баварии. М., 1900, с.28.
8. Бунятов Г.С. Быт русских крестьян Лорийского участка Борчалинского уезда Тифлисской губернии. - Сб. материалов для

описания местностей и племен Кавказа, вып. 31, Тифлис, 1902, с.103.
9. Акты Кавказской археологической комиссии /далее АКАК/, т.XI, Тифлис, 1888, с.2.
10. ЦГИА АрмССР, ф.94, оп.1, д.3519, л.6.
11. Масалкин А.И. К истории закавказских сектантов. - Кавказ, 1893, № 307.
12. ЦГИА АрмССР, ф.133, оп.1, д.257, л.14. Полевые материалы, 1973, тетр.3, л.1,12.
13. АКАК, т.XI, с.2.
14. ЦГИА АрмССР, ф.133, оп.1, д.366; ф.93, оп.1, д.123, лл.1-25, 641-647; д.210.
15. Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей. - СЭ, 1973, № 6, с.54.
16. Полевые материалы, АОЭ, № 117, л.14.
17. Майнов В. Брак и положение женщин у молокан /бытовой очерк/. - Знание, 1874, № 3, с.25.
18. АОЭ, № 152, л.17, 28; № 164, л.33.
19. ЦГИА ГрузССР, ф.239, д.547, л.32.
20. ЦГИА АрмССР, ф.133, оп.1, д.809, л.2-2об.
21. Собрание постановлений по части раскола. СПб, 1875, с.187.
22. ЦГИА СССР, ф.1268, оп.6, д.233, л.1-4.
23. ЦГИА АрмССР, ф.133, оп.1, д.363, л.9.
24. ЦГИА ГрузССР, ф. 239, д.818, л.10.
25. Дингельштедт Н.А. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб, 1885, с.18-19.
26. Там же, с.102.
27. Аргутинский-Долгоруков А.М. Борчалинский уезд в экономическом и коммерческом отношениях. Тифлис, 1897, с.38. Верещагин В.В. Указ. соч., с.40.
28. Аргутинский-Долгоруков А.М. Указ. соч., с.40.
29. ЦГИА АрмССР, ф.113, оп.3, д.84, л.9; оп.5, д.31, л.13об.
30. Там же, ф.140, оп.1, д.8, л.71-72.
31. Там же, ф.101, оп.1, д.99, л. 25-28.
32. Масалкин А.И. Указ. соч., - Кавказ, 1893, № 306.

Ю.В.ИВАНОВА

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ В СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ РУССКИХ-СЕКТАНТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Религиозные секты духоборов и молокан возникли в России во 2-й половине ХУШ в. среди крестьян Тамбовщины и оттуда распространились в соседние губернии. Несмотря на то, что приверженцы этих сект, появившиеся затем и в городах, были весьма различны по своему социальному составу, их объединяло одно: отрицание догматов и обрядов официальной православной церкви. В этом отрицании сочетались философия религиозного протестантизма и социальный протест.

Протестантизм, как новое направление, отколовшееся от католицизма в ХУI в., отразил потребности буржуазного развития, утверждал незыблемость частной собственности, поощрял предпринимательство, требовал упрощения в отправлении культа.

В русском сектанстве, как и в западноевропейском протестантизме /на первых порах/ выражался социальный протест против государственного и религиозного единовластия путем сплочения единоверцев на принципах равенства, единства и братской взаимопомощи. Рационализм русского сектанства В.И.Ленин называл формой политического протеста[I].

Последствием крестьянского протестантизма была высылка сектантов из центральных районов России в окраинные области империи, в частности - за Кавказ.

При переселении за Кавказский хребет в тяготах пути и сложностях обоснования на новых местах реальной опорой путников и новоселов служила их религиозная община. Принцип равенства людей и общности имущества, проповедывавшийся частью молокан /за что они получили название "общие"/, не могли не импонировать.

При переселении в Закавказье перед всеми русскими переселенцами стояли одни и те же задачи: приспособиться к новым местам обитания, наладить производственный и домашний быт

сообразно местным климатическим и другим природным условиям, во-первых, а во-вторых, регулировать отношения с российскими властями с одной стороны и с местными жителями - с другой. На первых порах очевидно, первая задача была главнее всего: требовалось выжить в новых, зачастую не очень благоприятных условиях. С начальством всех рангов приходилось ладить; один из важнейших призывов молоканской общины - законопослушание - здесь очень пригодился, а может быть и укрепился. Но с течением времени, чем налаженнее становились хозяйство и быт, тем больше выдвигались на первый план отношения с местными жителями Закавказья. Ныне это - важнейший вопрос для русских старожилов закавказских республик. Примерно по этой же схеме развивалась общественная жизнь всех русских сектантских общин. Различия между ними зависели не столько от религиозного толка, сколько от конкретных местных условий жизни в разных районах. Поэтому, ставя перед собою задачу выяснить значение сектантской общины в сегодняшней общественной жизни русских сел Закавказья, мы находим возможным объединить свои материалы и говорить о русских сектах в обобщенном контексте[2].

Наиболее примечательная черта общественного сознания русских сектантов - разрыв между автостереотипом /самооценкой членов секты, их собственным видением смысла и значения сектантской общины/ и реальным положением вещей.

Автостереотип построен практически целиком на идеальных представлениях о сектантской общине, на том, какова она должна быть, а не на том, какова она есть в действительности. В беседах с посторонними людьми последователи любой из русских сект говорят о братском единении как основе благополучной жизни, которая для них заключается в душевном покое, в ощущении согласия между своей совестью и богом. Их главные заветы: не завидовать другим, не льститься на внешнее - материальное, то есть призрачное благополучие.

Действительность разрушает идеальную картину, очерченную этим автостереотипом. Крестьянский демократизм придавал большое значение личным качествам человека, этика отношений между людьми проповедывала трудолюбие, а оно, естественно,

предполагало деловитость, предприимчивость, инициативу. Идея равенства очень быстро вошла в коллизию со стремлением к личному обогащению. Миграция всегда под силу самым предприимчивым людям, а новые условия жизни требовали усердия, смекалки. Сознание ответственности перед семьей, направление всех физических и душевных сил на развитие личного хозяйства, благоустройство своего подворья сочетались со строгостью жизни, с обязательной трезвостью. Впрочем, наличных денег, на которые можно было бы приобрести вино, у молодых мужчин практически не было: семейная касса находилась в распоряжении главы семьи.

Уже после нескольких десятилетий жизни русских в Бакинской губернии наблюдатель сообщал: "Русские поселяне быстро оживили, улучшили и возвысили все отрасли сельскохозяйственной промышленности края"[3]. Он отмечал развитие ремесла. Для Ленкоранского уезда было важно освоение пустошей под пашню. "Русские сектанты обжились и устроились на Кавказе", - писал другой автор[4].

К началу XIX в. было заметно в переселенческой деревне имущественное расслоение: зажиточные, а следовательно, наиболее влиятельные крестьяне сосредоточили в своих руках значительные земельные площади, для обработки которых требовались дополнительные рабочие руки постоянно трудившихся в хозяйстве батраков или временных сельскохозяйственных рабочих[5]. Возведение добротных жилых домов, хорошо организованных усадеб, активное занятие различными промыслами в селах и городах /среди них наиболее выгодными оказались извоз и ямщицкая гоньба[6]/ - все это возводилось в ранг добродетели; никого не смущало, что индивидуальное стремление к обогащению нарушали первоначальные принципы уклада религиозной общины[7].

Что характерное осталось сейчас от прошлых времен - так это трудолюбие и добросовестность в работе. Ныне хозяйственные руководители на селе предпочитают трудные, ответственные, а иногда и просто неприятные дела поручать молоканам или баптистам: они знают, что все будет выполнено в точности и на совесть. Сохранилось еще и законопослушание, от-

меченное авторами прошлого века[8].

Почти все эти установки нашли свое отражение в обрядах. Один из семейных современных обрядов - проводы молодого человека в армию. Его благословляют родители по сектантской традиции, простирая руки над его головой. При этом дают советы: слушайся командиров, начальников, исполняй все, что тебе велят, будь скромен и т.д.

Необходимость соблюдать принципы веры, сохранять общину представителями разных сект объясняется по-существу одинаково: человек должен думать о будущем, "спасаться". По мнению активных членов молоканской секты их обычаи - это культурное наследие, которое надо сохранять. Следует не зариться на богатство, не ссориться между собою и с другими людьми, посторонними секте. Их вера политически "безвредная", по имеющимся сведениям, никто никогда не запрещал своим детям вступать в пионеры, в комсомол. Если возникает ссора или даже незначительное недоразумение между членами общины, они должны помириться до захода солнца. Если молоканин скажет резкое слово в адрес своего "брата" /члена его общины/, он тут же обратится к богу со словами раскаяния. В день Пасхи необходимо всеобщее примирение - все прощают друг другу обиды и прегрешения.

Равным образом рассуждают и баптисты /например, так называемые "мокрые баптисты", признающие таинство крещения/: вера нужна для спасения на том свете. В первое воскресенье каждого месяца для скрепления общины они устраивают совместную трапезу - причащение святыми дарами, которые изготовляют сами /хлеб/ или покупают /вино/. В общину принимают лишь тех, кто сам почувствует себя готовым к богоугодной жизни. Хотя по установкам баптистов можно креститься с 18 лет - возраст, когда человек сознательно считает себя "очистившимся, почувствовавшим благодать", - некоторые женатые молодые люди старше 20 лет не считают себя еще достаточно подготовленными.

Однако и в этой, может быть одной из главных сторон общественной жизни, от идеального автостереотипа заметно отличается жизненная реальность. Провозглашение смирения и все-

общей братской любви - это в сущности декларация, за ширмой которой есть и интриги, и неудовольствие со стороны некоторых пожилых мужчин, которые полагают себя более грамотными и подготовленными к "беседам", чем пресвитер, тайная зависть, невольно вырывающаяся наружу. Пресвитер может наложить наказание за непослушание. Может обратиться с суровыми упреками к своей пастве, приказать выполнять поручение /например, сидеть возле покойного, хотя того за что-то не любили "братья" его/. Пресвитер - выборное лицо, но случается, что на его место претендует сын покойного пресвитера, что вызывает неудовольствие, ропот за его спиной. Но как и всякого начальства в мирных делах, духовного наставника побаиваются. Впрочем, можно пожаловаться другому пресвитеру - в районном центре. Получается явная иерархия главарей общины, что не соответствует правилам секты.

Случалось, что пресвитеры, вопреки вероучению, проявляли корысть /такой случай был в с.Ульяновка, где жена пресвитера прихватывала снедь из молельного дома и настаивала на подношениях со стороны паствы/. Бывают неровные отношения к родственникам, которым прощают проступки, и к чужим, которых судят более строго и т.д.

Каждый из членов общины имеет свое определенное место в молельном доме. Это место /ближе к главному столу или в отдалении/ указывает на его вес и авторитет. За престижное место держаться крепко. Зависть не обходит стороной братьев и сестер, между которыми бывают ссоры. Случается ныне и воровство. Одним словом, живая жизнь с ее страстями, зигзагами, крушением идеалов разворачивает сложную и пеструю картину в русских селах за Кавказским хребтом, как и во всем человеческом мире.

Вместе с тем, нравы, этикет, принятый среди сектантов, во многом сохраняется и несет весьма положительные, заслуживающие уважения и подражания образцы. Это прежде всего - уважение старших со стороны младших. Конечно, ныне молодые люди курят, однако - не в присутствии старших. Многие юноши, вернувшись из армии или после заработков на стороне, носят первое время модные длинные волосы, но вскоре отказываются

от этих причесок, потому что общественное мнение их не приемлет. В прежние времена пьянство считалось едва ли не преступлением [9]. Однако уже в конце XIX в. вкус вина не был чужд тогдашней молодежи[10]. Но до сих пор чрезмерное пьянство строго осуждается: пропойцу общество может отказаться хоронить и т.п. Обязательной и естественной считается помощь /деньгами и трудами/ при несчастных случаях, например, пожарах, а в организации похорон - она непременна.

Факторы, стабилизирующие сектантскую общину, поддерживающие ее традиции, различны и неравноценны: в одних конкретных населенных пунктах на первый план выступают то одни факторы, то другие. Очень важен социальный состав населения: исконные крестьяне крепче держатся за веру и традиции, там же, где есть много людей, занимающихся несельскохозяйственным трудом - в производственных мастерских, в магазинах и столовых, школе, управлении колхозов и совхозов, - община слабеет, традиционная культура теряет выразительность, размывается и проявляется лишь в значительных случаях - в дни свадеб, похорон, поминок и т.п.Важно, конечно, насколько близко соседствует данное село с поселениями местного этноса - грузин, азербайджанцев и армян. Однако жизнь с ними в одном селении /изученные села в значительной степени ныне смешанные в этническом отношении/ не так размывает традиции как социальная пестрота самих русских. Казалось бы, что здесь должна сыграть свою роль близость или отдаленность от города, но в действительности это обстоятельство оказывается не столь существенным.

Весьма много зависит от того, в чьих руках оказался общественный авторитет, кто руководит всеобщим мнением. Если оно в руках сектантов-фундаменталистов, то те упорно настаивают на соблюдении сектантских правил. Например, в селе Фиолетово / Армения / именно авторитетные руководители общины следят за тем, чтобы молодые люди, вступившие в брак, приняли правила секты: не посещали кинотеатр, танцы и другие развлечения / детям школьного возраста и неженатой молодежи это разрешается /; когда сельчане стали приобретать телевизоры, их руководители осудили это новшество, люди начали

прятать телевизоры в подвалы и кладовки, смотреть передачи тайком, а потом, поддавшись агитации, и совсем от них отказались / телевизоры в этом селе имеются лишь в домах учителей школы и других жителей, не подчиняющихся правилам секты /.

По мнению всех наших собеседников, сектантская община влияет прямым образом на крепость семьи. Не допускается принуждение молодежи к браку по выбору родителей. Для того, чтобы подчеркнуть крепость брачных уз, при совершении свадебного обряда брачующихся несколько раз спрашивают, по своей ли воле они заключают союз, и призывают в свидетели всех присутствующих при совершении обряда. Со своей стороны присутствующие должны громко подтвердить положительные ответы молодых. По этой причине у сектантов отсутствовало вступление в брак "убегом" - в обход принятым обрядам.

Первое время после переселения в иноэтническую среду у сектантов не допускались смешанные в конфессиональном отношении браки. Легче всего заключались союзы между молоканами, субботниками и баптистами /которые признают единый источник вероучения - Библию/; вместе с тем, члены этих сект не вступали в браки с духоборами, которые отвергают Библию. И ныне браки с единоверцами считаются основой для построения крепкой семьи и ее существования в рамках общины. Православная невеста должна, по правилам общины, принять веру мужа. Ежели она отказывается - брак не может состояться [II]. Если молодой человек все же настаивает на своем выборе, он должен покинуть общину - "уйти в мир", как правило, за этим следует отъезд из родного села: община отвергает отщепенца в прямом смысле. Бывают, впрочем, случаи, когда православная, выйдя за молоканина, принимает обряды общины лишь формально, а то и не соблюдает их.

Женщины 50-60 лет рассказывали о том, что в свое время вынуждены были подчиниться воле матерей: авторитет матери был достаточно велик, чтобы убедить дочь выйти за нелюбимого, даже незнакомого одноверца, лишь бы не связать свою судьбу с русским православным или с грузином.

Ныне русские молоканские девушки в селениях на тер-

ритории Азербайджана выходят иногда замуж даже за азербайджанцев и за армян. Это единичные случаи, которые старшие объясняют современным "своеволием" молодежи. Азербайджанки за русских в этих селах не выходят. Таким образом, азербайджанцы и в наши времена придерживаются правила столь давнего, что оно вошло в Коран как предписание его последователям: к себе чужую женщину - христианку - возьмем, свою - не отдадим. Процент смешанных браков у сектантов ничтожно мал и они могут лишь указать на ту трещину, которая наметилась в монолитной толще их сектантского мировоззрения.

В Грузии после войны практически нарушился порядок брака только со "своими" единоверцами. Девушки стали вступать в брак с русскими-православными, грузинами и армянами. Как правило, русские невестки в грузинских семьях осваивают грузинский язык и подчиняются обычаям своего нового окружения. А грузины своих девушек за русских не отдают. В с. Ульяновке, расположенном в непосредственном соседстве с грузинским, было несколько случаев, когда грузинские мужчины, женившись на русских женщинах, переселялись к ним, принимали молоканскую веру, при этом их фамилии переделывались так, чтобы получить окончание на "-ов".

Благом для семьи считалось всегда рождение многих детей. Бывало и по 15 человек. Ныне в семье рождается по 6-7 детей, изредка - 10-12 человек. "Хлеб даром не дается" - говорят крестьяне, - "работать надо, чтобы прокормить семью, читать, смотреть телевизор некогда", - объясняют они свою отгороженность от "мира".

Разводов среди сектантов практически не бывает. В этом выражается крепость сектантской семьи. Если все же случается разрыв, то разведенным женщинам и мужчинам вступать во второй брак в своем родном селе уже невозможно.

В обследованных селах наблюдается большой разброс мнений по поводу норм брака: от строгого требования к детям, чтобы они вступали в брак согласно обычаям веры и разрыва отношений с ними в случае своевольного выбора, и до скрытия от новых родственников своей принадлежности к секте, если дети находят себе пару вне села, в отдалении от родных мест.

Наиболее частые случаи: родители не препятствуют выбору детей, не возражают, если дочь, выйдя замуж за православного, принимает крещение и венчается по христианскому канону. Главное условие, которое при этом стараются выполнить, - это сыграть свадьбу в родном селе по обычаю своей секты.

Свадебную обрядность соблюдают строго. Главный ее акт - благословение невесты и жениха отдельно в их домах пресвитером и родителями, а затем благословение их обоих в доме невесты, сопровождаемое двумя символическими действиями: надеванием на невесту /которая с момента благословения считается уже женой/ женского головного убора и переходом невесты в группу, сопровождающую жениха, так сказать - в его род.

Закрывание лица невесты, известное в прошлом[I2], не соблюдают примерно с 1930-40-х гг. Ныне традиционные обряды, включая общий обед в молельном доме, состоящий из издавна принятых блюд, сочетаются с белым платьем и фатою невесты, регистрацией брака в сельском совете и застольем, дублирующим общий обед, но уже поданым по-современному - с вином и закусками.

Такое же компромиссное решение принято сейчас и в день похорон, поминок на 40-ой день и годичный день смерти: устраивают два поминальных обеда. Один происходит в молельном доме или же в доме покойного по традиционным правилам: подают на стол чай с выпечкой, борщ, лапшу, мясо с картошкой, кисель. Между каждой переменой блюд поют священные тексты и произносят краткие формулы в память покойного и в утешение семьи его и других близких. На этих общих обедах все одеты в соответствии с традицией - женщины в белых головных платках /иногда их теперь заменяют пестрыми/, в широких юбках до щиколоток и закрытых кофтах с рукавами, мужчины в рубашках на-выпуск с длинными рукавами. Второй поминальный обед накрывают в другом помещении, устанавливая стол винами, водкой, закусками и горячими блюдами; все это в большой степени заимствовано из местной кавказской кухни. За этим столом первое место занимает не пресвитер, а другой, - как правило, немолодой, уважаемый на селе, - мужчи-

на, который произносит длинные речи, вспоминая лучшие стороны в характере и деяниях покойного, выражая уважение родственникам и т.д. Этот человек называется по-грузински "тамада", да и все застолье весьма смахивает на "кавказское". В некоторых местах обычай грузинских женщин надевать черные траурные платья переняли и русские. Это вызывает резкое недовольство пожилых сектанток: "А меня уж, пожалуйста, хороните, надев белые платки, по-нашему", - завещают они близким своим.

Таким образом, вся знаковая система при совершении важнейших семейных обрядов - свадеб и похорон /как и поминок/ оказалась ныне двойственной, смешанной, сочетающей традиции и новации.

Процесс смешения культурных навыков вполне естественен при совместном проживании людей, принадлежащих к разным этносам и обладающих различными трудовыми навыками. Через инновации, вызванные к жизни повседневными потребностями, "...культура может повышать эффективность своей основной функции - адаптации к социальной и природной среде"[13]. Речь идет о чисто утилитарных приемах, заимствованных путем подражания в процессе деловых и дружеских связей разноэтнических групп, находящихся в одинаковой экономической ситуации.

Однако самоощущение себя в иноэтнической среде, субъективная оценка своих культурных навыков по сравнению с культурными традициями местных жителей опять-таки нередко расходятся с объективными фактами. Ограничимся одним конкретным примером. В пищевом рационе русских переселенцев, в способах приготовления блюд и заготовке пищевых запасов впрок в быту русских крестьян имеют место традиции местной хозяйственной технологии. Особенно это ощутимо во всем, что касается скотоводческого хозяйственного комплекса[14]. Тем не менее в беседах с этнографами русские женщины, все как одна, затруднялись ответить на вопрос - что вы переняли от кавказских соседок в ведении хозяйства? Они обычно отвечали: "Ничего! Скорее они от нас переняли чистоту и порядок в жилом помещении, приготовление борща и еще коечего" /поистине борщ становится символом русской традици-

онной культуры!/. Это всего лишь один, небольшой, но характерный пример негативного этнического стереотипа, отмеченного как в селах, обследованных автором настоящей публикации, так и в других русских селениях[15]. В известной степени этот феномен можно объяснить психологическим барьером между "своими" и "чужими": не хочется признаваться перед самим собой, что у "чужих" может быть что-то лучше, чем у "своих", что следовало бы перенять /хотя в действительности что-то перенимается и усваивается, а следовательно - оценивается положительно/.

Возможно, что этот психологический барьер стал возникать несколько десятилетий назад, когда началась межэтническая напряженность, результатом которой явился отток старожильческого русского населения из Закавказья. Он усилился в самые последние годы[16]. В межэтнических отношениях русских с окружающими кавказскими этносами наблюдается общая для подобных ситуаций закономерность: непосредственные соседи, товарищи по работе относятся друг к другу без предубеждения /например, руководители хозяйств стараются по мере возможности не давать заданий сектантам на воскресенье, соседки уважают субботний отдых сектантов-субботников и стараются помочь им по хозяйству и т.д., обязательно выражают соболезнования и оказывают помощь в случае смерти русского человека/, а на более высоком, так сказать обобщенном уровне - настороженность, взаимные негативные оценки. Наметившиеся межэтнические трения повлияли на снижения чувства привязанности к родным местам, на появление своего рода вторичной дезадаптации. Люди стали легко сниматься с места в поисках лучшей судьбы. В первых рядах таких мигрантов - молодежь. В этом процессе, о котором уже сообщалось подробно в специальных статьях[17], - одна из главных причин распада сектантской религиозной общины.

Молодежь, преимущественно юноши, уходят в города, предпочитают неустойчивой оплате труда в колхозах и совхозах твердый заработок на государственном предприятии. Привлекает и перспектива воскресного времяпрепровождения в городах - посещения театра, кино и т.д. Но главный поток

мигрантов направляется в села и города Ставропольского и Краснодарского края с тем, чтобы обзавестись там своим домом и кое-каким подсобным хозяйством, среди многих из них сохраняется привлекательность труда на земле и стремление к самообеспечению. Зачастую к детям, устроившим свою жизнь на стороне, переезжают родители, но чаще всего - они приезжают на время, чтобы снабдить новоявленных горожан продуктами своего сельского труда. Если такие переселенцы попадут в среду русских православных, и тем более если они там вступают в брак, для них утрачивается смысл религиозного сектантства, бывает, что они даже скрывают свое религиозное происхождение. Однако некоторые из них вливаются в сектантские общины в местах нового поселения. Следует отметить широкие связи баптистов, которые опираются на иерархию общин, причем их "старший брат" находится в Тбилиси и является грузином по национальности. На свадьбу сына пресвитера "мокрых баптистов" в селе Новоголовка /Грузия/ прибыли гости - "братья" и "сестры" из Тбилиси, Киева, Запорожья. Тем не менее отъезд молодежи, "постарение" сельского населения, наряду с общей установкой на отъезд из Закавказья в Россию надо признать существенным фактором распада или по крайней мере ослабления сектантских общин в целом.

Второй не менее существенный фактор этого процесса - расширение профессиональной деятельности и социальных связей сельских жителей. Выше уже отмечалась закономерность: чем разнообразнее социальный состав населения, тем слабее авторитет религиозной общины.

Наконец, временные изменения, естественным образом вливающиеся в традиционный быт инновации, порожденные современной интернациональной культурой как и соседством с местным кавказским населением, тоже включенным в этот общий поток, вносят в быт русских старожилов многие особенности компромиссного характера.

Выше уже упоминалось о свадьбах и поминках, сопровождаемых пиршествами с выпивкой и нетрадиционной закуской. И эти уже ставшими обыденными застолья сочетаются с сохра-

няющимся до сих пор отвращением к мясу, приобретенному на стороне, приготовленному вопреки правилу - сливание крови закалываемого животного. Для повседневного употребления мясо покупают друг у друга: тот, кто закалывает животное в своем хозяйстве, продает остальным. Для большого съезда гостей сектанты могут купить корову, бычка на базаре, но заколят их и разделают обязательно сами. И в то же самое время жители русских сел в Азербайджане не отказывают себе в покупке в сельском магазине свиных консервов /чего категорически не делают азербайджанцы/. И такое противоречие происходит как-то незаметно, без всяких размышлений.

Вино теперь пьют повсеместно, даже пожилые женщины, посетительницы молельного дома. Некоторые хозяйки сами делают вино из собственного винограда. О былом запрете вина они и не вспоминают. По мнению женщин, запрещенную в прошлом зайчатину могут есть мужчины, а у женщин ее "организм не принимает"[18].

В чем же состоит влияние сектантской общины в наше время? Прежде всего - в поддержании прежних моральных установок. Где сильнее, где слабее, но они везде оказывают определенное влияние на общественное мнение, на взаимоотношение поколений, на нравственный климат общества.

Зарегестрированных членов общины в каждом населенном пункте сейчас немного, в среднем вероятно около 10% населения. Но это весьма неопределенная цифра, так как календарные и другие праздники, семейные события могут собирать гораздо большее число участников, чем посещения молельного дома. Число этих посетителей тоже неопределенное - зависит от дня недели, времени года и разных привходящих обстоятельств.

Молельный дом, как правило, посещают три категории верующих. Во-первых, пожилые мужчины, которые считают себя сведущими в Священном писании - не только руководители общины /пресвитеры и их помощники/, но и другие грамотные, умеющие толковать тексты /"беседовать"/. Они задают тон на молениях. Но этим их авторитет не ограничивается, он распространяется на всю жизнь общины и села в целом. От того,

насколько авторитетны эти люди и насколько они сами убеждены в необходимости соблюдения и дальнейшего сохранения установлений религиозного толка, зависят как и внутренние взаимоотношения в общине, так и ее место в жизни всего села.

Вторая категория постоянных посетителей молельных домов - женщины пожилые или средних лет, к ним примыкают и некоторые молодые. Для них это прежде всего способ общения, стремление находиться среди единомышленников, уменьшить свои личные бытовые и семейные огорчения в беседах о смирении, о недопустимости зависти и вражды к людям. Среди этих женщин есть любительницы хорового пения /у молокан распевание священных текстов - это целое искусство, которому специально обучаются/. Хоры из разных сел собираются иногда вместе по конкретному случаю; тогда получается нечто вроде соревнования хоров, доставляющее его участникам эстетическое наслаждение.

К религиозным общинам в последнее время примыкают пожилые люди, особенно женщины, оставшиеся в одиночестве после отъезда их взрослых детей с внуками в города. Здесь проявляется человеческая тяга к общению с себе подобными. Молельный дом становится местом времяпровождения, нечего и говорить, что другого места в селах, даже в больших, для этого нет, а так называемая "клубная работа" - это убогая фикция. Раньше советским служащим, прежде всего учителям, строго запрещалось посещать молельню, поэтому они и в 50 - 60 лет плохо знают обряды. Теперь в силу изменения отношения к религии советская власть на селе и руководители сект как-то пытаются между собой договориться. Получив возможность, пожилые пенсионерки, даже учительницы, начинают посещать молельный дом, учатся петь в хоре, ищут в этом духовное общение со сверстницами.

По правилам женщины не должны читать священные книги во время моления, им полагается только петь. Однако в наше время как и в иных - трудовых или общественных делах - женщин оказывается больше, чем мужчин, и им приходится принимать на себя мужские обязанности. Если на моление мужчины

не приходят, руководство всем обрядом поручается какой-либо активной, сведущей женщине. А случается, что в общине вообще нет мужчин /например, так получилось в селе Андреевка в Азербайджане в 1889 г./, и тут уже не приходится выбирать - руководят молением сами женщины.

Община каждой секты имеет свое имущество. Наиболее организованные общины - молельный дом, где проводят также и общие обеды - "сборы". В других местах имеется только общая утварь для организации таких сборов, которую при необходимости приносят в какой-либо жилой дом.

Во время моления собирают деньги на текущие нужды общины /распоряжается ими пресвитер/, причем делают так, что окружающие не видят - кто сколько вносит /кладут под скатерть на стол/, чтобы пожертвования были действительно добровольными. В случае необходимости объявляют сбор денег для каких-то экстраординарных трат. Баптисты расходуют общинные деньги на приобретение периодических изданий для своей секты.

За время житья русских в Закавказье не только их вероучение усложнилось, оформились новые секты, толки и направления, но к ним примкнули и местные люди - грузины, армяне и другие. Ныне в Тбилиси 4 молельных дома молокан. Но посещают их только пожилые люди, ибо люди среднего поколения выросли во времена, когда религиозные убеждения преследовались, а они работали и были озабочены совсем иными проблемами. Дети из молоканских семей вступают в браки с православными, а их матери даже не пытаются сообщить невесткам сектантские правила /например, о супружеском воздержании в определенные дни недели и года/. Это воспринимается людьми 70-80-летнего возраста как естественное явление и не вызывает протеста.

Весьма примечательны изменения в знаковой системе русских сектантов. Хотя протестантизм их как раз и выражается в отрицании предметных символов /все, что сделано руками человека, - "греховно"/, молельные дома все же украшают настенными ковриками с вышитыми изречениями и даже картинками на религиозные темы.

Главный знак принадлежности к секте - внешний вид ее последователей: мужчины отращивают бороды /это принято делать с момента вступления в брак/, носят ситцевые рубахи на выпуск, на головах - картузы или шляпы, кепки не приняты. Везде без исключения женщины входят в молельный дом, покрыв головы. Раньше считалось необходимым покрывать голову и в повседневном быту /"перед мужчинами было стыдно", - вспоминают пожилые женщины/. По традиции платки должны быть белыми, но, - как отмечалось уже выше, - иногда заменяются цветными, а в некоторых местах в знак траура надевают черные. Но, конечно, отступления от таких правил неизбежны: женщины помоложе могут войти в молельный дом в платье с короткими рукавами, завязать косынку не под подбородком, а на затылке.

Обязательной принадлежностью русского традиционного женского костюма был фартук. И хотя во многих селах фартуков в повседневном быту уже не носят, он считается если не обязательным, то желательным элементом костюма при посещении молельного дома. Его символическое значение возрастает по мере утраты повседневного пользования. В молельных домах Тбилиси недавно было решено, что женщины должны приносить с собой фартуки и надевать их перед тем как переступить порог молельни /подобно тому, как грузинки и русские у порога православной церкви вынимают из сумочек и надевают головные платки/.

Русские сектанты не признают обручальных колец, как и всех прочих символов православия. Однако молодые женщины, как все женщины мира, тянутся к украшениям, им нравится носить кольца, в том числе и золотые - "обручальные": они сами их покупают и носят, не придавая символического значения /это особенно характерно для Азербайджана/. Но там, где правила общины еще строги, например, у баптистов, тяга к золоту осуждается. Если нельзя запретить женщинам украшать себя вообще, то в молельный дом в золотых украшениях входить нельзя.

Можно привести много примеров изменения знаковой системы. Это касается, например, роли хлебного каравая в сва-

дебном обряде. Полагалось благославлять молодых именно над караваем /его съедали утром после брачной ночи/. С другим караваем в руках родители жениха встречают брачующихся на пороге своего дома. Ныне эти хлеба выпекают, но при совершении обряда никаких манипуляций с ними не производят.

Пожалуй, самое примечательное изменение произошло в погребальном обряде. По традиции молокане не ухаживают за могилами: "Нельзя нарушать покой мертвых" /может быть, это проявление рационалистического мышления протестантов в отличие от христианской мистики/. А ныне установилась мода /не то русская, не то грузинская/ воздвигать памятники и обухаживать могилы[I9]. Молокане отмечают 40-ой день после смерти и ее годовщину. В эти дни кладбище посещают только самые близкие /после чего они навсегда оставляют могилу/. Теперь /это наблюдалось в с. Ульяновка, расположенном в непосредственной близости от грузинского села/ на 40-ой день к моменту посещения кладбища устанавливают пышный памятник, огороженный, с ухоженным участком вокруг. Над могилой женщины при большом стечении народа громко и театрально причитают, произносят целые эмоциональные монологи. Раздают еду присутствующим, мужчины тут же пьют вино и поливают им могилу.

Таким образом, погребальный обряд утратил всю суть знаковой системы молоканской общины и воспринял набор инноваций. Такое молоканское кладбище теперь уже не отличить от православного.

Следовательно, разрыв социальных связей, ослабление секты как общественной организации влечет за собой отказ /не преднамеренный, но естественно возникающий/ и от символов, выраженных в вещах и поступках.

I. Ленин В.И. ПСС. т.4, с.228.

2. Все сведения, которые не снабжены специальными ссылками, почерпнуты из полевых материалов автора: Ю.В.Иванова. Русские Закавказья. Полевая тетрадь I /Азербайджан, I989 г./,

Полевая тетрадь П /Грузия, 1990 г./, Полевая тетрадь Ш /Армения, 1990 г./ - Архив Института этнологии и антропологии АН СССР.
3. Зейдлиц Н. Этнографический очерк Бакинской губернии // Кавказский календарь на 1871 год. Тифлис, 1870, ч.П, с.46.
4. Дингельштадт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб, 1885, с.288-289.
5. Исмаил-Заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье. М., 1982, с.65-66.
6. Бутянов С. Заработки русских переселенцев Борчалинского уезда // Кавказское сельское хозяйство. 1898, 23 июля, с.475-476; Аргунский-Долгоруков А.М. Борчалинский уезд Тифлисской губернии в экономическом и коммерческом отношениях. Тифлис, 1897, с.34-40, 133.
7. Колосов С. Русские сектанты в Эриванской губернии // Памятная книжка по Эриванской губернии на 1902 год, с.143, 153-154. Вермишев Х.А. Земледелие у государственных крестьян Закавказского края // Сборник материалов для изучения экономического быта и государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888, т.4, ч.П, с.339.
8. Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб, 1869, с.309.
9. Надеждин П. Указ. соч., с.309.
10. Дингельштадт Н. Указ. соч., с.130-157.
11. Малахова И.Н. О современных молоканах. М., 1968, с.28.
12. Дингельштадт Н. Указ. соч., с.161.
13. Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Сов.этнография, 1982, № 1, с.12.
14. Григулевич Н.И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // Сов. этнография, 1990, № 1, с.115, 120, 124.
15. Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Сов.этнография, 1989, № 5, с.46-48.
16. Известия. 17.05.90, № 133 /23041/.
17. Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане // Сов.

этнография, 1988, № 6, с.46-49.

18. Не стоит идеализировать строгость жизни и в прошлом: Дингельштадт /указ. соч., С.124, 130-157, 274/ рассказывал еще в последней четверти прошлого века о том, как молодые парни, отправляясь с русскими горожанами на охоту, пробовали зайчатину и мясо другой дичи, пили вино и даже курили. Запрещенный плод из рук тифлисских дачников оказывался весьма сладок.

19. Интересная аналогия: аджарцы /грузины-мусульмане/, расселившиеся в греческих селах Кобулетского района, также устраивают свои кладбища с памятниками, оградами, цветами и т.д. на манер православного. Мусульманской символики они не придерживаются.

С.А.ИНИКОВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КАВКАЗСКИХ ДУХОБОРЦЕВ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть в историческом развитии взаимоотношения этнолокальной группы русских сектантов-духоборцев с местным населением, в 40-е годы XIX в. выселенных царским правительством на Кавказ.

В те годы остро встал вопрос о заселении недавно присоединенных к России районов Кавказа. Еще в 1825-26 годах были приняты постановления о заселении Кавказской линии духоборцами, обнаруженными среди донских казаков и во внутренних губерниях России. Член Комитета министров генерал-губернатор Новороссии Ермолов предложил селить духоборцев за новой линией русских войск; по его мнению, это принес-

ло бы двойную пользу, т.к. "люди сии, находясь всегда впереди противу горских народов по необходимости должны будут оружием защищать свое имущество и семейства, а во-вторых тем, что другие, видя таковое употребление духоборцев, будут воздерживаться от вступления в духоборческую секту"[1]. Его предложение встретило высочайшее одобрение, и в 1831 г. в Карабахской провинции возникло первое поселение духоборцев из донских казаков[2] - Кизил-Кишлаг. Но число новых поселенцев было невелико и их силами правительство не могло решить проблему колонизации Кавказа.

В 1841-1845 гг. все жившие в Таврии духоборцы, отказавшиеся перейти в православие, по решению суда пятью партиями общей численностью в 5 тыс. человек были выселены в Закавказье. Первые три партии поселились на Ахалкалакском участке Ахалцихского уезда Грузинско-Имеретинской губернии, где основали восемь сел: Горелое, Богдановку, Орловку, Ефремовку, Спасское, Троицкое, Родионовку, Тамбовку. Четвертая и пятая партии были поселены в Елизаветпольском уезде той же губернии в с.Славянка. Земли, отведенные Ахалкалакским духоборцам, из-за сурового климата высокогорья /1800-2100 м над уровнем моря/ оказались мало пригодны для земледелия и уже в первые годы после их переселения часть духоборцев перешла в Борчалинский уезд на частные земли князей Орбелиани, а небольшая часть присоединилась к собратьям в Елизаветпольском уезде. В результате к началу 1850-х гг. XIX в. около Славянки возникли села Новогорелое, Новотроицкое, Новоспасское и в Борчалинском уезде - Башкочет, Караклис Русский, Армашен, Карабулах.

Новыми соседями духоборцев стали армяне, курды и азербайджанцы, последних в то время называли "татарами"[x]. Отношения с местным населением складывались очень сложно, причем с армянами и татарами по-разному. Армяне, в официальных документах именовавшиеся "туземцами", на самом деле были такими же переселенцами как и духоборцы. В 1829 г. по Адрианопольскому миру им было разрешено переселиться с тер-

x. Далее в тексте, касающемся XIX в., мы также будем именовать их татарами.

ритории Турции на закавказские земли, отошедшие к России. В Ахалкалакском уезде осели в основном эрзерумские и ардаганские армяне[3] - григориане и католики.

Оседлое христианское население по своему складу было ближе духоборцам, чем кочевавшие в этих местах на летних пастбищах мусульмане-татары. Поселение духоборцев в Ахалкалакском, Елизаветпольском и в Борчалинском уездах ущемляло интересы живших или кочевавших в тех районах местных жителей. Духоборцы натолкнулись на молчаливое сопротивление армян и вооруженный отпор со стороны татар. Разбои творили главным образом вооруженные отряды местных беков и банды, постоянно делавшие рейды с турецкой территории. В 1847-48 гг. духоборцы только Армашенского общества понесли убытков от разбоев на 1767 руб.[4] Генерал Ермолов оказался прав: несмотря на строгие запреты духоборческого учения брать в руки оружие, а тем более убивать, духоборцам пришлось взяться за ружья. Для защиты от набегов в каждом селе создавались отряды "казачков". До сих пор на окнах старинных амбаров можно увидеть железные решетки, превращавшие их в крепость, а сараи для скота строили с глухими стенами и окнами в крыше.

В 1854 г. местные власти, не имея возможности защитить переселенцев Елизаветпольского уезда, предложили им приобрести 913 ружей за казенную цену[5]. И это при всем том, что духоборцы были ссыльными и в глазах местной администрации они являлись не только вероотступниками, но и разрушителями основ государства.

Местное население первое время тоже смотрело на них "как на убийц и вообще преступников", их "чуждались как прокаженных"[6].

Внешняя опасность и отчуждение соседей еще более сплотили духоборцев. Во многом этому способствовала и компактность их расселения. Их села в трех уездах составили три сельских общества: Гореловское, Армашенское, Славянское в которых в 1850-51 гг. соответственно проживало 2397, 655 и 2037 человек. В 1879 г. после присоединения к России Карской области часть духоборцев, в основном из Славянского

общества, перешла туда. К середине 80-х годов XIX в. в Закавказье и Карсской области проживало I2,8 тыс. духоборцев[7], а к концу 90-х годов - около 20 тысяч.

Духоборцы перенесли на Кавказ сложившуюся еще на Молочных Водах организацию управления, общественные капиталы и железную дисциплину. Духоборцы, расселенные в разных уездах, были связаны религиозными, экономическими и родственными узами. Ежегодно они съезжались в Горелое для решения особо важных вопросов; в тяжелые моменты каждая семья могла рассчитывать на помощь из общественной казны, в случае неурожая в одном районе духоборцы других районов всегда оказывали помощь продовольствием и фуражом. Духоборцы Закавказья представляли очень сплоченную, экономически крепкую общность.

По сравнению с местным населением духоборцы получили значительные наделы земли. В соответствии с "Инструкцией местным начальствам по предмету переселения раскольников вредных ересей в Закавказский край" от 2 мая I843 г. при подымном наделении землей им должно было выделяться от 30 до 60 десятин в зависимости от того, есть ли еще какие "особые выгоды" в местах поселения, а при подушном распределении земли - не более I5 десятин, но не менее 5 десятин удобной земли на душу.

Ахалкалакские духоборцы, поселенные на самых неудобных землях, получили по 60 десятин на дым, хотя не для всех сел эта норма была выдержана. В среднем на душу мужского пола приходилось I2 десятин удобной земли /пашня, сенокосы/, в Славянке подушный надел оказался немного меньше - II,4 десятины[8]. Подушные наделы местного населения были в два-три раза меньше, однако по качеству и географическому положению их земли были лучше. То обстоятельство, что новоприбывшие получили земли больше, вызывало недовольство их соседей. Армяне Ахалкалакского уезда неоднократно, например, обращались к кавказским властям с жалобами на малоземелье и просьбами увеличить их наделы до 60 десятин на дым как у духоборцев[9]. Последние имели возможность еще и арендовать казенные пастбища. Вопрос об аренде превратился

в главную причину конфликтов с армянами и татарами. Земельные споры носили затяжной характер. Духоборческое село Родионовка выясняла отношения с армянским селом Пога, Богдановка постоянно конфликтовала с Большими Ханчалами. Иногда эти конфликты оканчивались стычками: в 1864 г. духоборцы с. Горелого и с. Спасского силой прогнали пастухов села Сатха с казенного пастбища Думы, но вскоре тоже самое проделали жители Сатхи с пастухами духоборческих сел[10].

Острый характер приобрели земельные конфликты с татарами; при этом особенно страдала Родионовка, на смежных землях с которой кочевали татары селений Ах-Такла и Кира-Такла. Постоянные потравы посевов, угон скота и даже вооруженные нападения вынуждали родионовцев быть в постоянной готовности к отпору. В своей жалобе Тифлисскому генерал-губернатору от 27 июня 1884 г. они выражали пожелание, чтобы вместо татар на соседние земли князей Орбелиани пришли другие арендаторы: другой нации и религии, более добросовестные, чем магометане[11]. Справедливости ради надо отметить, что земельные споры иногда случались и между духоборческими селами.

В земельных спорах с кавказским населением духоборцы обычно пользовались покровительством администрации. Один из чиновников экспедиции Государственных имуществ в 1856 г. высказался по этому поводу достаточно определенно: "...земля, хотя бы в избытке, принесет в руках смышленных духоборцев, превращаясь в пашни или пастбища, пользы общественные или результаты важные для края, которых она никогда не принесет в руках их туземных соседей"[12].

Поддержка со стороны кавказской администрации позволила духоборцам сконцентрировать в своих руках большое количество земли. В 1846 г. Гореловское сельское общество на 3608 человек /1759 мужчин/ имело 21501 десятину удобной земли и 6515 десятин неудобной, т.е. в их руках было сосредоточено 20% всей имеющейся в уезде земли[13]. В Славянке на 814 жителей /387 мужчин/ приходилось 4428 десятин удобной и 3305 десятин неудобной земли[14]. К середине 80-х годов Ахалкалакские духоборцы, составлявшие 1/6 жителей уезда, имели

35% всей земельной площади /25% всей удобной земли и 46,6% всей неудобной/, а елизаветпольские духоборцы, без учета земель с. Новотроицкого, владели 7% всех земель[15].

Духоборцы, несмотря на все тяготы переселения, пришли на Кавказ со своим скотом, привезли орудия труда. В 1856 г. духоборцы Ахалкалакского уезда, составлявшие 14,5% населения, владели 58% лошадей, 19% крупного рогатого скота, 31% овец[16]. Через 30 лет духоборцы составили 16% населения и в их руках было сосредоточено около 67% всего поголовья лошадей, 20% крупного рогатого скота, 43% мелкого рогатого скота[17]. В Карсской области на каждые 100 душ у духоборцев приходилось 40 лошадей, у молокан - 32, у карапапахов - 12,5, турок - 11,9, курдов - 7,7, армян - 6 голов[18].

Духоборцы в Закавказье уже к началу 50-х годов превратились в экономическую силу, с которой их соседям приходилось считаться. Тифлисский генерал-губернатор писал в 1895 г., что туземное население "с течением времени привыкло уважать в них сильную духом и материально организацию"[19].

Местному населению было чему поучиться у духоборцев: они, так же как и молокане, принесли в эти районы более совершенные орудия труда, новые лучшие породы скота, более передовые методы ведения хозяйства. Современники отмечали, что именно духоборцы положили начало мериносному овцеводству в крае, развели привезенную с собой черкасскую породу коров и лучшие породы лошадей[20]. Местное население переняло у духоборцев косу, четырехколесные повозки, которые постепенно начали вытеснять традиционные арбы[21]. Русские, в том числе духоборцы, принесли на Кавказ такую сельскохозяйственную культуру как картофель, способствовали развитию в крае огородничества[22].

Правда, и самим духоборцам, оказавшимся в непривычных условиях горного климата, не знающих особенностей почв, содержания скота, пришлось учиться у местного населения.

В первые же годы они стали использовать для обмолота широко распространенную на Кавказе и известную под разными названиями деревянную доску-терку, усеянную с одной сторо-

ны кремниевыми камушками, причем постепенно эта терка оттеснила на второй план привезенный с юга России каменный каток. Преимущество терки заключалось в том, что она не только молотила, но сразу же резала солому на саман, который в условиях длительного периода стойлового содержания скота, особенно в хозяйствах ахалкалакских духоборцев, использовался на корм недойному скоту.

Карсские духоборцы переняли у местных турок приемы обработки земли: "Пахать поглубже, сеять пораньше...", т.к. талая вода к середине лета испарялась и хлеба испытывали большой недостаток влаги, а августовские заморозки часто губили поздние посевы.

Ахалкалакские духоборцы для плужной вспашки часто нанимали армян с их инвентарем и волами. Каменистая сырая почва лучше поддавалась обработке на волах, а сами духоборцы считали содержание их менее выгодным, чем содержание лошадей, хотя у некоторых хозяев были и те и другие[23].

Духоборцы редко нанимали работников из своих единоверцев. Обычно в качестве пастухов овец они приглашали армян или курдов. Армяне работали и в других сферах хозяйства духоборцев. В советской литературе укрепилось мнение о нещадной эксплуатации духоборами местного населения, причем факты, положительно характеризовавшие их взаимоотношения, сознательно опускались[24]. Духоборцы выступали в роли какой-то оголтелой банды стяжателей, низведших местное население до нищенского уровня существования. Безусловно, духоборцы были использованы для проведения колонизаторской политики царского правительства в этом регионе, но нельза забывать, что их поселили на землях, которые ранее не использовались для земледелия. Они сумели поднять сельскохозяйственную культуру региона. Жители этих районов по своему развитию стояли на более низком социально-экономическом уровне, чем духоборцы.

Х.А.Вермишев отмечал, что к батракам из местных жителей духоборцы относятся хорошо[25]. Если такой работник завоевывал доверие духоборца, то потом он мог всегда рассчитывать на получение в долг денег, хлеба или даже на безвоз-

мездную помощь в случае какого-либо несчастья. Тот же Х.А. Вермишев сообщает, что в начале духоборцы давали соседям деньги без расписок и без процентов, но, столкнувшись с обманом, стали осторожнее и научились брать 5-10%, хотя все другие берут 20%[26]. В.П.Бочкарев, обследовавший экономическое состояние Карсской области, писал, что в неурожайные годы духоборцы давали безвозмездно хлеб из общественных амбаров не только нуждающимся единоверцам, но и соседям[27].

Межнациональные отношения духоборцев с местным населением начали стабилизироваться именно на почве экономических контактов, т.к. никаких других первоначально здесь и быть не могло: этому препятствовали различия в культуре и языке, а также особенности религиозно-сектантского учения духоборцев.

Среди самих духоборцев были выходцы из украинцев Екатеринославской и Харьковской губерний, тамбовская мордва, поляки, цыгане, татары, хотя, конечно, большинство были русские. До сих пор жителей Богдановки называют "хохлами", а в с. Калинино /бывш. с. Троицкое/ часть села называется "Украинка", в с. Спасовке /бывш. с. Спасское/ один край называется "мордовским". Руководители секты еще в Таврии постарались объединить духоборцев не только на основе религиозного культа и единой обрядности, уравнения имущества, но и регламентацией одежды, приведшей к созданию единообразного для всех членов особого духоборческого костюма. Людей другой национальности обучали русскому языку, на котором велось богослужение. Многонациональный состав духоборцев должен был создавать атмосферу национальной терпимости. У духоборцев был выработан своеобразный кодекс поведения с людьми любых национальностей: с русскими быть русским, с поляками быть поляком, с турками - турком и т.д.[28]. Однако в силу идеи избранности и веры в свою особую миссию, духоборцы считали себя особым народом и требовали признания этого от остальных, в том числе и от властей[29]. Для них весь мир был поделен на "своих" - духоборцев и - "чужих". На Кавказе до середины 90-х годов XIX в. духоборцы совершенно отказались от прозелитизма в силу языкового и

психологического барьера и еще больше замкнулись. Эти два момента: национальная терпимость и осознание своей избранности, причудливо переплетались, определяли отношение духоборцев к соседям.

Чуждый этнокультурный облик местного населения, враждебно воспринявшего появление духоборцев, возникавшие между ними конфликты, ощущение собственного превосходства – все это порождало определенный образ соседей:

"Подземное царство, темный рай
Злого народа азиатский край,
Между крутыми горами и проточными водами
Поселены татары и армяне
Народ дикий, живут под землями
. . . .
Народ невероятный, язык их непонятный".

Этот духоборческий стишок был записан в 90-е годы XIXв., но сложен он, видимо, раньше. Духоборцам казались странными внешность и одежда соседей, их передвижение на арбах, запряженных волами, приемы пахоты; удивление и недоумение вызывала их нищета[30]. Но вот воспоминание о жизни на Кавказе духоборца, уехавшего затем в Канаду. Он жил в с. Ефремовке, соседями которой были армяне и татары, "и в каждом таком селе отец имел два или три "знакомых". Знакомство среди этих племен было необыкновенно близко, не то, что здесь среди этих англичан, которые дружны не по плоти и крови, но по чувству человеческого долга. И вот когда эти друзья, новые братья и сестры, приезжают в гости к отцу, а приезд их известен: на двухколесной арбе с деревянными колесами, упряженной парой волов ... скрепит бешеным матом, хоть бежи со двора, когда слышишь такой скрип и визг, то уже знаешь, что гости приближаются". И автору этих воспоминаний самому с отцом приходилось часто посещать армянские села[31].

В силу необходимости духоборцы учились говорить по-армянски и татарски, а местные жители – по-русски. В лексикон духоборцев вошли многие слова из этих языков, особенно связанные с хозяйственной деятельностью. Со временем взаимные контакты, знание языка соседей уменьшали отчуждение.

Существенное улучшение в отношениях духоборцев с коренным кавказским населением произошло в 1890-е годы. Этому предшествовал раскол секты после смерти в 1886 г. бездетной "духоборческой богородицы" Л.В.Калмыковой. Спор разгорелся вокруг вопроса о власти и наследовании записанного на Л.В.Калмыкову общественного имущества. Большая часть Духобории признала новым руководителем П.В.Веригина; в то время как суд, в соответствии с законами Российской империи, присудил все имущество брату Л.В.Калмыковой. Соседи духоборцев выступали на суде в качестве свидетелей на стороне веригинцев, требовавших оставить имущество всему обществу. В 1895 г. веригинцы, отказавшись подчиняться государству, в знак протеста против службы в армии сожгли собранное по их селам оружие и в результате более четырех тысяч человек были высланы и расселены в нескольких уездах среди грузинского и татарского населения по несколько семей в каждом[32]. В борьбе с правительством духоборцы начали искать поддержку у социальных низов местного населения. Местные власти отмечали всплеск прозелитизма, хотя это была не столько религиозная, сколько социально-этическая пропаганда. Известен даже случай, когда духоборцы, работавшие в монастырском саду в Сигнахском уезде, чуть не обратили в свою веру двух послушниц[33].

Духоборцы, расселенные в результате репрессивной деятельности властей среди кавказского населения, раздавали неимущим одежду и утварь, нанимались к ним в работники за символическую плату, а то и вообще бесплатно. Они демонстративно могли продать свою лошадь бедняку за 20 руб., отказав в продаже состоятельному человеку - за 100 руб. В г. Тионетах духоборцы откупили оптом магазин и раздали товар бесплатно нуждавшимся. Социальная направленность их деятельности была очевидна и это как раз особенно импонировало основной массе местного крестьянства. "Туземное крестьянское население не оставалось в долгу и старалось угождать духобрцам всем, чем можно, главным же образом предоставлением своих помещений под квартиры расселенным, причем гостям отдавалась лучшая часть дома"[34], - писал главноначаль-

ствующий гражданской частью на Кавказе князь Голицин. Расселение способствовало более глубокому освоению духоборцами кавказских языков.

В 1896 г. лидер духоборцев П.В.Веригин, отбывавший ссылку в Обдорске, предложил своим сторонникам отказаться от идеи "избранности" и именоваться "Христианской общиной всемирного братства", все члены которой "уважают достоинство и честь человека как в самом себе, так равно и в себе подобных"[35].

Наиболее радикальная часть последователей Веригина эмигрировала в Канаду, остальные члены "большой половины" согласились служить в армии и остались на Кавказе. Несмотря на то, что и они присоединились к провозглашенному П.В. Веригиным манифесту "Из общих взглядов Христианской общины всемирного братства", все-таки смешанных браков с местным населением не было. Духоборцы на Кавказе никого не принимали в свою общину и не разрешали селиться на своих землях. Тем не менее известно, что в Сиротском доме, в с. Горелое, являвшемся религиозно-административным центром Духобории, воспитывались сироты из местного населения.

Ахалкалакские духоборцы спасали армян во время оккупации этой территории турецкими войсками в 1918-21 годах, прятали их в своих домах, а потом помогали материально. Еще живы свидетели тех событий. Известен даже случай, когда знакомый одной духоборческой семьи - армянин по имени Мартин - перекупил болевшего ребенка[x], названного в честь него Мартином.

Отношения духоборцев с соседями были существенно испорчены проведенной в тех местах в 1922-23 гг. земельной реформой. Духоборцы во всех уездах потеряли большое количество земли, отрезанной в пользу соседей. Им пришлось срочно сокращать поголовье скота, разладилась работа только что построенного сыроваренного заводика в с. Тамбовка, созданного на кооперативных началах. В 1923 г. 4,5 тыс. ду-

---

x. Среди духоборцев существовал обычай, если ребенок болел, то кто-то, у кого были здоровые дети, как бы за деньги покупал его; при этом ребенку могли дать новое имя.

хоборцев: ахалкалакских, елизаветпольских и карсских, потерявших свои земли и имущество в перешедшей к Турции Карсской области, переселились в Сальские степи /ныне Целинский район Ростовской области/. Освободившиеся земли были переданы малоземельным местным жителям. Политика новых кавказских властей, главным образом из коренного населения Кавказа, была направлена на разрушение духоборческой замкнутости, на борьбу с их религиозностью и их культурой. Часто у них отрезали лучшие земли, даже не считая нужным объяснить что-либо. В 1923 г. освободившиеся в Тамбовке после выселения части духоборцев земли были переданы армянам села Хулгумо, более того, последние были поселены в освободившиеся дома духоборцев. В 1924 г. жители Тамбовки писали в Реввоенсовет: "Переселенцы были поселены временно в наши дома, но теперь хулгуминцы должны выселиться на свой отрезанный участок, но не угнетать нас в нашем селе Тамбовке, так как по нашему религиозному убеждению, не может жить в одном селении. И мы считаем это слишком нехорошо для нас и потому мы, общество, заявляем: нас здесь заставляют жить с католиками, но мы этого не желаем... Мы заявляем Вам: от отрезки земли лишаемся культуры производства, которое создавалось десятками лет, что все села ближайшими свидетелями будут, что за короткое время будут, как культура уничтожается"[36].

Раскулачивание в 30-е годы нанесло новый сокрушительный удар по материальному благосостоянию духоборцев. Все эти мероприятия проводились местными советскими и партийными организациями, состоявшими главным образом из армян и грузин, поэтому в глазах духоборцев эта политика принимала национальную окраску.

В начале 30-х годов несколько групп духоборцев сел Тамбовка и Родионовка "самораскулачились" и, бросив свои хозяйства, уехали в города. В их дома тут же поселилась армянская беднота, что в еще большей степени стимулировало выезд духоборцев. Процесс этот продолжал нарастать, особенно в 70-е годы. Безусловно, здесь сказалась и социально-бытовая неустроенность сел, их удаленность и трудность связей с районным центром зимой, но главный мотив выезда ду-

хоборцев - это нежелание совместного проживания с армянами. На I января 1988 г. в Родионовке оставалось 44 духоборца, в Тамбовке - 29, главным образом старики. Такой же процесс шел в Славянке и других селениях ныне Кедабекского района Азербайджана. В 1965 г. в Славянке проживало 2193 человека, из них 1222 духоборца, а в 1989 г. из 1904 жителей села осталось только 539 духоборцев[37]. В с. Новогорелом в 1989 г. осталось всего 13 духоборцев, в с. Новоспасовке - 2, в Новотроицком их вообще уже нет. Мало духоборцев осталось в бывшем Башкечете, ныне г. Дманиси, несколько семей проживает среди азербайджанцев в Караклисе Русском, ныне Воке. И теперь странно и нелепо звучат русские названия селений, в которых уже не слышно русской речи. Духоборцы, проживающие совместно с азербайджанцами или армянами, хорошо владеют их языками, а местное население говорит по-русски. Жители сел с компактным русским населением в Богдановском районе могут объясняться по-армянски, но свободно им почти никто не владеет. Старики вспоминают, что раньше духоборцы-мужчины свободно общались с армянами на их языке, но последние почти не говорили по-русски. Сейчас все армянское мужское население свободно говорит по-русски и использует его как язык межнационального общения. Женщины в селах, мало контактирующие с другими национальностями, почти не знают русского языка. Очень много слов из армянского языка в последнее время перешло в русский в связи с расширившимися и участившимися контактами.

Несмотря на то, что и армяне и русские изучают в школе грузинский язык, они практически его не знают, поэтому придание грузинскому языку статуса государственного на территории Грузии и перевод на грузинский делопроизводственной документации были негативно восприняты армянами и духоборцами района, в котором проживало всего несколько грузин.

В отношениях духоборцев с армянами можно выделить два направления: с одной стороны, расширение контактов на работе и в быту, культурные контакты, участившиеся в последние годы случаи смешанных браков, главным образом в Богдановке, хотя до сих пор это явление нельзя назвать обычным, а с

другой стороны - нарастание среди духоборцев ощущения национальной ущемленности. Духоборцы отстранены от управления районом, единственная должность, которую по разнарядке до недавнего времени занимал русский, - это должность второго секретаря райкома. В торговой сети и потребкооперации работают почти исключительно армяне. Духоборческая молодежь, особенно остро воспринимающая сложившуюся ситуацию, последнее время активно выезжает в Россию. В 1979 г. духоборцы составляли в районе 14% населения, в 1989 г. - 7%.

Процесс миграции русских усилился последние два года в связи с ростом национальных движений на Кавказе. В мае 1989 г. грузинские власти по соглашению с руководством Богдановского района попытались изъять часть земель у трех колхозов, в том числе Спасовского и Гореловского, и заселить эти земли аджарцами, пострадавшими от селей, причем последним планировалось выделение под усадьбы участков, размер которых в два раза превосходил размер участков, нарезанных духоборцам и армянам. Эта политика вызвала новую волну миграции духоборцев в Российскую Федерацию. Дома выезжающих покупают армяне и аджарцы. В результате, в Богдановском районе национальный состав духоборческих сел стал смешанным.

Духоборцы прожили в иноэтническом окружении на Кавказе 150 лет. Если рассматривать их отношения с местным кавказским населением, то в целом они развивались с нарастанием и углублением контактов, хотя сближение этносов насильственными методами и насаждение ложно понимаемого интернационализма периодически приводили к обострению отношений. Но всегда, даже в самые благоприятные для развития национальных отношений моменты, антитезы "мы - они" продолжали существовать. И если первоначально она строилась на экономическом превосходстве и религиозной идее избранности духоборцев, то сейчас, когда их религиозность сильно ослабла, а уровни развития материальной культуры выровнялись, в основе этой антитезы лежит неудовлетворенность духоборцев своей ущербной ролью в административном управлении районом и участием в распределении социально- куль-

турных благ.

---

1. ЦГИА СССР. ф.1284, оп.195, 1626, д.46, л.1-1 об, 9 об.
2. ЦГИА ГССР. ф.4, оп.2, д.140, л.6.
3. Исмаил-Заде Д. Русское крестьянство в Закавказье /30-е годы XIX - начало XX в./. М., 1982, с.32-33.
4. ЦГИА ГССР. ф.239, оп.1, д.45, л.20.
5. Там же. ф.16, оп.1, д.10631, л.4.
6. Вермишев Х.А. Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии. - В кн.: "Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края". т.3. Тифлис, 1886, с.42.
7. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России /60-е годы XIX в. - 1917 г./. М., 1965, с.90.
8. ЦГИА ГССР. ф.4, оп.2, д.586, л.21, 23 об.
9. Там же. ф.244, оп.3, д.42, л.6.
10. ЦГИА ГССР. ф.4, оп.2, л.9, 11 об.
11. Там же. ф.17, оп.1, д.1828, л.1.
12. Там же. ф.3, оп.1, д.716, л.125.
13. Там же. ф.4, оп.2, д.586, л.21 об., а также подсчитано по данным Х.А.Вермишева, указ. соч., с.255.
14. ЦГИА ГССР. ф.4, оп.2, д.586, л.23, об.
15. Клибанов А.И. Указ. соч., с.92.
16. ЦГИА ГССР. ф.329, оп.1, д.699, л.8-10.
17. Клибанов А.И. Указ. соч., с.91-92. В книге неправильно указан процент имевшихся у духоборцев лошадей: не 7о, а 67%.
18. Бочкарев В.П. Карсская область. - В кн.: "Район Тифлисско - Карсско - Эриванской железной дороги в экономическом и коммерческом отношениях". Тифлис, 1897, с.438.
19. ЦГАОР СССР. ф.102, д.3, 1895, д.1053, л.255.
20. Карсская область. Статистические данные за 1893 г. - В кн.: "Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества". Кн. ХУШ, Тифлис, 1896, л.335 - 338; Абелов Н.А. Экономический быт государственных кресть-

ли Елизаветпольского уезда, Елизаветпольской губернии. - В кн.: "Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края". т.УП, Тифлис, 1887, с.93.
21. ЦГИА ГССР. ф.3, оп.I, д.716, л.124.
22. Бочкарев В.П. Указ. соч., с.420-421.
23. Вермишев Х.А. Указ. соч., с.150.
24. Клибанов А.И. Указ. соч., с.94, 95, 100; Поракишвили З.И. Духоборцы в Грузии. Тифлис, 1870, с.46.
25. Вермишев Х.А. Указ. соч., с.44.
26. Вермишев Х.А. Указ. соч., с.43.
27. Бочкарев Б.П. Указ. соч., с.370.
28. Тебеньков М. Правда о духоборцах. - "Русская старина", 1896, № 8, т.87, л.285.
29. ЦГИА СССР. ф.1284, оп.195, 1816, д.20б, л.198 об.
30. ГМИР. ф.14, оп.2, д.38, л.2 об.-3 об.
31. ГМИР. ф.6, оп.I, д.56, л.I.
32. ЦГАОР СССР. ф.102, д-во 0, 1895, д.1053, ч.I, л.534.
33. Там же.
34. ЦГАОР СССР. ф.102, д-во, 1895, д.1053, ч.I, л.526.
35. Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина. Англия, 1901, с.93.
36. ЦГАОР СССР. ф.288, оп.I, д.996, л.5-5 об.
37. Похозяйственные книги с. Славянка за 1965 г., 1989 г.

Н.И.ГРИГУЛЕВИЧ

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПИТАНИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ, АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ, АРМЯН

Кавказ может служить примером такого региона, для которого характерны разнообразные природно-экологические условия, пестрый этнический состав и в то же время единый тип ведения хозяйства и близкие по сути системы жизнеобеспечения. Именно на Кавказе сложился своеобразный хозяйственный комплекс, который стал родоначальником целого ряда хозяйственно-культурных типов, распространившихся потом по всей Евразии, кроме ее крайнего Севера, Востока и Юго-Востока. Это хозяйство, традиционно основанное на возделывании зерновых культур в непременном сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота [I].

Для сравнительного анализа элементов традиционной системы питания мы взяли подрегион Кавказа - Восточное Закавказье, внутри которого можно говорить об исторически сложившейся культурной общности населения. "Границы такого культурного единства, - подчеркивают Н.Г.Волкова и Г.Н.Джавахишвили, - в большинстве переходят этнические границы, накладываясь, таким образом, на соседние культурные общности. Подобное перекрещивание более всего заметно в контактных зонах" [2].

В полной мере это относится и к Азербайджану, на большей части территории которого преобладающим типом хозяйства было земледелие (возделывались преимущественно зерновые) в сочетании со скотоводством. Вот как об этом говорится в литературе XIX в.: "Земледелие составляет главнейший источник богатства обитателей Казахской дистанции..." (Казах - ныне районный центр АзССР); "Скотоводство составляет главнейшее занятие жителей. Они разводят преимущественно овец, быков, буйволов и лошадей".

"Число овец по всей дистанции простирается свыше 70 тыс. ... Число рогатого скота можно положить до 42 тыс.голов [3].

В Закавказье, с его чрезвычайно разнообразными природными и климатическими условиями, были созданы хорошие предпосылки для узкой специализации хозяйства. С другой стороны, выгодно было вести комплексное хозяйство, которое, как всякая сложная система, обеспечивало большую стабильность крестьянскому хозяйству. Кроме этого, хозяйство того или иного народа несомненно испытывало влияние исторических традиций. Так, азербайджанцы и курды тяготели к отгонному скотоводству в сочетании с земледелием, армяне - к земледелию и стойловому скотоводству, а также виноградарству и садоводству. И все-таки, по-видимому, определяющую роль в пестрой картине, с одной стороны, комплексного, а с другой - узкоспециализированного хозяйства на локальных территориях проживания того или иного этноса играли природные и климатические условия. Исследователь конца XIX в., описывая хозяйство Эриванского уезда, отмечал, что "главным занятием жителей является земледелие, садоводство и скотоводство. Как в низменной, так и в нагорной его части благосостояние населения обеспечивается всеми этими отраслями народного хозяйства, причем одна из них имеет преобладающий характер. В одном селении со смешанным населением можно встретить армян-садоводов, татар-земледельцев, курдов-скотоводов".[4]

Мы рассматриваем традиционное питание исходя из составляющих его простейших элементов. Это прежде всего набор сельскохозяйственных культур (своих и покупных), составляющих основу традиционного рациона того или иного народа, значение в его рационе продуктов скотоводческого хозяйства, собирательства, охоты и рыбной ловли . А уже внутри этих элементов мы будем отмечать различия (если таковые будут иметь место) у разных народов, населявших одну территорию. В случае отсутствия таких различий специально это не будет оговариваться. Таким образом, мы будем подробно рассматривать различные способы адаптации народов к природным условиям Закавказья.

Традиционное питание, как часть культуры жизнеобеспечения, является продуктом длительной адаптации этноса к различным экологическим условиям. Действительно, хозяйство, образ жизни и пища коренных народов Закавказья являют собой пример прекрасной адаптированности к конкретным условиям их проживания. Русские крестьяне, переселившиеся в Закавказье сравнительно недавно (30-40 гг. XIX в.), были поставлены перед необходимостью, с одной стороны, максимально сохранить свою культуру, а с другой стороны, приспособиться к новым условиям. Нам представляется, что процесс адаптации русских переселенцев происходил в несколько этапов.

На первом этапе русские жили в сравнительной изоляции от коренных народов и в процессе адаптации опирались главным образом на исходную и традиционную для них культуру, которую, как отмечают многочисленные авторы, они успешно воспроизвели на новом месте. Для своих поселений они выбирали места с таким расчетом, чтобы иметь возможность организовать хозяйство так, как они привыкли вести его у себя на Родине.

На втором этапе жизни русских поселенцев в Закавказье в результате более тесных контактов с коренными народами, начался процесс взаимного заимствования различных сельскохозяйственных культур, способов их приготовления и хранения. Параллельно этому русские крестьяне заимствовали способы обработки мясных и молочных (кисломолочных) продуктов, характерные для коренных народов.

Необходимо отметить, что процесс заимствования отнюдь не сопровождался утратой (частичной или полной) тех или иных элементов системы жизнеобеспечения, присущей русским переселенцам. Таким образом, в процессе межэтнических контактов русские перенимали у коренных народов различные элементы их традиционной культуры жизнеобеспечения, никоим образом не теряя своей самобытности. Расширение элементной базы традиционной культуры жизнеобеспечения безусловно способствовало успешной и сравнительно безболезненно протекавшей адаптации к новым условиям.

Набор тех или иных культур отличал традиционные системы питания различных этносов, определял их своеобразие, служил своего рода этническим маркером. Так, где бы ни селились русские, они старались выращивать гречиху и овес, даже если экологические условия для этого были неподходящими. Традиционные системы питания того или иного этноса безусловно имеют локальные (территориальные) различия, но не они в конечном счете определяют их специфику и что самое главное - адаптивные возможности.

Материалы, приводимые в данной статье, показывают, что на территории Восточного Закавказья у разных этносов преобладал тот или иной тип хозяйства и, соответственно, набор выращиваемых культур, породы скота, наличие или отсутствие собирательства и его роль в традиционном питании. Каждый этнос занимал как бы свою "экологическую нишу", с характерным для него хозяйственным комплексом. Такая специализация создавала условия для взаимовыгодного обмена и торговли, что, в свою очередь, способствовало межэтническим контактам. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что в условиях сравнительно мирного существования, чем больше была культурная дистанция, разделявшая народы, жившие на одной территории, тем лучшие условия создавались для их развития и совместного существования.

Зерновые, зернобобовые и масличные культуры

На первых порах русские переселенцы выращивали рожь, посевы которой постепенно уменьшались. Н.Дингельдштедт писал по этому поводу, что "переселенцам пришлось расстаться со знакомыми посевами ржи и овса, но они скоро вошли во вкус пшеничного хлеба" ...[5].

Тем не менее, литературные источники свидетельствуют о том, что в некоторых регионах Восточного Закавказья (преимущественно в горной местности) русские продолжали возделывать рожь еще в конце XIX - начале XX века. Так, озимую рожь культивировали русские крестьяне в горной части Геокчайского и Шемахинского уездов[6], Шушинского и Джебраильского уездов[7]. В горной части Елисаветпольского уезда

русские выращивали яровую рожь [8]. В Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии рожь высевали как армяне, так и русские [9]. Наши полевые материалы свидетельствуют, что в некоторых русских селах культура ржи, несмотря на весьма неблагоприятные для нее условия, поддерживалась вплоть до 1940-х годов XX в.

Основу же зернового клина в Закавказье составляла пшеница. Например, в Казахском уезде Елисаветпольской губернии на ее долю приходилось 65 % всех посевов. Вследствие разнообразия климатических и почвенных условий количество сортов пшеницы, культивировавшихся местным населением, было значительно. Наиболее были распространены: красная (крмзы-гюльгана) и белая (аль-гюльгана). И та и другая подразделяются на не требующую орошения и выдерживающую засуху (дамиа) и возделываемую лишь на поливных землях (арапа). Эти сорта давали хороший урожай на обширных площадях берегов Куры, но не выдерживали более сурового климата нагорной полосы. Самый дорогой и редкий сорт местной пшеницы, который давал крупные зерна и белую муку - "татух". Его в основном разводили армяне [10].

Попытки русских в условиях Закавказья интродуцировать знакомые им сорта культурных растений, привезенные из южной России, не всегда оканчивались успешно. Так, в Казахском уезде Елисаветпольской губернии они начали выращивать привезенную с собой красную яровую пшеницу "гирку". Но несмотря на соответствующие югу России климатические условия, гирка не смогла акклиматизироваться, и русские были вынуждены перейти на выращивание местных сортов. Лучшие сорта пшеницы - "сары-бугда" и "кара-клчиг" встречались у армян и у русских Елисаветпольского уезда. В нагорных местностях господствовал сорт пшеницы "гюргяни" или "хырда-бугда" (мелкая пшеница) [11]. В Зангезурском уезде, население которого состояло из армян, азербайджанцев и русских сектантов, живших в селении Базар-Чай, также возделывались местные сорта пшеницы.

В Ленкоранском уезде Бакинской губернии из местных сортов пшеницы выращивались голоколоска и остистая с мяг-

ким зерном[12]. В с. Ивановка высевали озимую пшеницу "сари-бугда", яровую "кубанку". Причем хлеба родилось столько, что избыток его шел на продажу. Основными покупателями были жители сел Лагич, Химран и Джульян [13].

Необходимо отметить, что в Закавказье, где посевы часто страдали от градобития и ранних заморозков, порой уничтожавших урожаи целых уездов, полеводство требовало особой опытности и хорошего знания местных условий. Вероятно, поэтому оно, как правило, удовлетворяло в основном нужды самих крестьян. Далеко не всегда удавалось выращивать хлеб на продажу. К числу таких удачливых регионов относилось Духоборье, располагавшееся на высокогорном плато в Ахалкалакском уезде. Основной зерновой культурой, выращивавшейся здесь, была яровая пшеница [14]. Газета "Кавказское сельское хозяйство" (1895, № 74, с. 1290) писала о духоборском с. Славянка в 9 верстах от Кедабека: "Средним числом каждый домохозяин продает от 100 до 200 пудов муки; отдельные хозяева продают по 500 пудов, да и на запас оставляют по стольку же и более" [15].

Полба высевалась в самых небольших количествах и некоторых селах Эчмиадзинского, Александропольского и Ново-баязетского, Зангезурского уездов [16]. В полосе предгорий Казахского уезда ее культивировали армяне, Геокчайского и Шемахинского – армяне и русские.

Почти так же широко, как пшеница, были распространены посевы ячменя, особенно незаменимого на истощенных и слабых почвах. В полосе предгорий и выше чаще встречался "черный" ячмень, а на плоскости преобладал "белый". Ячмень культивировали в горной части Елисаветпольского и Казахского уездов, в Шушинском и Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии [17]. В горах Геокчайского, Шемахинского и Ленкоранского уездов Бакинской губернии, Зангезурского и Эриванского уездов его выращивали азербайджанцы, армяне и русские крестьяне.

Одним из самых распространенных в Закавказье злаков издавна было просо, неприхотливое и не требовавшее полива в горных условиях. Его высевали в Казахском, Елисаветполь-

ском, Шушинском, Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии. Причем в молоканских селах последнего (Новосаратовке и Новоивановке) это была единственная хлебная культура, дававшая удовлетворительные урожаи [18].

В Шемахинском и Геокчайском уездах Бакинской губернии русские крестьяне культивировали красное просо в виноградно-шелководческой и горной зонах. Урожайность его вдвое превышала урожайность пшеницы. В дождливые годы она даже возрастала. Русское "белое" и "красное" просо ценилось вдвое выше местного "желтого". Дореволюционные исследователи отмечали, что на рынке просо ценилось вдвое дешевле пшеницы и служило большим подспорьем в пище крестьянина, хотя и не отличалось большой питательностью [19]. В меньших размерах высевали просо в Ленкоранском уезде Бакинской губернии. В Эриванской губернии просо культивировали армяне, азербайджанцы и русские по всей губернии, за исключением возвышенных местностей с суровым климатом [20].

Культура гречихи до прихода русских была практически незнакома коренным народам Закавказья. Русские крестьяне-переселенцы на протяжении многих лет пытались с переменным успехом интродуцировать ее в новых условиях. Их усилия зачастую оставались тщетными. А.Д.Ерицов в 1886 г., изучая русские поселения Казахского уезда Елисаветпольской губернии, отмечал, что "многие молоканские хозяйства уже давно перестали возделывать гречиху, а другие, хотя и продолжают, но скорее для опытов. Она пропадает здесь в нагорной полосе от перемены погоды, ночных морозов и туманов [21].

В с.Ивановка Геокчайского уезда Бакинской губернии в первые годы после переселения на Кавказ пытались выращивать гречиху, но потом из-за плохих урожаев перестали. В 1884 г. посевы гречихи в Ивановке были возобновлены, но вновь неудачно [22].

Вообще гречиха в Закавказье редко где давала стабильные урожаи. Пожалуй, единственное исключение составляли два молоканских села Эриванской губернии - Воскресеновка и Никитино, где долгое время удавалось получать стабильные урожаи. По нашим полевым материалам, для своих нужд гречиху

выращивали вплоть до 30-40-х гг. XX в., но на местных рынках она все же не пользовалась спросом. Нам представляется, что последнее обстоятельство послужило главной причиной, по которой русские этих сел перестали возделывать гречиху.

На наш взгляд, для успешной адаптации мигрантов в новых условиях требовалось максимально полно воспроизвести характерную для них систему жизнеобеспечения. Как показывает пример с гречихой, успех возобновления на новом месте традиционного хозяйства зависел не только (и может быть не столько) от природных условий, трудолюбия и желания самих мигрантов, сколько от рыночной конъюнктуры, которая в свою очередь была тесно связана с системой жизнеобеспечения коренных народов Закавказья. Иными словами, успешная адаптация русских переселенцев наряду с другими факторами была опосредована характером их взаимоотношений (натуральный обмен, рыночные отношения) с коренными народами.

Нам представляется, что взаимоотношения переселенцев с коренным населением в процессе производства и обмена товарами являлись во многом определяющими для успешной адаптации. В Закавказье с приходом русских переселенцев сложилась такая ситуация, что они предлагали на рынке преимущественно те товары и продукты (культуры), которые не производились местным населением, или те, которые производились, но других сортов (как правило, более качественные), и в свою очередь покупали то, что сами не производили. Это обстоятельство наряду с комплексным хозяйством (земледелие, скотоводство, коневодство, извоз), обеспечивавшим в сложных природных условиях Закавказья экономическую стабильность, стало главным условием их успешной адаптации. Мигранты как бы заняли пустующую "экологическую нишу", не вызвав при этом дискомфорта у коренного населения, которое, наоборот, во многом только выиграло от этого соседства.

Подобно гречихе, посевы овса появились в Закавказье с приходом русских. В условиях Закавказья овес не получил сколько-нибудь значительного распространения. Местное население вместо овса давало в корм скоту ячмень, и русские, так же перейдя на ячмень, разводили овес скорее как привыч-

ную, чем незаменимую в хозяйстве культуру [23].

До революции на рассматриваемой территории сравнительно широко были распространены посевы риса, который играл значительную роль в традиционном питании местного населения. Его выращивали в долинах рек Казахского, Зангезурского, Шушинского и Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии [24]. Более половины населения Ленкоранского уезда составляли талыши, употреблявшие в пищу рис наравне с хлебом или даже вместо него. Не удивительно, что производство и потребление риса в губернии было весьма значительно. Так, если предположить, что годовой расход риса на I жителя равнялся 6 пудам, то общее потребление в уезде выражалось цифрой 840 тысяч пудов. А вывозилось I млн. 523 тысячи пудов [25]. Показательно, на наш взгляд, то, что русские, поселившись в том же Ленкоранском уезде, продолжали возделывать только привычные для них культуры.

Зернобобовые культивировались в основном местным населением. Это были чечевица, бобы, горох, лобио. Особенно много разводили их армяне, для которых плоды этих растений составляли необходимую пищу в постные дни. Под озимую и яровую чечевицу и яровые бобы отводились истощенные почвы, главным образом, на приусадебных землях, изредка на полях [26].

Из масличных растений наиболее распространены были лен и конопля. Жители некоторых молоканских сел отводили значительную часть своих полей под посевы льна. В 1880-е гг. в селе Михайловка Казахского уезда работало 6 маслобоен. Льняное масло успешно сбывалось на станциях Закавказской железной дороги. Кроме того, молокане для добывания масла сеяли в небольшом количестве сурепицу, а армяне - рыжик (дикий лен), клещевину и кунжут [27]. В Зангезурском уезде масличные растения (лен, рыжик, репак, лалеманцию иберику) выращивали в основном армяне.

Если русские крестьяне Геокчайского и Шемахинского уездов разводили лен в основном для извлечения из него масла, то армяне тех же уездов сеяли его в очень небольших количествах и употребляли поджаренные семена в пищу как

лакомство. Кунжут культивировали в степной зоне этих уездов и масло из него не добывали. Его употребляли в пищу или в виде кунжут-халвы (азербайджанцы) или жарили вместе с пшеницей для еды в Великий пост (армяне) [28]. В дальнейшем в качестве масличного растения повсеместно стал возделываться подсолнечник.

Коренные народы и русские переселенцы по-разному использовали фактически один и тот же набор зерновых культур, придерживаясь традиций, определявших специфические черты их национальной кухни. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Овощеводство. Садоводство

Набор выращиваемых овощных и бахчевых культур в Закавказье в значительной степени складывался под влиянием традиционного хозяйства и образа жизни. Так, скотоводы-азербайджанцы занимались огородничеством в незначительной степени, так как в сезон поспевания овощей они бывали на эйлагах [x]. На равнинах же у азербайджанцев славились бахчи, на которых разводились дыни, арбузы, огурцы и лук [29]. Армяне, соблюдая в общей сложности 158 дней в году пост, постоянно нуждались в растительной пище. С ранней весны до поздней осени они собирали до 26 видов разных дикорастущих растений, употребляемых в отваренном и маринованном виде. Из культурных растений армяне сажали главным образом фасоль (лобия), горох, лук, чеснок, огурцы.

Н.Спасский в 1872 г. подробно описывал систему огородничества, которой придерживались местные жители, выращивавшие овощи и зелень: "Огородничество в Эриванской губернии существует в обеих полосах: в горах и низменности, но в последней оно развито значительно больше. В туземных хозяйствах огороды бывают трех родов: первый род - это большое хозяйственное угодье, называемое бостаном [xx], предназначено исключительно под арбузы, дыни, тыквы и огурцы, которые разводятся на продажу, встречая большой спрос. Второй - собственно

---

x) Эйлаги - летние пастбища в горах.

xx) Бостан (перс.) - сады, огороды. На территории Азербайджана - исключительно огороды.

огород; он меньше бостана, располагается на окраине селения и занят под такие растения, которые разводятся в небольшом количестве только для удовлетворения домашней в них потребности и только в случае очень большого урожая поставляются в продажу. Это свекла, брюква, огурцы, редька, морковь, капуста, бобы, горох, чечевица, баклажаны, помидоры, горчица, стручковый перец, земляная груша, подсолнечник, кукуруза и иногда конопля, семена которой туземцы поджаривают и употребляют в пищу. Этот набор целиком не встретишь ни в одном огороде. Третий род огородов - это самые маленькие участки земли, лежащиев границах усадьбы домохозяина, на которых разводится разного рода огородная зелень, особенно любимая туземцами и употребляемая ими в пищу без всякого приготовления или приправы - просто с хлебом: эстрагон, мята, кишнец, лук, чеснок, латук, кресс-салат и т.д."[30].

В рисоводческом районе Ленкорани в большом количестве выращивались арбузы, дыни, тыквы определенного сорта (перехватки), огурцы, лук, чеснок, помидоры, фасоль , бобы. В небольших количествах - редис, свекла, морковь, стручковый перец, подсолнечник. Арбузы, дыни и огурцы в теплое время года наряду с хлебом составляли основу питания коренного населения[31].

Так же, как гречиха и овес, посевы картофеля появились в крае с приходом русских. В различных природных и климатических условиях русские старались сажать наиболее подходящие сорта картофеля. Так, в горной части Ленкоранского уезда выращивали так называемый зувандский картофель, отличавшийся хорошими вкусовыми качествами[32]. Жители селений Новосаратовка и Новоивановка Елисаветпольского уезда высевали красный и белый рассыпчатые сорта картофеля, излишки которого продавали на Кедабекском рынке[33]. Культура картофеля в хозяйстве русских переселенцев занимала значительные площади. Так, в Казахском уезде поля, засеянные картофелем, уступали по площади только посевам пшеницы. Армяне этого уезда познакомились с картофелем через русских переселенцев в 50-е годы XIX в. и выращивали его преимуществен-

но как огородное растение.

Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что даже крестьяне высокогорного с.Гореловка Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии получали небольшие, но устойчивые урожаи картофеля. Это стало возможным благодаря тому, что эмпирическим путем были найдены оптимальные для произрастания картофеля участки земли. Ее высаживали главным образом на вершине холма, почва которого содержала большую примесь вулканических пород. Во всех остальных местах картофель не успевал созреть. Жители села Гореловка до сих пор называют этот холм "картошкин курган". Таким образом, в народной памяти топонимически закрепилось название жизненно важного для них места. Русские излишки картофеля продавали, у армян он употреблялся в пищу, как основное блюдо в постные дни, а азербайджанцы смотрели на картошку, как на лакомство.

Русские крестьяне были монополистами и в возделывании капусты, основными потребителями которой наряду с ними были армяне. Капусту разводили как для себя, так и на продажу. Для этого иногда приходилось арендовать земли в соседних селениях, как это делали, например, молокане с.Ивановка Геокчайского уезда, расплачиваясь с хозяевами земель условленной частью урожая [34]. В степном районе Ленкоранского уезда в трех русских селениях Андреевка, Астраханка и Новоголовка население также занималось разведением капусты. Огородники указанных трех селений являлись монополистами в выращивании капусты для всего русского населения уезда [35]. В отличие от русских, азербайджанцы занимались выращиванием капусты не для продажи, а для собственного потребления.

Русские крестьяне, кроме картофеля и капусты, на огородах выращивали также огурцы, репу, морковь, свеклу и другие овощи. Кроме того, на более поздних этапах жизни в Закавказье они под влиянием коренных жителей стали выращивать и широко употреблять в пищу баклажаны, фасоль, болгарский перец, кабачки, дыни, арбузы. Лук и чеснок молокане долгое время не выращивали, так как соблюдали религиозный запрет на употребление их в пищу. Духоборцы же наряду с картофелем,

капустой, морковью, свеклой и редькой выращивали и лук [36].

Что касается садоводства, то русские в целом занимались им меньше, чем местные жители. Хотя там, где условия позволяли, садоводству также уделялось много внимания. Так, в степных русских селах Ленкоранского уезда культивировали: айву, яблоню, грушу, сливу, терн, алычу, сизил, абрикос, персик, вишню, черешню, мушмулу, гранат, инжир, грецкий орех, лещину. В горной части уезда тоже выращивали многие из этих растений, но в области высоких гор плодовые растения не могли быть столь разнообразны; здесь встречались только яблоки, груши, сливы, вишни и лещина. В северной части степного района и в безлесном предгорье, отличающемся бедной растительностью, садоводства не было совершенно [37]. В начале нынешнего столетия жители горного села Новоивановка Елисаветпольского уезда на правом берегу Бабаджан-чая очистили 30 десятин от леса и валунов и сделали прививки на лесных фруктовых деревьях. На 10 десятинах они посадили груши и яблони самых лучших сортов, которые были выписаны из Тифлисского ботанического сада, из Нухинского уезда, из Воронежской губернии [38].

Описывая садоводство в Геокчайском и Шемахинском уездах, Н.А.Абелов подчеркивал, что у русских оно не шло дальше разведения вишневых, сливовых и терновых деревьев. А встречающиеся в русских селах виноградники и тутовые сады сдавались в аренду местному населению для ухода и эксплуатации. Русские же из своих садов продавали исключительно одни вишни. Армяне этих уездов занимались виноградарством, с которым было связано виноделие и винокурение. В селах, близких к лесному поясу, армяне кроме того разводили яблоки, груши и отчасти грецкие орехи. Азербайджанцы выращивали фрукты, виноград (они сажали высокую лозу - "хиаван") и, наконец, разводили тутовые плантации для выкармливания шелковичных червей.

По традиции русские отдавали предпочтение водке (самогону), а не виноградному вину. Самогон делали не только из пшеницы, но и из виноградных выжимок и сусла, а также из ячменя, диких фруктов [39]. В Ленкоранском уезде виногра-

дарство стало развиваться в 50-х годах XIX столетия. Некоторые армяне и русские делали вино из дикого винограда, прибавляя от 5 до 10 пудов кишмиша на сорокаведерную бочку. В дальнейшем виноградарство наибольшего развития достигло среди русских сектантов. В основном выращивался виноград сорта "Изабелла" и черные кахетинские сорта [40]. По нашим полевым материалам жители с.Ивановка делали вино и самогон из алычи и других фруктов. Кроме того, они покупали у армян красное виноградное вино и виноградную водку. В последние годы в связи с тем, что виноград обрабатывают различными инсектицидами, качество вина резко упало, не говоря уже о том, что такая обработка вредна для организма.

Продукты животноводства

На широких плато в горных зонах Закавказья главной отраслью сельского хозяйства являлось оседлое и полукочевое скотоводство. Первым преимущественно занимались русские колонисты из сектантов, которые селились на казенных землях и арендовали или покупали пастбищные и сенокосные участки в окрестностях их селений. Полукочевым скотоводством занимались в основном азербайджанцы.

В высокогорных селениях из-за сравнительно холодного лета не всегда вызревала пшеница, поэтому там скотоводство и разведение ячменя составляло главное занятие сельских жителей. Н.И.Спасский писал, имея в виду Эриванскую губернию: "В горах, например, есть селения (Семеновка, Новобаязетского уезда), в которых по высоте местоположения и сравнительно низкой температуре лета не всегда выспевает пшеница; но зато такие селения располагают обширными пастбищами и богатыми сенокосами и потому там садоводство и разведение ячменя составляют главное занятие сельских жителей" [41].

Если у азербайджанцев главная роль в скотоводстве отводилась овцеводству, то у русских переселенцев - разведению крупного рогатого скота молочного направления. Несмотря на то, что привозимый русскими переселенцами из южных губерний скот отличался хорошими качествами [42], он не

всегда приживался в условиях Закавказья. Крестьяне Казахского уезда Елисаветпольской губернии разводили особую серию пятнистую породу коров, так называемую "русскую". Они постепенно сокращали численность тонкорунных пород овец (шпанок), заменяя ее более неприхотливой азербайджанской породой. Духоборцы с.Славянка разводили мериносов, дававших им немалые доходы. В то же время молочное хозяйство было у них неразвито [43]. Первые поселенцы Новосаратовки Елисаветпольского уезда на родине, в Царицынском уезде Саратовской губернии, занимались по реке Ахтубе (приток Волги) почти исключительно скотоводством, которое постепенно уступало место другим промыслам. Молочный скот у них был прекрасный, и продукты молочного хозяйства, благодаря альпийским лугам, высокого качества. Сектанты привезли с собой овец знаменитой в России романовской породы [44].

В Ленкоранском уезде местные жители разводили буйволов очень ценной мазандаранской (персидской) породы. Русские также разводили их в качестве рабочего и молочного скота. Кроме того, в первые годы переселенцы в Ленкоранском уезде в большом количестве разводили привозной,преимущественно из Кубанской области, скот, но он плохо акклиматизировался и погибал. В русских поселениях также встречался скот, представлявший собой помесь местных пород с привозными бычками, но и последний оставлял желать лучшего. В горной полосе уезда были распространены зебу, весьма устойчивые против малярии - бича местного скотоводства.

Если в некоторых селениях Геокчайского и Шемахинского уездов русские по примеру азербайджанцев заводили буйволов лишь для молока, то в с.Ивановка из молока буйволиц получали весь спектр молочных и кисломолочных продуктов, как типичных для русской кухни, так и заимствованных у коренных народов (сливки, кислое молоко, сыр, масло, сметана, творог). Излишки молочных продуктов поступали на рынок [45].

Русские поселенцы заимствовали опыт зимнего выпаса скота у соседних кочевых и полукочевых групп овцеводов-

азербайджанцев, но при этом они сохранили оседлый образ жизни и преобладание в стаде крупного рогатого скота [46]. Впрочем, судя по нашим полевым материалам, жители с.Ивановка Геокчайского уезда переняли у коренных народов даже традиции отгонного скотоводства. Зимой часть из них откочевывала на кишлаги в Мугани, весной - на горные эйлаги. Как правило, с чабаном ехала вся семья. На этих кочевках русские семьи вплотную соприкасались с кочевым бытом азербайджанцев и лезгин. От них они переняли способы не только приготовления ряда молочных продуктов, но выпечки хлеба на круглой чугунной сковороде - садже, на открытом очаге.

Занятия овцеводством у русских, как правило, преследовало цель получить мясо или шерсть. Исключения составили, пожалуй, лишь некоторые духоборческие села Ахалкалакского уезда, разводившие тушинскую породу овец. Пуд духоборского сыра, приготовленного по тушинскому способу, продавался по 3 р. 50 к., в то время как пуд местного сыра - по I р. 60 к. Армяне этого же уезда готовили из овечьего молока сыры: мотал, чечил и чичель [47]. В 1920-е гг. доение овец и изготовление овечьих сыров было распространено среди молокан и субботников высокогорного села Новоивановка [48].

В кочевых селениях молочные продукты служили крестьянам почти исключительной пищей, а в горных селениях, в особенности располагавшихся поблизости от крупных поселков и базарных местечек, молоко, масло и сыр (приготовлявшийся из смеси овечьего молока с коровьим) сбывались ими за хорошие цены и служили источником больших доходов [49].

Полевые материалы показывают, чтовв 30-50-е гг. XX в. русские переселенцы по примеру коренных народов для приготовления рассольных сыров стали использовать цельное молоко от разных видов животных, которое смешивали и заквашивали сычужной закваской. Русские переняли такие специфические для скотоводческого хозяйства коренных народов молочные продукты, как отжатое кислое молоко, каймак (пенки с кипяченого молока) и айран (сыворотка из-под масла). Летом они готовили окрошку на основе мацони - овдух, а также варили кисломолочный суп - довгу. Заимствованные русскими способы пере-

работки молока позволяли использовать его почти без потерь. Наряду с этим у них сохранялись традиции приготовления топленого молока в русской печи. В районах, где держали много скота, сами сбивали масло из сметаны.

Мусульманское население, так же как русские сектанты, не употребляло в пищу свинину по религиозным соображениям. Среди русского населения этот запрет продолжают соблюдать в основном люди старшего поколения. Тем не менее свиноводство, как и в прошлом, остается прерогативой армянского населения.

Дикорастущие растения

Среди задач, которые ставит этническая экология, одной из важнейших, на наш взгляд, является "изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду ..." [50]. Закавказье является тем регионом, где еще сравнительно недавно вся жизнь (в особенности в сельской местности) определялась множеством экологических взаимосвязей, проявлявшихся в специфике хозяйственной деятельности и влиявших на традиционные системы жизнеобеспечения. В настоящее время многие эти взаимосвязи утратили свое значение. Этому, безусловно, способствовал переход сельского хозяйства от индивидуальной, общинной формы к коллективной, а в последующем и промышленной.

Традиционные системы питания, как часть культуры жизнеобеспечения этноса, в полной мере ощутили на себе эти перемены. Существенно снизился процент продуктов, получаемых непосредственно в том хозяйстве, где они употребляются. Возросло значение в рационе покупных продуктов. Усилилось влияние на традиционные системы питания городской кухни с набором общераспространенных для Кавказа и юга европейской части СССР блюд. Это касается как кухни коренных народов Азербайджана, так и русских старожилов. Тем не менее этот регион по-прежнему может служить примером успешного и рационального использования этносами природной среды. Наиболее ярко это проявляется в традициях широкого употребления в пищу

разнообразных дикорастущих растений, плодов, ягод.

Анализируя роль дикорастущих в рационе, мы попытались заострить внимание на следующих вопросах: как изменяется характер использования дикороссов с эволюцией хозяйственной деятельности; насколько полно тот или иной этнос использует окружающую растительность в повседневном питании; как варьирует потребление дикороссов на данной этнической территории; каковы особенности использования дикороссов в ареалах совместного проживания двух или нескольких этносов; какова динамика потребления в зависимости от времени года; влияние систематического употребления дикорастущих на адаптацию в различных условиях.

Что касается зависимости использования дикороссов от хозяйственной деятельности человека, то для территорий, которые подобно Азербайджану, в значительной своей части являются средне- и высокогорными, этот вопрос представляется весьма сложным. В то время, когда происходило формирование основного ядра дикорастущих растений, как используемых в пищу, так и лекарственных, скотоводство выступало в качестве основной формы хозяйственной деятельности. Огромную роль в жизнедеятельности людей играли сезонные перемещения со стадами в пределах различных высотных поясов. Таким образом хозяйственная деятельность проходила в самых различных экологических условиях, что обусловило широкие возможности выбора из окружающей человека растительности тех или иных ее компонентов.

Очевидно, что с перенесением центра тяжести со скотоводства на земледелие существенно расширился набор растительных продуктов, получаемых в результате хозяйственной деятельности и соответственно снизилась необходимость широкого использования дикорастущих растений. Кроме того, из-за резкого расширения масштабов хозяйственной деятельности человека и не всегда рационального вторжения в окружающую среду исчезли многие дикорастущие растения, еще сравнительно недавно присущие тем или иным биотопам. Но несмотря на то, что использование дикорастущих перестало быть жизненно необходимым, в сельских районах Азербайджана по-прежнему

можем наблюдать их довольно широкое употребление.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет вопрос о сезонном распределении дикорастущих в рационе. Весной, когда наиболее остро ощущалась нехватка витаминов и подходили к концу сделанные на зиму запасы, резко увеличивалась их доля в рационе. Особенно это касается неурожайных годов. Наибольшее количество видов растений шло в пищу в отваренном виде. Так приготавливали сахаристые корни козлобородника, луковицы птицемлечника плосколистного, молодые стебли купены многоцветковой, молодые листья щавеля, и особенно листья портулака, дающие богатый слизью отвар.

Значительно меньшее количество видов растений шло в пищу в сыром виде. В качестве салата использовалась молодая зелень крапивы, кислого щавеля, пастушьей сумки, кресс-салата. Весной пекли традиционные пирожки из пшеничной муки с начинкой из мелко нарезанной зелени различных дикорастущих травянистых растений - кутабы. Рецепт приготовления пирожков с зеленью, которые как правило выпекаются на круглых чугунных сковородках,сохранился без изменения до наших дней. Но в силу упоминавшегося выше оскудения растительности уменьшился набор входящих в начинку дикорастущих трав, которые частично заменяются культурными растениями.

В.А.Петров, изучавший дикую флору Нагорного Карабаха в конце 30-х годов, описывает интересный случай массового использования хлебных суррогатов (дубовых желудей) во время голода 1919-1920 гг. Характерно, что в ряде случаев применение желудей приводило к тяжелым, иногда кончавшимся смертью заболеваниям пищеварительного тракта. Не пострадали только те семьи, в которых были старики, умевшие распознавать малотоксичные виды желудей и подготовить их для еды. В качестве других заменителей хлеба использовались одеревеневшие плоды держи-дерева, мука из которых шла на суррогатирование желудевой, и корневища рогоза. Ссылаясь на находки археологов, В.А.Петров полагает, что имевшее место в Карабахе употребление в пищу дубовых желудей является последней вспышкой исторической традиции, имевшей за

собой многотысячелетнюю давность [51].

В теплое время года, когда увеличивается количество потребляемых молочных продуктов и огородных растений, употребление дикорастущих растений отходит на второй план. Летом дикорастущие, как правило, сушат и засаливают на зиму. Если раньше травы не принято было мариновать, то сейчас, по сведениям наших информаторов, их маринуют с помидорами, огурцами, баклажанами. В наибольших количествах засаливались листовые черешни гипомаратрума и цветочные почки каперсов колючих, произраставших по всей территории Азербайджана, в меньших - портулак и черемша. Сушили: листья двух видов щавеля, чабрец, базилик, кузинию крупнокорзинчатую, эфиопский шалфей, пастушью сумку, мелиссу обыкновенную.

Осенью доля дикорастущих в рационе опять возрастала, но это уже были не травянистые части растений, а их плоды. Тогда же начиналась заготовка плодов на зиму и весну. Из плодов собираемой в лесах и садах необлагороженной культурой алычи варили кислую пастилу - турш-лаваш, который используется для изготовления кислых супов, соусов, приправ. Эта традиция дошла до наших дней. Турш-лаваш представляет собой концентрированный препарат витаминов и микроэлементов, так необходимых человеку в зимнее и весеннее время. Из плодов кизила делали натуральный уксус; сушеный кизил так же, как высушенные и протерные плоды сумаха, служил приправой к первым и вторым блюдам. Из плодов дикого терна варили варенье [52].

На зиму также засушивали плоды полукультурных форм яблони и груши, плоды нескольких видов рябин, крупноплодного восточного боярышника и диких шиповников. Последней по времени заготавливается мушмула, "шишка", как ее зовут в Закавказье русские. Весьма значительная роль взимних запасах отводится орехам: лесным (лещина) и грецким. Многие легко дичающие древесные породы имеют значение только для низменности и предгорий. Айва распространена достаточно широко в пределах среднего лесного пояса, легко дичает и образует насаждения на месте исчезнувших поселений. Часть плодов хранится в течение зимы в свежем виде, а дру-

гая часть перерабатывается в варенье. В наше время сельское население использует дикорастущие растения скорее в силу глубоко укоренившейся традиции, так как основу повседневного рациона составляют продукты сельскохозяйственного производства.

В ареалах совместного проживания двух или нескольких этносов можно видеть, как они используют одни и те же дикорастущие. Если для азербайджанцев и армян эти традиции почти не изменились до наших дней, то пищевой комплекс русских старожилов характеризуется значительно меньшим использованием дикорастущих растений, как типичных для русской кухни, так и заимствованных у коренных народов.

Наши полевые материалы свидетельствуют, что жители с.Новоголовка Джалилабадского района Аз.ССР собирают кизил, алычу, ежевику, шиповник, лещину, грецкий орех, которые используются как в свежем виде, так и для приготовления компотов и варений. Русские заимствовали у азербайджанцев технологию изготовления из алычи упомянутой выше кислой пастилы - турш-лаваша. Несмотря на большое количество разнообразных дикорастущих трав, произрастающих в районе с.Новоголовка и широко применяемых в традиционной азербайджанской кухне, русские используют в пищу лишь несколько видов культивируемых трав (петрушку, кишнец, укроп).

В то же время русские крестьяне с.Ивановка Исмаиллинского района Аз.ССР издавна употребляли в пищу большое количество дикорастущих растений: конский и кислый щавель, лебеду, кишнец, петрушку, крапиву, стебли и головки дикого мака, корень солодки, душицу, зверобой, цветы боярышника, черемшу, мяту, плоды шиповника, полынь, калину, грибы (белые, грузди, опята). Квас они по традиции готовят из ржаных или пшеничных сухарей второго сорта, добавляя дикие яблоки, грушу, айву. Кроме того, русские, как и живущие рядом коренные народы, стали употреблять в пищу спаржу, каперсы, пастушью сумку. В то же время такие травы, как портулак и лапышник (мальва), русские в отличие от армян в пищу не используют. Новосаратовцы переняли традицию широкого использования в пищу дикорастущих: мокрицы, шпината, пастушьей

сумки, "свинушек" (портулака), мушмулы.

Пик использования дикороссов приходится на военные годы. В наше время они используются русскими уже не так широко, как прежде. Как видно из вышеизложенного, употребление дикорастущих у коренных народов отличается большей стабильностью и равномерностью в зависимости от территории. У русских же мы наблюдаем перепады от практически полного отсутствия дикороссов в рационе (Новоголовка) до их употребления на уровне коренных народов (Ивановка).

Влияние систематического употребления дикорастущих на адаптацию в различных условиях будет нами рассмотрено ниже. Отметим лишь, что многие из них содержат в больших количествах биологически активные вещества, поступление которых в организм человека несомненно способствовало лучшей адаптации к тазличных условиям окружающей среды.

Охота и рыбная ловля

Наиболее четко зависимость традиционного питания от специфики использования этносами природной среды проявлялась в первобытном обществе как на стадии охоты и собирательства, так и на начальной стадии земледелия и животноводства, когда использовались растения и животные, распространенные в местной флоре и фауне [53].

Богатство Восточного Закавказья как пернатыми, так и млекопитающими еще со времен глубокой древности обусловило значительную роль охоты в хозяйстве местного населения. При археологических раскопках древних поселений и погребений в Азербайджане были найдены костные останки не только домашних животных и птиц, но и диких: джейранов, оленей, кабанов и птиц. И в наши дни в некоторых районах республики существенной добавкой к столу является мясо диких животных: джейрана, горного козла, тура, а также мясо фазанов, турачей, куропаток, перепелок, диких гусей и уток. По нашим полевым материалам только в Уджарском районе добывают зайца, турачей, диких гусей, диких уток. Все информаторы отмечают падение численности диких животных и птиц, что объясняется сокращением их естественных угодий в связи

с хозяйственной деятельностью.

Охота и рыболовство, игравшие видную роль в традиционной системе жизнеобеспечения русских, в условиях Закавказья с его горными лесами и реками и относительно ограниченными земельными ресурсами получили дополнительный импульс к развитию. Продукты охоты и рыбной ловли стали весомой добавкой к столу. Русские старожилы также охотились в окрестностях своих селений на кабанов, зайцев, оленей, диких коз, туров, фазанов, куропаток, перепелов [54]. Хотя у молокан существовал запрет на употребление в пищу зайчатины и кабаньего мяса, наши полевые материалы показывают, что на практике он соблюдался только женщинами и представителями старшего поколения. Молодые охотники сами готовили добытые ими трофеи.

В 60-е - 70-е гг. XX в. в связи с расширением хозяйственной деятельности, распашкой новых земель площадь охотничьих угодий резко сократилась, что повлекло за собой уменьшение численности дикого зверя. В настоящее время охота полностью запрещена на все виды птиц и дичь.

Определенное место в пищевом рационе азербайджанцев занимает и рыба, главным образом среди населения, проживающего в районах, прилегающих к Каспийскому морю и рекам, падающим в него. Предметом лова в водах Каспия служат различные сельди, каспийский лосось, осетр, севрюга, белуга, кутум, судак и другие виды рыб. Вокруг Куры и Аракса много озер, а также низин, где идет нерест и выкормка туводных и полупроходных видов рыб: воблы, сазана, леща, щуки, сома, судака. После зарегулирования стока Куры большинство придаточных систем высохло и площадь нерестилищ сократилась, что привело к уменьшению уловов. Рыбу жарят на вертеле, варят уху, вялят и коптят.

В традиционной азербайджанской кулинарии существовал запрет на употребление в пищу рыбы без чешуи (осетровых, например). В настоящее время его придерживаются больше люди старшего поколения.

До сравнительно недавнего времени местность вокруг с.Новоголовка Джалилабадского района была чрезвычайно заболочена. В многочисленных озерах, многие из которых были

связаны с Каспийским морем, водились сазан, кутум, кефаль, лещ, вобла. Уху, которую, как правило, варили на месте, сдабривали укропом, зеленым луком, перцем. Рыбу жарили, парили в русской печи, вялили и коптили. Очень популярно было заливное из рыбы. В наше время в связи с осушением территории запасы рыбы существенно сократились.

Пожилые информаторы рассказывали, что еще в 30-40-е гг. XX в. в многочисленных реках и источниках недалеко от молоканских сел Лермонтово и Фиолетово в Армении в изобилии водилась форель, численность которой из-за обмеления рек в последние годы значительно сократилась. На столе русских старожилов в наши дни чаще можно встретить сазана, карася, а также севанского сига. Рыба готовится как традиционными для русских способами (уха, жаркое), так и заимствованными у армян (шашлык).

В старину молокане, как и азербайджанцы, строго придерживались запрета на рыбу без чешуи (осетрину, севрюгу, сома). Полевые материалы показывают, что этот запрет на практике уже давно не соблюдается. Его придерживаются лишь пожилые люди и то далеко не все.

Пчеловодство

Этнографические исследования выявили, что Куба-Хачмасская, Шеки-Закатальская, Шемахинская, Ленкорано-Астаринская, Кельбаджаро-Кубатлинская, Нагорно-Карабахская, Нахичеванская зоны с благоприятным климатом и богатой медоносной флорой являются древними очагами пчеловодства Азербайджана. Пчеловодство развивалось от собирательства и охоты за дикими пчелами через бортничество к более прогрессивному - пасечному [55].

Мед употребляли как в чистом виде, так и добавляли к различной пище. Особенно широко его употребляли при изготовлении ритуальных и праздничных блюд. Медовые напитки (шербетг овшала) исходно имели ритуальное значение. Хмельные медовые напитки азербайджанцам не были известны. У армян обрядовым мечным блюдом был "хашил" из пшеницы грубого

помола, сваренной в воде с сахаром или медом. Часто туда добавляли изюм, миндаль или орехи [56].

В Закавказье, там, где были подходящие условия (в горах, вблизи лесов и ручьев), русские крестьяне как и у себя на родине, продолжали заниматься пчеловодством. В Ленкоранском уезде в лесных предгорьях и той части лесисто-берегового района, где имелись лесные насаждения, нередко можно было встретить пасеки, состоящие из 100 и более ульев [57]. Переселившись в Закавказье, русские не забыли и традиции бортничества. П.Надеждин писал, что духоборцы, следуя русской традиции, на последний Спасов день (16 августа) охотно угощались медом из закавказских пчельников, как некогда лакомились им в липовых лесах под Тамбовым [58].

В Шемахинском и Геокчайском уездах Бакинской губернии русские старожилы использовали в качестве улья выдолбленные пни, а местное население - плетенки цилиндрической формы, обмазанные глиной. В горной части Геокчайского уезда было до 1500 улей, Шемахинского - до 2800. 1 улей давал от 10 до 20 фунтов меду. У русских крестьян пчеловодство было развито сильнее благодаря обширным лугам с богатыми медоносами [59].

Рамочные ульи были завезены в Закавказье русскими переселенцами. По белизне, аромату и приятному вкусу в Закавказье особой известностью пользовался Лорийский мед. Пчеловодством занимались азербайджанцы, армяне, греки, грузины, но более всего русские. У некоторых молокан грузинского села Воронцовка число ульев доходило до 100. В Лорийском приставстве на каждое армянское село приходилось средним числом около 36 ульев, а на русское - по 153 улья. Доход крестьян Борчалинского уезда от пчеловодства составлял почти 5.000 руб. [60].

Мед употреблялся русскими в пищу как естественный продукт, заменяющий сахар. Кроме того, он использовался для приготовления традиционных блюд и напитков, добавлялся в начинку для сладких пирогов. В духоборческом селе Славянка Елисаветпольского уезда из меда и восковых остатков готовили напиток "воронец", напоминавший русский хмельной мед.

Пчеловодство в Закавказье, достигнув некоего пика в конце XIX - начале XX в. постепенно стало свертываться. Не последнюю роль в этом сыграло вовлечение в хозяйственный оборот новых земель. Сокращение лугов и обращение лесных полян в пахоту подорвало базу пчеловодства и повлекло за собой его значительное сокращение.

В целом можно отметить, что повседневное питание описываемых народов Закавказья отличается большим разнообразием молочных и кисломолочных продуктов, причем некоторые из них, например, такие как, мацони, айран, шор характерны для кухни всех этих народов, а другие распространены локально. Обращает на себя внимание многообразие видов хлеба, причем оно касается как видов исходного сырья, так и способов и технологии выпечки.

У народов Закавказья несмотря на большое внешнее сходство и несомненную близость таких основных компонентов,составляющих повседневный рацион питания, как хлеб и молочные продукты, наблюдается также множество локальных вариантов, которые, тем не менее, не являются определяющими для этнических систем питания. По-видимому, это объясняется сходными природными, климатическими условиями и единством типа ведения хозяйства, с одной стороны, а также спецификой социально-исторического окружения - с другой, которые привели к формированию своеобразного, уникального по своим особенностям, сбалансированного типа питания народов Закавказья.

Еще раз подчеркнем, что резких качественных различий в потреблении продуктов населением отдельных областей Азербайджана не наблюдается. Возможны лишь некоторые отличия в степени потребления дикорастущих (в горах, особенно в лесной зоне, больше; на равнинах, особенно в полупустынных областях, меньше). Меньше потребляется фруктов и овощей в средне- и высокогорьях, особенно в местах, не имеющих хорошо налаженной связи с рыночными центрами. Так как для жителей низкогорно-предгорной зоны Большого Кавказа характерна традиционная приверженность к садоводству, в этих местах потребление фруктов (груши, яблоки, а в предгорных равни-

нах - гранаты) значительно. С другой стороны, в послевоенное время площади садов, в том числе и в этих местах, значительно сократились. Многие селения предгорно-низкогорного пояса, а селения этой полосы составляют большую часть селений Азербайджана, были целиком переориентированы на выращивание винограда.

I. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // СЭ, 1981, № 4. С.6.
2. Волкова Н.Г., Джавахишвили Т.Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX в. : традиции и инновации. М., 1982. С.182.
3. Зубарев Дм. Казахская дистанция. Шамшадильская дистанция // Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. С.-Петербург, 1836. С.236, 242.
4. Марков Ф.Т. Экономический быт государственных крестьян Эриванского уезда //МИЭБГКЗК. Тифлис, 1886. Т.3. Ч.I, С.3.
5. Дингельдштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и рилигиозном быту. С.-Петербург, 1885. С.3.
6. Абелов Н.А. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии // МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887а. Т.6. Ч.2. С.131. Калашев С. Селение Ивановка // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып.13. С.257.
7. Деконский А.Г. Экономический быт государственных крестьян в Шушинском и Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии // МИЭБГКЗК, Тифлис, 1886. Т.4. Ч.I. С.232.
8. Абелов Н.А. Экономический быт государственных крестьян Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии // МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, Т.7. С.83.
9. Кофод А.А. Сельскохозяйственные очерки Закавказья. С.-Петербург, 1904. С.29.
10. Ерицов А.Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии // МИЭБГКЗК. Тифлис. 1886. Т.2. С.152.

11. Абелов, 1887. Указ.соч. С.139.
12. Очерк сельского и лесного хозяйства Ленкоранского уезда Бакинской губернии. Баку, 1914. С.82.
13. Калашев, 1892. Указ.соч. С.257.
14. Кофод, 1904. Указ.соч. С.28.
15. Кавказское сельское хозяйство, 1895, № 74. С.1290.
16. Спасский Н.И. Сельскохозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 год // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т.2. С.184. Зелинский С.П. Экономический быт государственных крестьян в Горагеле Александропольского уезда Эриванской губернии // МИЭБГКЗК. Тифлис, 1886. Т.3. С.232.
17. Абелов, 1887. Указ.соч. С.83; Деконский, 1896. Указ. соч. С.232.
18. Петров И.Е. Селения Новосаратовка и Новоивановка Елисаветпольского уезда // ИКОРГО. Тифлис, 1909. Т.19. № 1. С.239.
19. Абелов, 1887а. Указ.соч. С.131. Калашев, 1892. Указ. соч. С.257.
20. Спасский, 1972. Указ.соч. С.175.
21. Ерицов, 1886. Указ.соч., С.154.
22. Калашев, 1892. Указ.соч. С.257.
23. Ерицов, 1886. Указ.соч. С.153.
24. Зелинский, 1886. Указ.соч. С.84; Деконский, 1886. Указ.соч. С.232.
25. Очерк ... 1914. С.81.
26. Абелов, 1887а. Указ.соч. С.131.
27. Ерицов, 2886. Указ.соч. С.154.
28. Абелов, 1887а. Указ.соч. С.132.
29. Ерицов, 1886. Указ.соч. С.192.
30. Спасский, 1872. Указ.соч. С.184.
31. Очерк ... 1914. С.119.
32. Там же. С.122.
33. Петров, 19098. Указ.соч. С.239.
34. Калашев , 1892. Указ.соч. С.257.
35. Очерк ... 1914. С.121.
36. Вермишев Х.А. Экономический быт государственных

крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии // МИЭБГКЗК. Тифлис, 1886. Т.3. Ч.П. С.140.

37. Очерк ..., 1914. С.125.
38. Петров, 1909. Указ.соч. С.241.
39. Ерицов, 1886. Указ.соч. С.190.
40. Очерк ..., 1914. С.125.
41. Спасский, 1872. Указ.соч. С.167.
42. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец ХУ - середина XIX в.). М., 1983. С.73.
43. Петров И.Е. Духоборцы Елисаветпольского уезда // ИКОРГО. Тифлис, 1906. Т.18. № 3. С.171.
44. Петров, 1909. Указ.соч. С.226.
45. Калашев, 1892. Указ.соч. С.270.
46. Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX - XX вв.) // СЭ, 1988. № 6. С.43.
47. Вермишев, 1886. Указ.соч. С.166, 170.
48. Ямсков А.Н. Новоивановка: История селения и крестьянского хозяйства // Русские старожилы Азербайджана: материалы по этнической экологии. М., 1990. С.108
49. Деконский, 1886. Указ.соч. С.312.
50. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. С.8.
51. Петров В.А. Этноботаника Нагорного Карабаха. Баку, 1940. С.15.
52. Там же. С.18-21.
53. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977. С.204.
54. Калашев, 1892. Указ.соч. С.248.
55. Бабаев Т.А. Пчеловодство в Азербайджане (историко-этнографическое исследование). Автореф. ... канд. ист.наук. Тбилиси, 1978. С.8.
56. Лисициан С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. М., 1955. С.218.
57. Очерк ..., 1914. С.137.
58. Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. С.-Петербург, 1869. С.306.

59. Абелов, 1887а. Указ.соч. С.162; Петров, 1909. Указ. соч. С.238.

60. Ерицов, 1887. Указ.соч. С.489.

Список принятых сокращений

1.	Известия Кавказского отдела Русского географического общества	ИКОРГО
2.	Кавказской этнографический сборник	КЭС
3.	Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис	МИЭБГКЗК
4.	Сборник материалов для изучения местностей и племен Кавказа. Тифлис	СМОМПК
5.	Советская этнография	СЭ

С.А.ИНИКОВА

ОСОБЕННОСТИ КОСТЮМА КАВКАЗСКИХ ДУХОБОРЦЕВ

Народный костюм формировался и развивался под влиянием целого ряда факторов: природно-климатических, социально-экономических, культурно-исторических. Являясь продуктом материального производства, народный костюм органично связан с духовной культурой, т.к. он отражал эстетические представления народа и, в той или иной степени, его мировоззрение. Помимо своего прямого назначения - предохранять человека от воздействия неблагоприятных климатических условий, костюм содержал информацию об этнической, половозрастной, социальной и конфессиональной принадлежности владельца, его се-

мейном статусе, играл немаловажную роль при исполнении обрядов и во время праздников, т.е. он выполнял важную функцию этнокультурной символики.

Эти особенности формирования и функционирования народного костюма позволяют взглянуть на него как на материализованное отражение некоторых аспектов духовной жизни народа или отдельных этнических, конфессиональных групп. В данной статье предпринята попытка именно под таким углом зрения рассмотреть костюм секты духоборцев, проследить влияние на его формирование религиозного учения и социально-политических идей духоборчества.

Предлагаемая статья написана на основе опубликованных и архивных документов, фотографий и рисунков, а также материалов, полученных во время экспедиций в места проживания духоборцев: Богдановский район Грузинской ССР, Кедабекский район Азербайджанской ССР, Целинский район Ростовской области.

Духоборческое учение возникло как форма социального протеста государственных крестьян и однодворцев южновеликорусских губерний, Слободской Украины и донского казачества против феодального государства и церкви в середине ХУШ в. Окончательно эта секта сформировалась в начале XIX в. на Молочных Водах в Мелитопольском уезде Таврической губернии, куда духоборцы были переселены по указу Александра I. Через 40 лет за распространение своего учения и укрывательство беглых крестьян по решению суда духоборцы были высланы в отдаленные, недавно присоединенные к России районы Кавказа: Ахалкалакский участок Ахалцихского уезда Грузино-Имеретинской губернии и Елизаветпольский уезд той же губернии.

Среди духоборцев вера в единого непостижимого Бога сочеталась с признанием божественного начала в каждом человеке в триединстве памяти, разума и воли. Считалось, что эти человеческие качества, развиваясь и совершенствуясь в избранных людях, ставят их вровень с Иисусом Христом. Такие особо избранные становились руководителями, живыми богами, роль которых в жизни духоборческой

общины была очень велика. Призывая людей подчиняться только божественной воле, духоборческое учение утверждало в качестве последней волю своих "христов". Отрицая государство с его институтами насилия,духоборцы попытались создать на Молочных Водах, а затем на Кавказе, свое собственное духоборческое "государство" - Духоборию - со своим судом, репрессивной системой и даже маленькой армией, особым укладом жизни.

Провозглашавшееся равенство всех членов секты не могло остановить имущественную дифференциацию и социальное расслоение, которое привело к расколу Духобории в 1886 г. после смерти "богородицы" Лукерьи Васильевны Калмыковой. Во главе большинства, получившего название "большой половины", и выступившего под лозунгом очищения веры, встал П.В.Веригин, меньшая часть или "малая половина", состоявшая из старой духоборческой аристократии села Горелое, отказалась признать его вождем. Конфликт осложнился вмешательством властей в дела секты и введением в 1887 г. обязательной воинской повинности. Часть наиболее радикальных последователей П.В.Веригина, отказавшихся от службы в армии, иммигрировала в 1898-1899 гг. в Канаду.

И во времена проживания духоборцы на Молочных Водах и позже - на Кавказе, современники отмечали своеобразие их костюма и указывали на его сходство с квакерским костюмом, то на заимствования из немецкого, то из казачьего костюма. Сохранилось только два более менее подробных описания духоборческого костюма, которые целесообразно привести полностью. В 1841 г. неизвестный автор "Записки о духоборуах...", побывавший у них на Молочных Водах, писал: "Многие мужчины переняли от колонистов одежду, тогда как другие носят прежнюю русскую. Женщины все вообще остались при прежнем, общем как для женщин, так и девиц русском костюме, исключая головного убора. Платье их заключается в рубашке с широкими рукавами, телогрейке и юбке с передником, кос не плетут, но распустив и немного выставив, подгибают под головной убор. Он состоит из кички полуовальной, кверху сжатой фигуры, делаемой большею частью из

бумажной, стеганной на вате, материи. На передней части убора есть украшение вроде банта и две ленты, которыми он стягивается на голове. Женщины и девицы из богатых домов носят иногда шелковые с золотыми цветами платки, повязываемые на высоком немецком колпаке, два конца коих связываются узлом напереди, а третий распускается сзади. Костюм как мужчин, так и женщин весьма неприхотливый"[1].

Через 25 лет посетивший духоборцев, проживавших уже на Кавказе, художник В.В.Верещагин писал: "Откуда духоборцы взяли свой наряд? говорю о мужчинах. Когда я спрашивал у них об этом, они отвечали, что это "платье настоящее российское", но именно в настоящей-то России его и нельзя встретить. Еще широкие, длинные шаровары туда-сюда, но откуда перенять коротенький, на манер солдатских, архалук со стоячим воротником, застегивающийся на груди крючками внутрь - прямо казацкий, с Дона, наряд? Все без исключения носят этот архалук. Женщины одеты в обыкновенное русское платье и, при этом, волосы у них закрыты платком или куском материи, свернутым наподобие сахарной головы, со свесившимися назад концами"[2]. Верещагин оставил карандашные наброски портретов духоборца и духоборки.

Исходя из этих описаний, можно установить, что период формирования духоборческого костюма занял приблизительно 40-50 лет. Период очень короткий, особенно если учесть всю пестроту одеяний, влившихся в эту секту не только групп русских из разных губерний, но и групп украинцев, мордвы, казаков. Несомненно, у духоборцев существовала регламентация на одежду с целью ее унификации. Некоторые исследователи отмечали, что в секте выработались как особая этика поведения, так и определенный костюм[3].

Духоборческий костюм, и мужской, и женский, представлял собой соединение элементов, заимствованных из разных костюмов. Совершенно оригинального, только духоборцам присущего, в нем было не много. Интересно выяснить, были ли эти заимствования случайными или в основе их лежали какие-то принципы.

Мужской костюм, окончательно сложившийся в первые го-

ды пребывания духоборцев на Кавказе, состоял из белой хлопчатобумажной рубахи с прямыми поликами, горловина которой имела прямой разрез, а вокруг нее ткань собиралась в мельчайшие складочки. К горловине пришивался отложной воротник - "ожерёлог". Ворот застегивался при помощи "завязки", продергивавшейся в две прорезные петли. Рукава имели ластовицы. Низ рукава более ранних рубах был чуть суженный, позже рукав стали делать присобранным внизу и на манжете. Рубаха заправлялась в штаны. Поверх рубахи надевали "рубашку" из вельвета или сатина темного цвета. Она имела невысокую стойку и узкий вшивной рукав, застегивалась впереди на пуговицах и доходила до линии бедер. Такая рубашка шилась плотно в талию, сзади сильно клешилась по швам и имела вставные клинья по бокам. В будни поверх рубашки выпускался "ожерёлог" рубахи. В праздники его убирали вниз, а под рубашку надевали манишку, представлявшую собой отделанный кружевом, застегивавшийся на шее воротник, обычно с небольшим оплечьем. Под манишку на шею завязывали прямым узлом шелковй яркий "багдадский платок". Поверх рубашки в прохладное время года мужчины надевали "жилетку" из сатина или шелка на шерстяной подстежке. Она плотно облегала фигуру и доходила до талии, застегивалась впереди на крючки, имела маленький воротник-стойку, прорезные карманы. На Кавказе бортик жилетки и рамки карманов украшались шелковой тесьмой, а чаще вышивкой яркими шерстяными нитками незамысловатого растительного орнамента.

Верхняя мужская одежда, сшитая из черной или темносиней шерстяной ткани, имела много названий: "бешмет", "архалук", "чекмень", "черкеска", "куртика", но наиболее распространенным было название - "бекеша". Она немного не доходила до колен, плотно облегала фигуру до талии и расширялась к низу, образуя сзади "хвалды" за счет отрезной и присборенной по талии нижней части спинки. Бекеша застегивалась впереди на крючки, имела воротник-стойку и узкий вшивной рукав. Точно такие бекеши носило донское казачество. Этот же покрой повторялся в шубах. В дорогу надевали сделанные из толстого сукна бурки.

Традиционными духоборческими считались штаны с широким шагом - "штаны с клином", менее широкие, чем украинские шаровары, скорее похожие на казачьи. Сходство еще более усиливалось за счет красных лампасов вдоль боковых швов. Довершал сходство с казачьим костюмом и картух с высоким околышком, аналогичный тому, который носили на Дону. В холодное время года мужчины надевали круглую овчинную шапку с суконным верхом и башлык.

Духоборцы, как и донские казаки, обязательно брили бороды, но носили усы.

Манишки, шейные платки и жилетки действительно придавали облику духоборцев нерусский вид. Мы считаем, что эти элементы костюма были заимствованы у немецких колонистов, живших рядом с духоборческими поселениями на Молочных Водах, а возможно, не прошло бесследно и пребывание многих духоборцев в конце ХУШ - начале XIX в. в ссылке в прибалтийских губерниях. Остальные элементы их одежды заимствованы из костюма донского казачества.

Среди духоборцев было много казаков. Немало сектантов отбывало в качестве наказания службу в казачьих войсках на Кавказе, в крепости Азов. Это влияние казаческого элемента особенно усилилось в первые годы проживания духоборцев на Кавказе, после того, как к ним присоединились ранее сосланные в Закавказье за духоборческую ересь казаки из Войска Донского. Видимо, в это время в духоборческом костюме появились бурки, башлыки; все мужское население Духобории стало носить бекеши.

Духоборцы - выходцы из казачества, вливаясь в общину, приносили не только костюм, бытовой уклад, традиции самоуправления и дух вольности, но и свои моральные ценности и социальные оценки. Казачеству, получившему определенные льготы и гордившемуся своей героической историей, было свойственно чувство некоторого превосходства над "мужиком".

Духоборцы, стремившиеся создать свое маленькое государство - Духоборию, подражали казаческому самоуправлению. Управляющий Сиротским домом носил звание атамана, личная охрана духоборских руководителей называлась "казачками". И

даже внешне духоборцы хотели походить на казаков: само слово "казак", воспринимаемое как символ ратной доблести, смелости, они наполнили иным смыслом: доблести в борьбе за Божье дело. В псалме, составленном еще на Молочных Водах, на вопрос: "Что ты мужик или казак?" следовал ответ: "Казак". Вопрос: "Почему ты казак? Ответ: "Смею Божие слово сказать, сатану связать"[4].

И все же мужской духоборческий костюм в большей степени отражал их социально-политические воззрения, чем религиозные.

И неизвестный автор "Записки о духоборцах" и В.В.Верещагин отмечали, что духоборки носят обычное русское платье. Оно состояло из хлопчатобумажной белой рубахи, такого же покроя как и мужская, но только длинной и отделанной кружевом по воротнику. Рукава праздничных рубах отделывались волонами - "брыжжами", а к подолам пришивались вытканные узорчатые выкладки. Такие рубахи встречались в северных областях Украины и у однодворцев южнорусских губерний. Поверх рубахи надевали запан - нагрудную одежду из тонкого сукна, прикрывавший талию, с узким вшивным рукавом, застежкой на спине и вырезом горловины в форме каре. Воротник рубахи выпускался поверх запана. На запан надевали корсет из сатина, плиса, шелка /"голосея"/ на шерстяной подстежке. Он прикрывал талию, застегивался впереди на две пуговицы, расположенных не по центру, а немного слева, рукавов и воротника не имел. Сзади на нижней части отрезной чуть выше талии спинке закладывалось I2-I4 бантовых склад. Такие костюмы носили и русские в южновеликорусских губерниях и украинцы. Духоборки носили также душегрейки на широких лямках с такой же спинкой в складку, как у корсетов.

Широкие, присобранные в мелкие сборки у талии сзади и с боков, с прорехой впереди юбки шили из домотканной шерстяной материи. Прореху закрывала занавеска, представлявшая присобранное на пришивном поясе полотнище материи. Излюбленными цветами с появлением химических красителей, стали яркорозовый, оранжевый, фиолетовый. Красить обычно отдавали в красильни в ближайшие армянские деревни. В прохлад-

ное время духоборки надевали корсеты с рукавами, "сибирки", шубы. На Кавказе женские костюмы - низ юбок, занавесок, полы корсетов и даже туфельки из кожи и плиса - стали украшаться яркой рельефной вышивкой шерстяными нитками, на одежду нашивали шелковые ленты, позумент, вывязанное на спинах кружево. И если в 1841 г. автор "Записки..." назвал такой костюм "неприхотливым", то в 60-70 годы сказать так было уже нельзя. Может быть в суровом климате, где зима длится 7-8 месяцев, людям хотелось запечатлеть в костюме яркие краски короткого лета. Вышивка делала женский костюм очень радостным. Носили его и молодые и пожилые, т.к. возрастных различий в костюме не было.

У духоборок на Кавказе существовала очень своеобразная, нигде больше не встречающаяся нагрудная одежда - "хвартик". Впереди это было широкое полотнище ткани, присборенное по линии груди на отрезной грудинке; это и создавало впечатление сходства "хвартика" с русским сарафаном. Но задняя часть "хвартика" состояла из спинки от душегрейки, которая по правому боку была сшита с передним полотнищем, а на левом боку пристегивалось к нему. Хвартик крепился на широких лямках - "помочах". Носили его и девочки, и женщины, и старухи.

Современники обращали внимание на необычные головные уборы духоборок и их прически. И на Молочных Водах и на Кавказе они носили вязанные белые колпаки. Сверху такой колпак был повязан сложенным по диагонали платком, два конца которого сначала шли назад, а затем завязывались узлом надо лбом, а третий распускался сзади. Автор "Записки о духоборцах..." считал колпак заимствованным у немцев, но такие колпаки носили казачки в низовьях Дона, в некоторых районах южновеликорусских губерний /Воронежской, Орловской/, причем там он считался головным убором девушек и молодых женщин.

Более оригинальным духоборческим головным убором была женская шапка или "кабардинка", как ее стали называть уже на Кавказе. Описание ее, данное в "Записке..." 1841 г., не достаточно подробно, чтобы точно реконструировать шапку,

но тем не менее очевидно, что на Кавказе в конце XIX в. она выглядела несколько по-иному. Ленты, которыми она стягивалась сзади на голове молочноводской духоборки, постепенно утратили свою функцию и превратились просто в украшение по бокам шапки, а то, что было бантом впереди, прекратилось в огромный цветок из кусочков разноцветного шелка с преобладающими розовыми тонами, называвшийся "пучком". По низу шапки шла полоса черного плиса, над ним впереди нашивалась полоска золотого позумента. Шапка состояла как бы из двух половинок левой и правой /шов шел от темени к затылку/, и в верхней ее части изнутри по шву делалось небольшое утолщение из шерсти. Шили ее из шелка голубых, зеленых, сиреневых цветов на шерстяной подстежке. Эта шапка напоминает украинский очипок, а ее молочноводский вариант, судя по описанию, очень походил на чепцы, которые носили в Эстонии. Вполне возможно, что это сходство было не случайным.

Духоборческая шапка интересна своей символикой. Существует несколько вариантов ее объяснения. В соответствии с одним из них плис - это время, позумент - дорога духоборческая, ленты - реки, а выше лент - небо, к которому надо стремиться. Пучок символизировал расцветшие на земле цветы. Существует и другое объяснение: две половины шапки - это два полушария, а "пучок" - символ единства вошедших в духоборческую общину представителей разных народов. Но наиболее распространенным является следующее объяснение значения шапки: "I/ плис - когда духоборцы на каторжных работах были под землей; 2/ позумент - когда просияла слава духоборческая, стали появляться в разных местах духоборцы; 3/ пучок - зацвело духоборчество, зажили хорошо; 4/ ленты означают дорогу на Кавказ; 5/ верх шапочки - выше закона Божьего ничего нет"[5].

Символическое значение шапке, несомненно, придавали еще на Молочных Водах, а на Кавказе оно было, видимо, несколько изменено /например, добавлен пункт о дороге на Кавказ/. Такая попытка отразить свое прошлое в символической форме в костюме - уникальна. Общие страдания за веру и общая история сплачивали духоборцев, а ношение шапки

как бы приобщало к памяти страдальцев.

Нам кажется не случайным и то, что история духоборчества в столь сжатой форме отражена именно в женском головном уборе. Духоборческое учение должно было передаваться из поколения в поколение только в устной форме, т.е. любая запись, по мнению основателей секты, искажала боговдохновенное слово. Псалмы заучивали на слух с самого раннего возраста, как только ребенок начинал говорить. Главная роль в сохранении устной традиции и религиозном воспитании детей, в ознакомлении с историей духоборчества принадлежала женщине.

Первоначально шапка не была интимным головным убором, как например, повойники или очипки у русских и украинцев, которые обязательно надо было покрывать платком. В "Записке..." I84I г., давая описание шапки, автор не упоминает платок. Руководительница кавказских духоборцев Л.В.Калмыкова на молитвенные собрания ходила в одной шапке. И на фотографиях, относящихся к концу XIX в., духоборки часто сняты без платков, хотя появиться совсем "распокрытой" считалось большим грехом. В настоящее время женщины села Гореловка, некогда представлявшего "малую" партию, выходя из дома, обязательно поверх шапки надевают сложенный на угол платок, завязывающийся под подбородком.

Особенностью женского духоборческого костюма является отсутствие различий в головном уборе женщины и девушки. Оно объясняется религиозными воззрениями духоборцев, которые понятие девства связывали не с физиологией или семейным статусом женщины, а с ее отношениями с церковью. Венчание в церкви означало потерю чистоты и непорочности. С другой стороны, если в каждом духоборце присутствует божественное начало, то женщина, рождающая человека, рождает потенциального бога, и она как мать Иисуса Христа Мария - богородица, а значит дева. В духоборческом псалме на вопрос: "Почему ты дева?" - дается ответ: "Потому я дева, что несу путь Божий и дело. Под кивером не стояла, венца в руках не держала, попу руку не целовала. Потому я дева, что помню Божье дело"[6].

Под шапку и колпак делалась специальная прическа, привлекшая внимание автора "Записки о духоборцах..." еще на Молочных Водах. Пожилые духоборки села Гореловка и по сей день носят ее. Расчесав волосы на прямой пробор и надев шапку, плотно сидящую на голове, или колпак, женщина начинала закручивать боковые пряди ото лба к ушам, делая небольшие "подвивочки". Сзади эти получившиеся жгуты и остальные волосы сплетали в одну косу и убирали под шапку. Среди славянских народов и мордвы никаких аналогов этой прически нет. Во время этнографической экспедиции в Канаду в 1990 г. идентичные женские прически были обнаружены у представительниц секты гуттаритов. Выяснилось, что поселения гуттаритов, которые в официальной делопроизводственной документации именовались меннокитани, были расположены рядом с духоборческими селами, так что "подвивочки" были заимствованы духоборками у соседей. Если учесть особенно консервативное отношение русских крестьян к женской прическе, то напрашивается вывод, что это заимствование было сделано не без давления руководителей духоборческой секты. Впереди на лоб духоборки выпускали небольшую челку. У русских и украинцев "засветить волосом" для замужней женщины всегда считалось большим грехом. В духоборческом псалме на вопрос: "На что подрезаете волосы?" дается ответ: "Для того я подрезаю волоса, что скинула я дурные словеса"[7]. Современные духоборцы считают, что это означает отбросить дурные помыслы. А.Каменев, посещавший "Духоборию" еще при жизни Л.В.Калмыковой в 1870-е годы, писал позже, что по рассказам стариков, все девушки на выданье, обрезали себе прядь волос надо лбом после того, как молодой руководитель духоборцев П.Л.Калмыков выбрал ее в жены. Тем самым они, по словам А.Каменева, хотели продемонстрировать всю меру своего огорчения[8]. Трудно судить, имел ли место этот факт и насколько правильно он истолкован. Это мог быть обряд, символизировавший переход девушки в возраст невесты. Судя же по фотографиям конца XIX в., чёлки носили даже маленькие девочки.

Сказать с полной уверенностью, что и под колпак девуш-

ки и женщины тоже прятали косы, к сожалению, нельзя, т.к. в 20-е годы XX в. колпак носили в основном пожилые духоборки, которые убирали косы. Правда, еще в 70-е годы XX в. в колпаках иногда хоронили даже молодых, и умершую девушку клали в гроб в колпаке с выпущенной и распущенной косой, перехваченной ленточкой у основания. Ее подруги приходили на похороны тоже в колпаках с распущенными косами, но это могло символизировать печаль по безвременно умершей[9], а не свидетельствовать о том, что девушки всегда носили с колпаком косу на выпуск. Мнения информаторов по этому вопросу очень разноречивы.

Традиционный духоборческий костюм, единый для всех членов секты, поражает своеобразным, подчас странным, сочетанием элементов, яркими цветами, обилием вышивки, необычными женскими головными уборами и прической и производит впечатление костюма какой-то неизвестной этнической группы. Организовавшись на общей территории в изолированную общность, обладавшую единым языком, обычаями и обрядами, религиозным культом, объединенную прошлыми преследованиями и осознанием своей миссии, создавшую свою социально-политическую организацию, духоборцы действительно превратились в субэтническую группу, а самоназвание секты стало этнонимом. В этих условиях костюм выполнял роль не только конфессионального, но и этнического знака. Костюм объединял духоборцев, подчеркивал равенство всех членов секты и в то же время внешне выделял, отмежевывал от православного населения и от живущих по соседству народов.

Чиновник Святейшего Синода В.Скворцов, в 90-е годы XIX в. посещавший Духоборию, отмечал, что во внешнем облике духоборцев много нерусских черт, "есть свой особый отпечаток". Сами духоборцы, по словам В.Скворцова, признавались, что они стремятся внешне, своей одеждой отличаться от прочих национальностей[10]. Костюм в мировоззренческой системе духоборцев играл очень большую роль, поэтому становится понятным, почему, прожив на Кавказе долгие годы, духоборцы почти ничего не переняли у местного населения. Оговорка "почти" связана с одним единственным заимствованием, кото-

рое удалось обнаружить у ахалкалакских духоборцев - это курдский пастушеский костюм, состоявший из кожаных куртки и штанов мехом во внутрь, который духоборцы носили в горах на пастбищах и надевали зимой в дальнюю дорогу. Такое заимствование диктовалось суровыми климатическими условиями в месте их проживания. Бурки и башлыки, широко распространенные среди горских народов Кавказа, были заимствованы духоборцами из костюма казаков.

Изоляция в горах Кавказа и осознание своей избранности способствовали консервации костюма. Катаклизмы, поразившие духоборчество после смерти Л.В.Калмыковой, путь религиозных и социально-политических исканий, по которому пошли веригинцы, поколебали некоторые привычные для них понятия и ценности. Всегда считавшие себя "избранным народом", духоборцы в 1896 г. по настоятельной рекомендации П.В.Веригина дали своей секте новое название: "Христианская община всемирного братства", для того, чтобы подчеркнуть, как он писал своим единомышленникам из ссылки, "что мы на всех людей смотрим как на братьев по завету Господа Иисуса Христа"[11].

С одной стороны, П.В.Веригин пытался найти поддержку в борьбе с царским правительством у религиозных сект других стран и даже у народов Кавказа, с другой стороны, - он считал, что духоборческое учение со временем превратится в мировую религию. Этот новый поворот в религиозном мировозрении неизбежно сказался на костюме веригинской партии. И если для "малой половины" в ее борьбе с новоисканиями веригинцев костюм стал одной из опор старой веры, то для сторонников Веригина он постепенно утрачивал такую роль. Первоначально изменения в отношении к костюму произошли в сознании людей, хотя в силу традиции его еще долго продолжали носить. Революционные события на Кавказе, постепенное падение религиозности, административное давление, межэтнические контакты, расшатывающие устои традиционной культуры, - все это вело к постепенному отказу от традиционного костюма.

Приблизительно в 1918-20 гг. духоборки "большой вери-

гинской половины", проживавшие на Кавказе, по указанию их руководителя, Петра Петровича Веригина - сына выехавшего в Канаду Петра Васильевича, перестали носить шапки. В Канаде от них отказались значительно раньше. Трудно сказать, чем руководствовался П.П.Веригин: примером канадских единоверцев или, как до сих пор говорят кавказские духоборки, желанием внешне отделить "большую" и "малую" половины. Случай для этого представился совершенно неожиданно. По рассказам стариков, во время посещения Петром Петровичем села Родионовка его разгулявшийся телохранитель начал демонстрировать меткость стрельбы. У одной из женщин, метнувшейся в страхе, слетела шапка, и она, собирая волосы, положила ее на камень изгороди. Очередной выстрел сбил шапку. Стремясь предотвратить скандал, П.П.Веригин дал женщине деньги и велел купить новый платок, а шапок больше не носить. Слово руководителя было воспринято как приказ, и все духоборки "большой половины" заменили шапки платками, под которые стали надевать, по примеру молоканок, чепчики. Оценивая действия П.П.Веригина, с такой легкостью отменившего ношение важного символа духоборчества, веригинцы говорят: "Каким духом шапка одета, тем духом и снята". Духоборки села Гореловка до сих пор ставят веригинцам в вину отказ от ношения "завета духоборческого".

С изменением головного убора изменилась и прическа: сделав подвивочки и заплетя косу, ее стали выпускать сзади из-под чепчика, причем и девушки, и женщины. По-прежнему отрезали челку, но сейчас женщины "большой половины" носят ее редко.

Постепенная утрата отдельных частей духоборческого костюма сопровождалась процессом его ритуализации. Первоначально у духоборцев отсутствовал особый ритуальный костюм. В соответствии с их учением, возносить молитвы можно было на любом месте и в любое время, и естественно, что для этого не требовалась какая-то особая одежда. Для похорон /"про случай"/ готовили тот же костюм, только он должен был быть совершенно новым. Уже в конце XIX в. части традиционного костюма, исчезая из повседневного ношения, снача-

ла переходили в разряд моленной одежды и одежды "про случай", потом ее переставали носить на моления, а только хоронили в ней и, наконец, она исчезла совсем. Это относится к мужским штанам с клином, хвартику и колпаку. Сейчас ритуальный костюм гореловского духоборца состоит из рубахи, манишки, шейного платка, рубашки /хоронят в рубахе без рубашки/, жилета, бекеши, обычных брюк и картуза, а духоборки - из рубахи, кофты /хоронят в рубахе без кофты/, корсета, юбки, занавески, шапки и платка, вязаных сине-белых чулок и вышитых туфелек. Пожилых духоборок обычно хоронят в колпаках, повязанных косынкой, и иногда в "хвартиках". Духоборцы "большой половины" не имеют полного духоборческого костюма. Некоторые надевают на моление или готовят "про случай" белую современную рубашку и духоборческую жилетку; женский ритуальный костюм состоит из рубахи или обычной рубашки, кофты /хоронят без кофты/, корсета, юбки и занавески, чепчика и платка. Духоборки "большой половины" часто надевают вязанные чулки, но уже редко у кого есть традиционные.

В заключение отмечу еще раз, что процесс формирования духоборческого костюма занял очень короткий срок. Это стало возможно потому, что он контролировался и направлялся руководителями секты, так что правильнее говорить не о формировании, а о создании костюма. Духоборческий костюм был создан в соответствии с социально-политическими взглядами и религиозным мировоззрением секты, и это обстоятельство определило его большую смысловую нагрузку. Изменения в учении секты повлекли изменения и в костюме.

Костюм стал одним из средств объединения духоборцев в конфессиональную и субэтническую общность, и в то же время он отделял их от православных русских и коренного кавказского населения. Эта особенность костюма затрудняла заимствования из одежды кавказских народов. С другой стороны, комплекс одежды, сложившийся на Молочных Водах и дополненный в первые годы пребывания на Кавказе элементами казацкого костюма, в свою очередь заимствованными казаками у горцев, был вполне достаточен для обеспечения жизнедеятельно-

сти в суровом горном климате. Однако, несмотря на конфессиональную замкнутость, наиболее рациональный и необходимый элемент одежды местного населения /пастушеский костюм курдов/ все же был использован.

I. Записка о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде Таврической губернии - "Труды Киевской духовной академии", I876, № 8, с.395.
2. Верещагин В.В. Духоборцы и молокане в Закавказье. М., I906, с.I8.
3. Тебеньков. Правда о духоборцах - "Русская старина", I896, № 8, т.87, с.285.
4. Животная книга духоборцев. СПб, I909, с.4I, пс.5.
5. Материалы экспедиции по изучению духоборцев в Грузинской ССР. I988 г. Архив ИЭИА АН СССР.
6. Животная книга духоборцев, с.78, пс.36.
7. Там же, с.70, пс.40.
8. Каменев А. Духоборческая секта. - "Миссионерское обозрение", СПб, I904, № I2.
9. Молокане, живущие в Азербайджане, хоронят девушек с распущенной косой и подруги умершей приходят на похороны с распущенными косами в знак траура.
I0. Скворцов В. О переселенческом движении в Америку среди закавказских духоборцев-постников, - "Миссионерское обозрение", I899, март, с.33I.
II. Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина. I90I, с.92. Письмо № 35.

О.Д.КОМАРОВА

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ РУССКИХ СЕЛ ЗАКАВКАЗЬЯ

В предыдущих публикациях, посвященных комплексному анализу адаптации русских старожилов Закавказья, нам уже приходилось касаться некоторых аспектов миграции из русских сел [I]. Правда, данным вопросам мы отводили второстепенную роль, рассматривая их не в качестве самостоятельного предмета, а лишь в плане взаимосвязи с социально-демографической ситуацией в обследуемых селах.

Между тем нетрудно убедиться, что сведения об интенсивности миграций, их региональных различиях и динамике во времени, о географии выездов, а также об особенностях возрастно-половой и социально-профессиональной структуры мигрантов пригодны для исследования не только демографических, но и гораздо более широкого круга проблем. Например, уровень миграции может косвенно отражать успешность адаптации переселенцев к новой для них природной и культурной среде, а в сочетании с другими показателями по нему можно судить о степени социально-психологической напряженности в смешанных селах и т.п. Кроме того, выявление районов выезда и типов поселения на новом месте в какой-то мере раскрывает мотивацию миграций, т.е. помогает приблизиться к пониманию их истинных причин.

Следует подчеркнуть, что для получения всех упомянутых сведений не требуется проводить личный опрос отъезжающих, - достаточно обратиться к материалам похозяйственных книг, которые со времени образования колхозов регулярно заполняются в каждом сельсовете и куда заносятся отметки о выбытии каждого человека с указанием места его нового поселения. Такой способ сбора информации, с одной стороны, дополняет социологические методы работы в селе, а с другой - что особенно важно, позволяет осуществить ретроспек-

тивный анализ миграций. Ведь в последнем случае у исследователя полностью отсутствует возможность побеседовать с людьми, давно выехавшими из села.

Учитывая, что статистика миграций, несмотря на большую познавательную ценность и относительную простоту получения, практически отсутствует в и без того скудной научной литературе о русских поселенцах в Закавказье, мы решили хотя бы частично восполнить этот пробел. В данной статье представлены некоторые результаты сравнительного анализа статистических материалов об оттоке населения из старожильческих русских сел Грузии, Армении и Азербайджана.

Учитывая чрезвычайно большой объем работы, предполагающей переезды во многие районы Закавказья, мы были вынуждены сузить временные рамки исследования и на первых порах изучать только текущие похозяйственные книги, отражающие ситуацию последних 3-5 лет. В зависимости от того, когда именно была начата похозяйственная книга в том или ином сельсовете и в каком году проводилась там работа, мы располагали сведениями о количестве мигрантов за разное число лет, но не более чем за указанный срок. Вычисление среднегодового объема миграции из каждого села с последующим приведением этого показателя к общей численности населения соответствующего периода позволяет сравнивать разные села по интенсивности миграции. Вместе с тем интерес для исследования представляют не только упомянутые количественные характеристики, но и качественные особенности миграции, в частности, география выездов русского населения из разных сел Закавказья, о чем подробнее будет сказано ниже.

Принимая во внимание, что поперечный анализ миграции было бы желательно хотя бы минимально дополнить продольным, по некоторым селам мы взяли данные похозяйственных книг 10-20-летней давности, что позволило выявить существенные изменения как в интенсивности, так и в пространственной структуре оттока русского населения за истекший период.

Мы старались также по возможности выявить специфические черты миграции разных этнических групп населения, для чего в нескольких селах наряду со сведениями о русских ми-

грантах брали информацию о выезде населения коренной национальности республики. К сожалению, из-за недостатка времени эта работа выполнена не в том объеме, в каком хотелось бы. Думается, ее необходимо продолжить как весьма перспективную во многих отношениях.

Чтобы избежать возможных упреков в свой адрес, приходится специально оговорить, что в нашем исследовании отражена ситуация, существующая на Кавказе до 1988 г., т.е. до возникновения конфликта по поводу Нагорного Карабаха, повлекшего драматические события в Сумгаите, Баку, на армяно-азербайджанской границе, в результате которых не только возникли массовые встречные перемещения армян и азербайджанцев между соседними республиками, но и резко усилился отток русского населения с территории Закавказья. В нашей статье рассматривается только, так сказать, естественный ход событий. Неуклонное сокращение численности русских старожилов в Закавказье, ставшее, по-видимому, уже необратимым, началось задолго до 1988 г. По нашему убеждению, события последних лет были не столько причиной, сколько катализатором возникшей независимо от них массовой эмиграции русского населения. Они лишь ускорили достижение критического порога, что в ином случае проявилось бы позднее, но, пожалуй, с той же неотвратимостью.

После этих кратких замечаний общего плана переходим к более подробному изложению результатов проделанного исследования. Разумеется, мы не имели возможности ознакомиться с ситуацией во всех без исключения русских селах, которых и сейчас еще остается в целом по Закавказью несколько десятков. Поэтому нами были отобраны для работы наиболее представительные старожильческие селения. Немаловажно, что все они были образованы сектантами разного толка, поселившимися здесь еще в 1840-1850 гг. Как убедительно показали этнопсихологические исследования в этих селах, современные потомки русских первопоселенцев считают Кавказ своей родиной, покинуть которую их могли заставить только очень веские причины. Изложение материала дано отдельно по республикам с тем, чтобы в итоге иметь возможность выявить общее и осо-

бенное в миграции русского населения из каждой республики.

В Азербайджане исследованию подлежали 6 сел с учетом равномерного охвата всех трех компактных ареалов размещения русского сельского населения: западного (с.Новосаратовка), северо-восточного (с.Астраханка и с.Бёюк-Сёюдлю) и юго-восточного (с.Новоголовка, с.Привольное и с.Калиновка)[2].

Ниже приводятся некоторые общие сведения об этих селах.

Таблица I

Некоторые характеристики обследованных русских сел Азербайджана

Название села	Время возникновения	Общая численность населения по последним данным (I987-I989 гг.), чел.	в том числе русских	
			абс. данные чел.	доля в общем числе жителей %
Новосаратовка	I840-е гг.	I89I	496	26,2
Астраханка (бывшее Кыз-Мейдан)	I849 г.	860	44I	5I,3
Бёюксёюдлю	I92I г.	973	50I	5I,5
Новоголовка	I844 г.	4236	50I	II,8
Привольное	I839 г.	337I	II29	33,5
Калиновка (бывшая Николаевка)	I838 г.	I776	II0	6,2

Примечание: Составлено автором по данным текущих похозяйственных книг и архивных источников.

Для удобства анализа собранные материалы по каждому селу мы представили в виде шахматных таблиц, в которых по строкам приводятся данные о распределении всех выехавших по типу населенных пунктов в месте вселения (город или село),

а по столбцам - данные о географии миграции.

По двум самым крупным селам - Новоголовке и Привольному - собраны сведения о миграции не только русского населения, но и азербайджанцев. Правда, в Новоголовке пришлось ограничиться лишь выборочными данными, определив количество мигрантов не из числа всех жителей, а только из категории работающих. Из-за неполноты охвата данные по этому селу не могут быть использованы для подсчета показателей интенсивности миграции. Тем не менее, благодаря достаточному размеру выборки, они вполне пригодны для изучения социальной и географической структуры выездов.

Кроме того, по одному из сел - Калиновке - есть возможность оценить динамику миграций благодаря наличию сведений не только за последние годы, но и за период 20-летней давности.

При рассмотрении таблиц необходимо учитывать, что только в трех из обследованных в Азербайджане сел (Новосаратовка, Привольное, Калиновка) мы застали достаточно аккуратный учет миграции с указанием конкретного пункта перемещения. Это дало нам возможность более полно классифицировать всех отъезжающих по соответствующим группам. В других же трех селах в похозяйственных книгах либо вообще отсутствует отметка о месте нового поселения, либо же вместо конкретного пункта названо только направление миграции (например, Сибирь, Дальний Восток) или крупная административная единица вроде области или района, из чего остается неясным, поселялся ли выехавший человек в городе или селе этого района. В этих случаях при анализе географии выездов приходилось исключать данную категорию мигрантов, что, безусловно, сужало объем полноценной информации. По этим селам процентное распределение мигрантов по группам подсчитывалось по отношению не к общему числу выехавших, а лишь к тем, для кого было известно место нового поселения.

После предварительных замечаний предлагаем читателю ознакомиться с содержанием составленных нами таблиц.

Таблица 2

Название села, район, республика		Новосаратовка, Кедабекский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 – 1 половина 1988 г., 2,5 года								
Группировка выехавших: по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численость уехавших	А	24	100,0	15	62,5	–	–	9	37,5	–
	Б	100,0		100,0				100,0		
В том числе: В пределах своей республики	А	2	100,0	2	100,0	–	–	–	–	–
	Б	8,3		13,3						
В другие республики Закавказья	А	1	100,0	1	100,0	–	–	–	–	–
	Б	4,2		6,7						
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область) и в Крым	А	15	100,0	10	66,7	–	–	5	33,3	–
	Б	62,5		66,7				55,6		
В Европейскую часть СССР и на Урал	А	6	100,0	2	33,3	–	–	4	66,6	–
	Б	25,0		13,3				44,4		
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	–		–		–	–	–		–
	Б									
Место нового поселения не установлено	А	–		–		–	–	–		–

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, В – в % к итогу по строкам или, соотвенно, по столбцам без учета тех мигрантов, для которых не установлено место нового поселения.

Таблица 3

Название села, район, республика		Астраханка, Шемахинский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1989г., 3,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	188		37	45,1	4	4,9	41	50,0	106
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе: В пределах своей республики	А	8	100,0	7	87,5	–		1	12,5	–
	Б	9,7		18,9				2,4		
В другие республики Закавказья	А	–		–		–		–	–	–
	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	59	100.0	19	32,2	–		40	67,8	–
	Б	72,0		51,4				97,6		
В Европейск. часть СССР и на Урал	А	13	100,0	9	69,2	4	30,8	–		–
	Б	15,9		24,3		100,0				
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	2	100,0	2	100,0	–		–		–
	Б	2,4								
Место нового поселения не установлено		106		–		–		–		106

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 4

Название села, район, республика		Бёюксёюдлю, Варташенский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 – 1 половина 1989г., 3,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	87		22	30,6	14	19,4	36	50,0	15
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе: В пределах своей республики	А	3	100,0	1	33,3	2	66,7	–		–
	Б	4,1		4,5		14,3				
В другие республики Закавказья	А	1	100,0	–		–		1	100,0	–
	Б	1,4						2,8		
В южные регоны России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	49	100.0	10	20,4	12	24,5	27	55,1	–
	Б	68,1		45,5		85,7		75,0		
В Европейск.часть СССР и на Урал	А	18	100,0	10	55,6	–		8	44,4	–
	Б	25,0		45,5				22,2		
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	1	100,0	1	100,0	–		–		–
	Б	1,4		4,5						
Место нового поселения не установлено		15		–		–		–		15

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 5

Название села, район, республика		Новоголовка, Джалилабадский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские, выборочные данные из 255 работающих								
Период наблюдения миграции		1986 – 1 половина 1989г., 3,5 года								
Группировка выехавших: по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	97		52	57,8	25	27,8	13	14,4	7
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе: В пределах своей республики	А	5	100,0	2	40,0	3	60,0	–		–
	Б	5,6		3,8		12,0				
В другие республики Закавказья	А	–		–		–		–		–
	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	35	100,0	8	22.9	17	48,6	10	28 5	–
	Б	38,9		15,4		68,0		76,9		
В Европейск.часть СССР и на Урал	А	43	100,0	41	95,3	–		2	4,7	–
	Б	47,7		78,8				15,4		
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	7	100,0	1	14,3	5	71,4	1	14,3	–
	Б	7,8		2,0		20,0		7,7		
Место нового поселения не установлено		7		–		–		–		7

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 6

Название села, район, республика		Новоголовка, Джалилабадский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		азербайджанцы, выборочные данные из 29655 работающих								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1989г., 3,5 года								
Группировка выехавших по регионам вселения / по категориям населенных пунктов в месте вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	46		23	74,2	2	6,5	6	19,4	15
	Б			100,0		100,0				
В том числе:	А	8	100,0	-	25,0	2	25,0	6	75,0	-
В пределах своей республики	Б	20,5				100.0		100,0		
	А	-		-		-		-		-
В другие республики Закавказья	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	-		-		-		-		-
	Б									
	А	17		16	100,0	-		-		1
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	43,6		69,6						12,5
В районы Севера, Сибири, Средней	А	14		7	100,0	-		-		7
Азии и Дальнего Востока	Б	35,9		30,4						87,5
Место нового поселения не установлено		7		-		-		-		7

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 7

Название села, район, республика		Привольное, Джалилабадский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 – 1 половина 1988 г., 2,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	146	100,0	109	74,7	34	23,3	3	2,0	–
	Б	100,0		100,0		100,0		100,0		
В том числе:	А	24	100,0	8	33,3	16	66,7	–		–
В пределах своей республики	Б	16,4		7,3		47.1				
	А	–		–		–		–		–
В другие республики Закавказья	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	49	100,0	31	63,3	15	30,6	6,1		–
	Б	33,6		28,4		44,1		100,0		
	А	68	100,0	65	95,6	3	4,4	–		–
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	46,6		59,6		8,8				
В районы Севера, Сибири, Средней	А	5	100,0	5	100,0	–		–		–
Азии и Дальнего Востока	Б	3,4		4,6						
Место нового поселения не установлено		–		–		–		–		–

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 8

Название села, район, республика		Привольное, Джалилабадский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		азербайджанцы								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1988 г., 2,5 года								
Группировка выехавших: по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	52		21	55,3	12	31,6	5	13,1	14
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе:	А	23	100,0	6	26,1	12	52,2	5	21,7	–
В пределах своей республики	Б	60,5		28,6		100.0		100,0		
	А	–		–		–		–		–
В другие республики Закавказья	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	6	100,0	6	100,0	–		–		–
	Б	15,8		28,6						
	А	4	100,0	4	100,0	–		–		–
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	10,5		19,4						
В районы Севера, Сибири, Средней	А	5	100,0	5	100,0	–		–		–
Азии и Дальнего Востока	Б	13,2		23,8						
Место нового поселения не установлено		14		–		–		–		14

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или со ветственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 9

Название села, район, республика		Калиновка, Масаллинский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1985 - 1 половина 1988 г., 3,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	28	100,0	26	92,9	2	7,1	-		-
	Б	100,0		100,0		100,0				
В том числе:	А	3	100,0	2	66,7	1	33,3	-		-
В пределах своей республики	Б	10,7		7,7		50.0				
	А	-		-		-		-		-
В другие республики Закавказья	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	7	100,0	7	100,0	-		-		-
	Б	25,0		26,9						
	А	18	100,0	17	94,4	1	5,5	-		-
В Европейск. часть СССР и на Урал	Б	64,3		65,4		50,0				
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	-		-		-		-		-
	Б									
Место нового поселения не установлено		-		-		-		-		-

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 10

Название села, район, республика		Калиновка, Масаллинский район Азербайджана								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1967 – 1970 гг., 4 года								
Группировка выехавших: по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в:						
				крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	65	100,0	59	90,8	6	9,2	–		–
	Б	100,0		100,0		100,0				
В том числе:	А	30	100,0	25	83,3	5	16,7	–		–
В пределах своей республики	Б	46,2		42,4		83.3				
	А	–		–		–		–		–
В другие республики Закавказья	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	6	100,0	6	100,0	–		–		–
	Б	9,2		10,2						
	А	21	100,0	20	95,2	1	4,8	–		–
В Европейск. часть СССР и на Урал	Б	32,3		33,9		16,7		–		–
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	8	100,0	8	100,0	–		–		–
	Б	12,3		13,5		–		–		–
Место нового поселения не установлено		–		–		–		–		–

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Со своей стороны, остановимся на некоторых наиболее значимых, на наш взгляд, выводах, вытекающих из анализа представленных материалов.

Прежде всего обращает на себя внимание, что основной поток всех отъезжающих из русских сел Азербайджана направляется в города, причем преимущественно в крупные. Доля мигрантов этой категории составляет: по 50,0 % в Астраханке и Бёюк-Сёюдлю, 62,5 % в Новосаратовке, 85,6 % в Новоголовке, 98,0 % в Привольном и все 100,0 % в Калиновке. Таким образом, известные бытовые преимущества и более широкие профессионально-культурные перспективы городской жизни, составляющие главный стимул процесса урбанизации, действительно являются одним из доминирующих факторов миграции русского сельского населения из Азербайджана.

Вместе с тем нами установлено, что в половине обследованных сел значительная часть мигрантов переезжала вовсе не в города, а в сельскую же местность (в Новосаратовке – 37,5 %, а в Астраханке и Бёюк-Сёюдлю – по 50,0 %). Что же, если не желание стать горожанами, побуждало этих людей бросать привычное место жительства, где они родились и выросли, где сменилось не менее 6 поколений их предков ?
К сожалению, без проведения социологического исследования нельзя дать прямого ответа на этот вопрос. Но ряд полученных нами данных по крайней мере косвенно указывают на причину столь странного, на первый взгляд, поведения. В частности, полевые материалы свидетельствуют о том, что для подавляющего большинства русских мигрантов главная цель переезда состояла в том, чтобы вообще покинуть территорию Закавказья. В пределах своей республики осталось в среднем лишь по 8,0 % мигрантов из каждого села, в том числе: из Бёюк-Сёюдлю – всего 3,4 %, Астраханки – 4,3 %, Новоголовки – 5,2 %, Новосаратовки – 8,3 %, Калиновки – 10,7 % и Привольного – 16,4 %. Соседние же республики – Грузию и Армению – не выбрал для поселения почти никто из отъезжающих; отмечено лишь два таких случая (один в Новосаратовке, а другой в Бёюк-Сёюдлю), связанных со вступлением в брак.

Характерно, что абсолютно все случаи перемещения русского населения внутри Азербайджана связаны только с переездом в города. Традиционно смешанная национальная среда таких городов как Баку, Сумгаит, Мингечаур, а также менее крупных промышленных центров местного значения позволяла русскому человеку, особенно понимающему азербайджанский язык, что не редкость в русских селах, не испытывать сильного дискомфорта в условиях преобладающего инонационального окружения.

В то же время миграция из села в село направлялась исключительно за пределы Азербайджана. Согласно представленным данным, от 75 до 100 % из этой группы мигрантов обосновались в южных регионах России, в Ставропольском и Краснодарском краях. Именно эту часть миграции мы более всего склонны расценивать как вынужденную.

По нашим наблюдениям, действие факторов, способствующих "выталкиванию" русского населения с территории Закавказья, в последнее время заметно усилилось. Подтверждением этому служат, например, материалы таблиц 9-10 по одному из русских сел - Калиновке. За 20-летний период с конца 1960-х годов до 1988 г. вектор социальной направленности миграции из этого села практически не изменился. По-прежнему все отъезжающие устремлялись в города, в том числе свыше 90 % из них - в крупные. Но если в 1967-1970 гг. около половины русских мигрантов (46,2 %) оставалось в пределах Азербайджана (а из числа переезжающих в малые города - даже 83,3 %), то к середине 1980-х годов доля этой категории в общем потоке мигрантов резко сократилась. Сейчас всего лишь 10,7 % выезжающих из села не покидают пределов Азербайджана, а остальные 89,3 % перебираются на юг России и в другие районы Европейской части СССР. Беседы с работниками сельсоветов свидетельствуют о том, что точно такая же картина наблюдается и в других русских села Азербайджана.

Как уже упоминалось, по селам Новоголовка и Привольное есть возможность сопоставить некоторые параметры миграции русского и азербайджанского населения. Как видно из таблиц 5-8, по "степени урбанизированности" оттока особых различий

между русскими и азербайджанцами не наблюдается. Так, в Новоголовке и Привольном доля выехавших в города из числа русских мигрантов составила соответственно 85,6 и 98,0 %, а из числа азербайджанцев - 80,7 и 86,9 %. Вместе с тем в отношении географии выездов этнические различия проступают гораздо отчетливее. Например, из с.Привольное 85,6 % мигрантов русской национальности выехали за пределы Закавказья, а у азербайджанцев, наоборот, 60,5 % оттока из села приходится на внутриреспубликанскую миграцию. В Новоголовке, правда, этот показатель существенно ниже (20,5 %), но и здесь он почти в четыре раза превышает соответствующую долю среди русских мигрантов. По-видимому, в Новоголовке относительно высокий процент азербайджанцев, выехавших за пределы своей республики, отчасти объясняется тем, что в этом селе миграция изучалась выборочно только в группе работающего населения. По этой причине среди подлежащих учету оказалась несколько завышенной доля молодежи, из числа которой более 10 человек, включая две трехдетные семьи, выехали на заработки в районы Сибири (Алтайский край, Тюмень).

В целом по Азербайджану приходится констатировать активное "отторжение" русского этнического меньшинства из среды сельского населения. Причем наши материалы показывают, что этот процесс связан отнюдь не только с урбанизацией. Для понимания его причин требуется более глубокое изучение межнациональных отношений в республике.

Какова же ситуация в Грузии ? Здесь мы также отобрали для исследования несколько старожильческих сил, представляющих два основных ареала размещения русских переселенцев.

В первую очередь наше внимание привлек Богдановский район, расположенный к юго-западу от Тбилиси на границе с Арменией. Это территория так называемой грузинской Духобории - основной очаг концентрации русских духоборческих общин, которыми еще в 40-е годы прошлого века, т.е. одними из первых в Закавказье, было основано несколько крупных русских поселений. В настоящее время пять таких сел, в том числе Гореловка, Орловка, Ефремовка, Спасовка, Калинино, образуют единый Гореловский сельсовет, в котором по данным

на I.I.1988 г. числилось 2971 русских жителей. Учитывая тесную связь между названными селами, а также для повышения репрезентативности выводов мы анализировали статистику миграций не отдельно по каждому селу, а в целом по сельсовету. Точнее, за вычетом еще одного села - Ждановакана, - также входящего в Гореловский сельсовет, но населенного исключительно армянами. Для Ждановакана, имеющего в 1988 г. 586 жителей, велся отдельный учет оттока населения и составлена самостоятельная таблица.

Вообще из-за суровых природных условий, близких к высокогорным и крайне затрудняющих ведение земледельческого хозяйства, эта часть Грузии всегда была очень слабо заселена самими грузинами. Основную часть местных жителей составляли армяне-скотоводы, в окружении которых и существовали русские старожильческие поселения. После того, как с конца 1950-х годов усилился отток русского населения с территории Закавказья, опустевшие русские дома начали занимать армяне. За два-три десятилетия некоторые прежде чисто русские села стали почти целиком армянскими. Так случилось, например, с Тамбовкой и Родионовкой, расположенными неподалеку от Гореловского сельсовета в том же Богдановском районе. Теперь оба этих села наряду с селами Новым Хульгумо и Аспарой входят в Тамбовский сельсовет, объединяющий в общей сложности примерно 800-850 армянских жителей. Данными о миграции из этих сел, присовокупив к ним сведения по Ждановакану, мы воспользовались для того, чтобы сопоставить миграционное поведение двух этнических меньшинств в Грузии - русских и армян, о чем будет сказано ниже.

Второй достаточно крупный ареал размещения русского сельского населения лежит к востоку от Тбилиси на территории нынешних Сигнахского и Сагареджойского районов, историческом центре переселившихся в Грузию молокан. Здесь нами собраны сведения по старому, но теперь уже малочисленному селу Красногорке (бывшей Малхазовке), в котором проживает всего около 280 русских, а также по достаточно крупному селу Ульяновке (прежнее название - Новоаленсанд-

ровка), насчитывающему I285 русских жителей. Следует подчеркнуть, что в отличие от русских поселений в Азербайджане, которые в большинстве своем (за редкими исключениями, как, например, Ивановка или Чухурюрд) давно уже стали этнически смешанными, причем русские, как правило, составляют меньшинство населения (см. таблицу I), в Грузии все изученные нами села пока еще остаются преимущественно русскими по составу. И в Гореловском сельсовете, и в Красногорке и Ульяновке на долю русских приходится не менее 95 % всех жителей.

Добавим также, что в качестве сравнительного материала нам послужили сведения о миграции населения из грузинского села Магаро, которое территориально практически слилось с Ульяновкой. Численность жителей Магаро, почти исключительно грузин, примерно в 2,5 раза превосходит население Ульяновки и составляет 3II5 человек. Оба села имеют в целом одинаковые природные условия и сходную структуру хозяйства. Но в последнее время, явно злоупотребляя своим более выгодным расположением по отношению к водотоку, жители Магаро стали по существу монопольно пользоваться системой водоснабжения, зачастую оставляя ульяновцев на "голодном" водном пайке. Данное обстоятельство, серьезно осложняющее быт и ведение подсобного хозяйства в этом засушливом районе Грузии, несомненно служит дополнительным фактором напряжения для русского населения Ульяновки, создавая одну из множества предпосылок, порой даже не вполне четко осознаваемых, для принятия решения об отъезде из села.

Сведения о миграции русского населения с территории Грузии сгруппированы в таблицах II-I6 по тому же принципу, что и в рассмотренных выше таблицах по Азербайджану.

Таблица 11

Название села, район, республика		Гореловский сельсовет, Богдановский р-н Грузии								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1988г., 2,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	114	100,0	21	18,4	17	14,9	76	66,7	–
	Б	100,0		100,0		100,0		100,0		
В том числе:	А	13	100,0	5	38,5	8	61,5	–		–
В пределах своей республики	Б	11,4		23,8		47.1				
	А	–		–		–		–		–
В другие республики Закавказья	Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	84	100,0	13	15,5	8	9,5	63	75,0	–
	Б	73,7		61,9		47,1		82,9		
	А	17	100,0	3	17,7	1	5,9	13	76,5	–
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	14,9		14,3		5,8		17,1		–
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	–		–		–		–		–
	Б									
Место нового поселения не установлено		–		–		–		–		–

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 12

Название села, район, республика		Ждановакан, Богдановский р-н Грузии								
Национальность исследуемой группы		армяне								
Период наблюдения миграции		1986 – 1 половина 1988г., 2,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	76		26	44,9	27	46,6	5	8,1	18
	Б			100,0		100,0		100,0		100,0
В том числе: В пределах своей республики	А	4	100,0			1	25,0	3	75,0	–
	Б	5,8				3.7		60,0		
В другие республики Закавказья	А	23	100,0	17	73,9	6	26,1	–		–
	Б	33,3		65,4		22,2				
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	37		4	15,4	20	76,9	2	7,7	11
	Б	53,7		15,4		74,1		40,0		61,1
В Европейск.часть СССР и на Урал	А	1	100,0	1	100,0		–		–	–
	Б	1,4		3,8						
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	4	100,0	4	100,0		–		–	–
	Б	5,8		15,4		–		–		–
Место нового поселения не установлено		7		–		–		–		7

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 13

Название села, район, республика		Тамбовский сельсовет, Богдановский р-н Грузии (села Тамбовка, Родионовка, Н.Хульгумо, Аспара)								
Национальность исследуемой группы		армяне								
Период наблюдения миграции		1986 – 1 половина 1988г., 2,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	91		14	35,9	19	48,7	6	15,4	52
	Б	100,0		100,0		100,0		100,0		100,0
В том числе: в п еделах своей республики	А	6	100,0	–		1	16,7	5	83,3	–
	Б	6,6				5.3		83,3		
В другие республики Закавказья	А	7	100,0			6	85,7	1	14,3	–
	Б	7,7		–		31,6		16,7		
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарские края,Ростовскую обл.),в Крым	А	61		2	14,3	12	85,7	–		47
	Б	67,0		14,3		63,2				90,4
В Европейск.часть СССР и на Урал	А	11	100,0	11	100,0	–			–	–
	Б	12,1		78,6						
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	6		1	100,0		–		–	5
	Б	6,6		7,1		–		–		9,6
Место нового поселения не установлено		–		–		–		–		–

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 14

Название села, район, республика	Красногорка, Сагареджойский р-н Грузии								
Национальность исследуемой группы	русские								
Период наблюдения миграции	1982 - 1987г., 6 лет								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения	Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших А	42	100,0	21	50,0	3	7,1	18	42,9	-
Б	100,0		100,0		100,0		100,0		
В том числе: А	19	100,0	16	84,2	3	15,8	-		-
В пределах своей республики Б	45,2		76,2		100,0		-		
А	1	100,0	-		-		1	100,0	-
В другие республики Закавказья Б	2,4						5,6		
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым А	5	100,0	2	40,0	-		3	60,0	-
Б	11,9		9,5				16,7		
А	14	100,0	1	7,1	-		13	92,9	-
В Европейск.часть СССР и на Урал Б	33,3		4,8				72,2		
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока А	3	100,0	2	66,7	-		1	33,3	-
Б	7,1		9,5				5,6		-
Место нового поселения не установлено	-		-		-		-		-

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 15

Название села, район, республика		Ульяновка, Сигнахский р-н Грузии								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1990 г., 4,5 года								
Группировка выехавших по регионам вселения / по категориям населенных пунктов в месте вселения		Общая численность уехавших		В том числе в:						
				крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	135		97	74,6	17	13,1	16	12,3	5
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе:	А	50	100,0	37	74,0	12	24,0	1	2,0	-
В пределах своей республики	Б	38,5		38,1		70,6		6,3		
	А	5	100,0	5	100,0	-		-		-
В другие республики Закавказья	Б	3,8		5,2						
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	24	100,0	18	75,0	2	8,3	4	16,7	-
	Б	18,5		18,6		11,8		25,0		
	А	45	100,0	35	77,8	3	6,7	7	15,5	-
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	34,6		36,1		17,6		43,7		
В районы Севера, Сибири, Средней	А	6	100,0	2	33,3	-		4	66,7	-
Азии и Дальнего Востока	Б	4,6		2,1				25,0		-
Место нового поселения не установлено		5		-		-		-		5

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 16

Название села, район, республика	Магаро, Сигнахский р-н Грузии								
Национальность исследуемой группы	грузины								
Период наблюдения миграции	1986 - 1 половина 1990 г., 4,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения	Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших А	120	100,0	82	68,3	15	12,5	23	19,2	-
Б	100,0		100,0		100,0		100,0		
В том числе: В пределах своей республики А	115	100,0	78	67,8	15	13,0	22	19,2	-
Б	95,8		95,1		100,0		95,7		
В другие республики Закавказья А	-		-		-		-		-
Б									
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым А	3	100,0	2	66,7	-		-	33,3	-
Б	2,5		2,4				4,3		
В Европейск.часть СССР и на Урал А	1	100,0	1	100,0	-		-		-
Б	0,8		1,2						
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока А	1	100,0	1	100,0	-		-		-
Б	0,8		1,2		-		-		-
Место нового поселения не установлено	-		-		-		-		-

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового посселения.

Согласно представленным данным, в Грузии, как и в Азербайджане, значительная часть мигрантов из русских сел направляется в города. При этом, однако, не менее велика и доля переезжающих в сельскую местность: в Красногорке она достигает 42,9 %, а в Гореловском сельсовете - более половины (66,7 %) всех мигрантов.

Подобно тому, что отмечалось нами по Азербайджану, в принятии решения о выезде из Грузии многими русскими руководит стремление покинуть территорию Закавказья. Во всяком случае, из числа переселившихся почти никто, за исключением двух человек, не остался в пределах Грузии или двух соседних с нею республик. Подавляющее большинство семей выбрали в качестве нового места жительства села в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской области, а также в других южнорусских областях.

Но что касается выезда из сел в города, то в Грузии процент остающихся в пределах республики гораздо выше, чем в Азербайджане. По крупным городам эта категория мигрантов составляет: в Гореловском сельсовете - 23,8 %, в Ульяновке - 38,1 % и в Красногорке - 76,2 %, а по малым городам показатели оставшихся в Грузии еще выше - соответственно 47,1 %, 70,6 % и 100,0 %.

Несомненно, сказывается территориальная близость и удобство расположения обследованных сел по отношению к Тбилиси, благодаря чему они издавна тяготели к культурно-экономическим контактам со столицей. Не случайно, например, из Ульяновки, связанной железнодорожным сообщением с Тбилиси (проезд туда на электричке занимает не более двух часов), переселение именно в этот город составляет треть всех городских миграций. В Красногорке, столь же активно втянутой в орбиту столичного влияния, соответствующая доля еще выше и достигает 70,8 % общего числа переселенцев в города. В то же время из русских сел Гореловского сельсовета, хотя и расположенных почти на таком же расстоянии от Тбилисской аглюмерации, но в силу особенностей рельефа гораздо хуже связанных с нею (например, в зимнее время и в непогоду дороги оказываются практически непроезжими), в Тбилиси устро-

ился лишь каждый десятый из выехавших в города. Вместе с тем психологические исследования дают основание полагать, что относительно большая, по сравнению с Азербайджаном, предпочтительность выбора русскими переселенцами грузинских городов объясняется меньшей не только пространственной, но и культурной, в том числе религиозной, дистанцией между двумя взаимодействующими этносами [3].

Весьма показательно сопоставление географии выездов русского и грузинского населения. Согласно нашим данным (см.таблицу I6), почти все покинувшие грузинское село Магаро, в отличие от мигрантов из соседней Ульяновки, разместились на территории Грузии. Это наблюдение в равной мере касается как выехавших в города (95,I - I00,0 % соответствующей категории мигрантов), так и в сельскую местность (95,7 % лиц, перебравшихся в другие села). Достаточно сказать, что из I20 человек, покинувших Магаро за период с I986 по первую половину I990 г., всего лишь 5 человек выехали за пределы республики. В Ульяновке же подобная пропорция составила 85 к I35. Близкое к этому соотношение отмечено нами и в других русских селах (см.таблицы II, I4, I5), что наглядно свидетельствует об интенсивном "вымывании" русского этнического меньшинства из среды сельского населения Грузии.

Кстати, аналогичный процесс прослеживается и в отношении другой этнической группы - армян. Материалы, собранные нами по армянским селениям (Ждановокан в Гореловском сельсовете, а также села Тамбовка, Родионовка, Н.Хульгумо и Аспарта в Тамбовском сельсовете Богдановского района), указывают на то, что лишь незначительный процент (5,3 - 6,6 %) мигрантов из армянских сел остается в пределах Грузии (см. таблицы I2-I3). Но с другой стороны, немногие из них возвращаются и в Армению. Большинство армян из названных сел выезжает в южные регионы России. В Ждановокане эта категория мигрантов составляет 48,7 % всех выехавших из села, а в Тамбовском сельсовете - 67,0 %. Причем армяне в большей степени, чем русские, устраиваются именно в городах, а не в селах южного региона.

Переходя к рассмотрению ситуации в Армении, напомним, что в этой республике абсолютная численность русского сельского населения - наименьшая во всем Закавказье и по данным последней переписи населения 1989 г. составляет немногим более 7,5 тысяч человек. Почти половина всех русских жителей сосредоточена в двух самых крупных селениях - Лермонтово (бывшая Воскресеновка) и Фиолетово (прежнее название Никитино). Эти села, удаленные друг от друга всего лишь на 8 км, расположены неподалеку от Кировакана, третьего по величине города Армении. Оба села имеют давнюю историю: они образованы в 1830-х годах русскими сектантами-молоканами, причем до сих пор молоканские общины разного толка играют довольно заметную социальную роль.

В настоящее время в Лермонтово насчитывается около 1500 чел., а в Фиолетово - 1380 чел. (данные похозяйственных книг 1990 г.). До недавних пор в каждом из сел проживало и по нескольку десятков азербайджанских семей (по сведениям 1986 г. в Лермонтово - 164 чел., в Фиолетово - 240 чел.). Однако из-за вынужденного выезда азербайджанцев из Армении в связи с известными событиями трех последних лет села оказались практически чисто русскими по составу.

Помимо названных сел нами было обследовано также два небольших селения в Калининском районе: Медовка и Круглая Шишка, объединенных в единый сельсовет. В общей сложности в них проживает около 550 человек, в том числе примерно 325 русских.

Данные об отъезде русского населения представлены в таблицах 17-19, по структуре аналогичных рассмотренным выше.

Нетрудно заметить, что сравнительно с Азербайджаном в Армении относительно больший процент мигрантов из русских сел остается в пределах своей республики. Причем характерно, что этот процент тем выше, чем более однороден национальный состав жителей села. Мы склонны расценивать данную зависимость как косвенное подтверждение того, что сложности межэтнических взаимоотношений служат дополнительным выталкивающим фактором для миграции населения.

Кстати, не случайно, по-видимому, в смешанных селах, где доля русских не очень велика, довольно значительная часть мигрантов переезжает в сельскую местность, что, по нашему мнению, чаще всего является вынужденным шагом. Напротив, из преимущественно русских сел мигранты направляются в основном в города. В данном случае, как нам кажется, в числе побудительных стимулов миграции преобладает действие не столько выталкивающих из села факторов, сколько притягивающего влияния городов, т.е. закономерного проявления процесса урбанизации. Для подтверждения этой мысли сошлемся на тот факт, что в Фиолетово и Лермонтово, где удельный вес русских жителей превышает 90 %, доля выехавших в города составляет в среднем 85 % всех мигрантов. В то же время в Медовском сельсовете, при меньшем удельном весе русских, на миграцию в города приходится менее половины общего числа выездов, а 64,8 % мигрантов покинуло родное село в Армении, чтобы устроиться в селах Российской Федерации.

На примере обследованных сел четко прослеживается важная роль близлежащих городов в качестве главного центра притяжения мигрантов из окрестностей. Так, мигранты из Лермонтово, всего на 15 км удаленного от Кировакана, чаще всего устраиваются именно в этом городе. Это кажется тем более естественным, что еще до отъезда из села многие лермонтовцы работают на кироваканских предприятиях или как-то связаны с ними. Точно так же жители Фиолетова обычно ориентированы на соседний Дилижан. А мигранты из сел Медовка и Круглая Шишка выезжают преимущественно в райцентр Калинино или же в Тбилиси, поскольку Калининский район, в котором расположены эти села, вплотную прилегает к южной границе Грузии и всегда имел с нею тесные экономические и культурные связи.

По итогам проделанного исследования попытаемся охарактеризовать некоторые общие черты миграции русского населения из всех трех закавказских республик, а также выделить ряд особенностей, замеченных нами в отдельных республиках.

Таблица 17

Название села, район, республика		Лермонтово, Гугарский р-н Армении								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1990 г., 4,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	155		117	80,7	-		28	19,3	10
	Б			100,0				100,0		
В том числе:	А	27		25	92,6	-		2	7,4	-
В пределах своей республики	Б	18,6		21,4				7,2		
	А	4		1	25,0	-		3	75,0	-
В другие республики Закавказья	Б	2,8		0,9				10,7		
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	64		44	68,8	-		20	31,2	-
	Б	44,1		37,6				71,4		
	А	35		32	91,4	-		3	8,6	-
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	24,1		27,4				10,7		
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	15		15	100,0	-		-		-
	Б	10,3		12,7						
Место нового поселения не установлено		10		-		-		-		10

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 18

Название села, район, республика		Фиолетово, Гугарский р-н Армении								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1990 г., 4,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	58		34	61,8	14	25,5	7	12,7	3
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе:	А	32	100,0	11	34,4	14	43,7	7	21,9	-
В пределах своей республики	Б	58,2		32,4		100,0		100,0		
	А	1	100,0	1	100,0	-		-		-
В другие республики Закавказья	Б	1,8		2,9						
В южные регионы России (Сев.Кавказ,Ставропольский и Краснодарский края,Ростовскую обл.),в Крым	А	15	100,0	15	100,0	-		-		-
	Б	27,3		44,1						
	А	5	100,0	5	100,0	-		-		-
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	9,1		14,7						
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	2	100,0	2	100,0	-		-		-
	Б	3,6		5,9						
Место нового поселения не установлено		3		-		-		-		3

Примечания: 1 - в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 - А - абсолютные данные, Б - в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Таблица 19

Название села, район, республика		Медовка и Круглая Шишка, Калининский р-н Армении								
Национальность исследуемой группы		русские								
Период наблюдения миграции		1986 - 1 половина 1988 г., 2,5 года								
Группировка выехавших по категориям населенных пунктов в месте вселения / по регионам вселения		Общая численность уехавших		В том числе в: крупные города		малые города		сельскую местность		неизвестно
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
Общая численность уехавших	А	55		11	20,4	8	14,8	35	64,8	1
	Б			100,0		100,0		100,0		
В том числе:	А	8	100,0	–		8	100,0	–		–
В пределах своей республики	Б	14,8				100,0				
	А	7	100,0	4	57,1	–		3	42,9	–
В другие республики Закавказья	Б	13,0		36,4				8,6		
В южные регионы России (Сев.Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую обл.), в Крым	А	33	100,0	2	6,1	–		31	93,9	–
	Б	61,1		18,2				88,6		
	А	6	100,0	5	83,3	–		1	16,7	–
В Европейск.часть СССР и на Урал	Б	11,1		45,4				2,8		
В районы Севера, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока	А	–		–		–		–		–
	Б									
Место нового поселения не установлено		1		–		–		–		1

Примечания: 1 – в соответствии с принятой классификацией к крупным отнесены города с числом жителей свыше 50 тыс.чел.; 2 – А – абсолютные данные, Б – в % к итогу по сторокам или соответственно, по столбцам без учета тех мигрантов, для кторых не установлено место нового поселения.

Наиболее очевидной общей закономерностью является преимущественный выезд мигрантов в города, что вполне естественно для современного этапа урбанизации в СССР. Собранные материалы по всем трем республикам подтверждают также широко известный факт большей притягательности крупных городов. В обследованных нами селах свыше трех четвертых всех мигрантов в города направлялись именно в крупные населенные пункты с числом жителей свыше 50 тыс.человек. Хотя с другой стороны, повсеместно вполне отчетливо проступает и ступенчатость миграции, которая выражается в том, что выходцы из сел прежде всего стягиваются в близлежащие к ним города районного значения, откуда в свою очередь может идти довольно интенсивная миграция в городские центры более высокого ранга. Именно по этой причине миграция в малые города в основном не выходит за пределы республики,что наглядно демонстрируют материалы, представленные ниже.

Таблица 20

Доля внутриреспубликанской миграции по категории отъезжающих в города разной величины

Республика и название села	Процент остающихся в своей республике из числа мигрантов в:	
	крупные города	малые города
Азербайджан		
Новосаратовка	13,3	-
Астраханка	18,9	-
Бёюксёюдлю	4,5	14,3
Новоголовка	3,8	12,0
Привольное	7,3	47,1
Калиновка	7,7	50,0
В среднем по Азербайджану	9,3	30,9

Продолжение таблицы 20

Республика и название села	Процент остающихся в своей республике из числа мигрантов в:	
	крупные города	малые города
Армения		
Лермонтово	21,4	-
Фиолетово	32,4	100,0
Медовка и Круглая Шишка	-	100,0
В среднем по Армении	17,9	66,7
Грузия		
Гореловский сельсовет	23,8	47,1
Красногорка	76,2	100,0
Ульяновка	38,1	70,6
В среднем по Грузии	46,0	72,6

Как видно из таблицы, исключение составляет только Азербайджан, в котором внутриреспубликанская миграция даже в малые города не достигает и трети мигрантов этой категории.

Вообще же сопоставление сведений о выезде из сел в города указывает на существенные различия между Грузией, Арменией и Азербайджаном по доле мигрантов, остающихся в пределах своей республики. Данные различия проступают особенно отчетливо, если нивелировать довольно значительный разброс соответствующих показателей по отдельным селам внутри каждой из республик и сравнивать групповые средние (см. таблицу 20). По категории крупных городов наименьшей является внутриреспубликанская миграция в Азербайджане, где на ее долю приходится всего 9,3 % отъезжающих. В то

же время в Армении этот показатель почти вдвое выше (I7,9 %), а в Грузии его превышение является пятикратным по отношению к Азербайджану. Подобный результат, в какой-то мере отражающий степень "выталкивания" русского меньшинства из сельской среды каждой из республик, вполне согласуется с материалами психологических исследований о наличии культурной дистанции между русскими старожилами и коренным населением закавказских республик[4].

В качестве общей для всех трех республик тенденции следует также отметить, что наряду со значительным количеством переездов в города, немало жителей русских селений Закавказья перебирается в сельскую местность. Причем миграция в села непременно связана с выездом из Закавказья (за исключением редких случаев вступления в брак в соседние русские села) и, как правило, направлена в Ростовскую область, а также в Ставропольский и Краснодарский края РСФСР. Как известно, природно-климатические условия и основные направления сельского хозяйства в этих районах во многом схожи с аналогичными показателями в предгорных зонах Закавказья, где расположено большинство русских сел. Собственно, в этом смысле переезд в южную Россию не приносит мигрантам каких-то особых преимуществ , - скорее, наоборот, вводит их в немалые расходы по благоустройству на новом месте. Можно предположить, что главная "выгода" от перемещения была сугубо психологического свойства и состояла в обретении "родного" русского окружения и снятии инонационального прессинга. По-видимому, на территории России нерешенность многих социальных проблем, порой не менее острая, чем в Закавказье, субъективно ощущалась переселенцами не так болезненно, ибо утратив прежний статус этнического меньшинства, они уже не воспринимали негативные стороны социально-экономической жизни как следствие национального притеснения. Что же касается материального положения и удовлетворенности им у русских переселенцев из Закавказья, а следовательно, и приживаемости последних в России, то эти вопросы до сих пор никем не изучались. Хотя, по некоторым, пока еще отрывочным и недостаточно проверенным

сведениям, процесс переадаптации новоселов далеко не во всем проходит гладко.

Доля мигрантов из села в село сильно варьирует не только между республиками, но и внутри каждой из них. Разумеется, невозможно назвать некий общий фактор, от которого зависела бы эта доля. В каждом селе она определяется конкретной социально-экономической ситуацией и к тому же может изменяться под влиянием каких-то случайных кратковременных причин. Тем не менее, в качестве одной из приемлемых, на наш взгляд, гипотез мы бы рискнули выдвинуть предположение о наличии связи между удельным весом мигрантов в села и прочностью сельскохозяйственных традиций в месте выезда.

В частности, можно допустить, что в тех селах, где эти традиции не были нарушены командно-административным вмешательством сверху и наилучшим образом сочетались с особенностями природно-климатических и исторических условий, русское население не спешит порывать с сельским хозяйством. Будучи вынужденными покидать родное село под влиянием внеэкономических выталкивающих факторов, многие семьи тем не менее не отказываются от сельской жизни, но лишь подыскивают для нее более подходящее этнокультурное окружение. И наоборот, там, где рациональный сельскохозяйственный процесс был подорван экологически необоснованными действиями руководства, миграция из села не только ускорилась, но и переориентировалась в основном на переселение в города.

Правда, это только одно из возможных объяснений и далеко не единственное. В других случаях, вероятно, влияние близлежащих к селам городских центров оказалось столь значительным, что пересилило действие всех остальных обстоятельств. К тому же нельзя не учитывать и демографических факторов. Ведь особенности миграции, в том числе и их направление,зависят от возрастного и семейного состава отъезжающих. Если лица трудоспособного возраста и особенно молодежь, в силу известных общественных процессов послевоенного периода в основном утратили тягу к земле, свой-

ственную их родителям и дедам, и обычно стремятся выехать в города, то старшие поколения больше тяготеют к привычному им сельскому укладу и не желают порывать с ним даже после вынужденного отъезда. Таким образом в селах с более старым возрастным составом населения [5] относительно выше удельный вес миграции из села в село. Кроме того, из-за существующих до сих пор ограничений в прописке и сложностей с жильем во многих городах легче устроиться одиночке, чем семейным людям с детьми и стариками. Вообще упомянутые демографические аспекты миграции, к сожалению, не получившие достаточно подробного освещения применительно к русским старожилам Закавказья, в силу своей важности должны стать предметом специального исследования.

Наконец, необходимо указать на межреспубликанские различия в интенсивности выбытия русского населения. Располагая соответствующей информацией, в данной статье мы не анализировали ее подробно. Между тем показатели этого рода служат существенным дополнением к прозвучавшему выше выводу о неодинаковой силе "вытеснения" русских поселенцев из специфической этнокультурной среды каждой из республик. В таблице 2I приводятся коэффициенты интенсивности выбытия населения из обследованных сел Закавказья. Мы рассчитывали их как отношение среднегодового числа выехавших из села за период наблюдения (как правило, за последние 3-5 лет) к наличному населению на конец данного периода. С целью межэтнического сопоставления в некоторых селах подобные коэффициенты вычислены не только для русских мигрантов, но и для грузин, армян и азербайджанцев. В этих случаях при расчете учитывалась только численность лиц соответствующих национальностей.

Таблица 2I

Коэффициенты интенсивности выбытия мигрантов (усредненные показатели по обследованным селам каждой из республик)

Название республики	Коэффициенты интенсивности выбытия, %			
	русские	азербайджанцы	грузины	армяне
Азербайджан	7,3	2,7	-	-
Армения	3,4	-	-	-
Грузия	2,I	-	0,9	4,8

Примечание: Пропуск означает отсутствие соответствующих сведений.

Как видим, наибольшей интенсивностью выбытия русского населения отличается Азербайджан (в среднем 7,3 % по всем изученным селам), в Армении данный показатель в два с лишним раза ниже (3,4 %), а в Грузии - более чем в три раза ниже (2,I %). Такой результат целиком согласуется с нашей интерпретацией материалов о географии выездов русского населения, изложенной в данной статье.

Вместе с тем материалы таблицы 2I дают возможность лишний раз убедиться, что интенсивность выбытия русских намного выше, чем коренных национальностей каждой из республик.

В заключение отметим, что предложенная статья, разумеется, не может претендовать на достаточно полное освещение всей проблематики, связанной с миграцией русского населения из Закавказья. Как уже упоминалось, автор не имел возможности охватить все русские села, а также проследить динамику миграций за более длительный период. По некоторым селам из-за малой численности жителей количество мигрантов невелико, что существенно снижает надежность показателей и выводов.

Кроме того, мы не смогли в желаемом объеме собрать материалы для сравнительного анализа с оттоком из сел коренного населения и были вынуждены опустить некоторые важные аспекты миграции, как и подробный анализ их причин. Эти пробелы частично восполнены в других статьях данного сборника[6], частично же ждут новых исследований. Причем жизнь вносит свои коррективы в текущую ситуацию. Обострение межнациональных конфликтов в Закавказье, как, впрочем, и в целом по стране, быстрое изменение политической ситуации, - все это коренным образом сказывается на положении русского меньшинства, меняя описанную нами картину. Тем не менее, думается, некоторые положения статьи будут небесполезными для последующего изучения этого вопроса и могут найти применение в практике межнациональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

I. Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX - XX в.) - Сов.этнография, 1988, № 6, с.34-49; Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. Часть I. М., 1990, с.6-26; Комарова О.Д., Степанов В.В. Исторические этапа адаптации русских переселенцев на примере села Новоивановка Азербайджанской ССР // Русские старожилы Азербайджана. Часть I. М., 1990, с.113-141.

2. История формирования названных ареалов и карта размещения в них русских сел даны в статье Козлова В.И., Комаровой О.Д., Степанова В.В., Ямскова А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане, с.37-38.

3. См.: Лебедева Н.М. Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации переселенческих групп. Автореф. дисс. к.п.н. М., 1989.

4. См.: Лебедева Н.М. Указ. соч.

5. О процессе старения населения в русских селах и его причинах нам приходилось писать подробнее в предшествующих работах. См., например, работы, названные в п.I.

6. См., например, статью А.Н.Ямскова "Этнические различия в социально-профессиональном составе русского сельского и коренного населения Закавказья" в данном сборнике.

А.Н.ЯМСКОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

В последние десятилетия главной социальной проблемой большинства основанных русскими старожилами селений Закавказья является активный выезд русских в Российскую Федерацию, неуклонно снижающий их долю и абсолютную численность в местах выбытия. Размаху и направленности этих миграций посвящена специальная статья О.Д.Комаровой, включенная в данный сборник [I]. Причины указанного явления многообразны [2], но представляется, что немалую роль в этом играют различия в социально-профессиональном составе сельского русского и соседних групп коренного населения республик Закавказья.

Воздействие упомянутой причины сравнительно более значительного выезда русских из старожильческих селений сказывается двояким образом. Во-первых, практически повсеместно доля лиц с, условно говоря, "городскими" специальностями, не требующими профессиональной переподготовки в

случае переселения в город, среди работающего сельского русского населения выше, чем у представителей коренных национальностей Закавказья. А ведь именно в города России переезжает большая часть русских мигрантов, покидающих старожильческие селения [3].

Во-вторых, в русских старожильческих селениях преобладающая часть социально-престижных или особенно доходных должностей и рабочих мест занята, как правило, людьми закавказских национальностей. Хотя в ряде случаев это вполне соответствует современному соотношению численности национальных групп в старожильческих селениях, оставшиеся в них русские жители практически все факты некомпетентности, коррупции, вымогательства или просто непопулярные решения руководителей разных рангов, работников торговли, здравоохранения и т.п. рассматривают сквозь призму межнациональных отношений и потому оценивают их как свое национальное притеснение.

Таким образом, первая особенность этнической специфики социально-профессиональной структуры сельского населения Закавказья облегчает выезд в города именно русским, а вторая - прямо подталкивает их к отъезду.

Как будет показано ниже, указанный вывод вполне подтверждают материалы прилагаемых таблиц №№ I-3. Легшие в их основу первичные сведения были собраны автором в ходе полевых исследований I986-I990 годов в Азербайджане, Грузии и Армении. Основной массив данных об этнических различиях в профессиональном составе жителей старожильческих и окрестных селений Азербайджана опубликован ранее [4] и потому в настоящую статью не включен.

В таблицу № I вошли данные по 7 населенным пунктам Грузинской республики и I селению Азербайджана; профессиональный состав рассчитан по I0 национальным группам жителей этих сел (6 русских, 3 армянских и I грузинская). Для сравнения в эту же таблицу включены сведения по русским жителям "Молоканского угла" - одного из исторических кварталов села Пески Поворинского района Воронежской области РСФСР. Ранее были опубликованы данные еще по I3 населенным пунктам

Азербайджана, причем профессиональный состав жителей тех селений был рассчитан с использованием близкой, хотя и упрощенной группировки специальностей по 26 группам (II азербайджанских, 8 русских, 3 татских, 3 лезгинских и I армянская) [5].

Группировка специальностей, принятая в таблице № I, обусловлена задачами настоящей работы. В графу 5 "Служащие с высшим и средним специальным образованием, прямо не связанные с сельскохозяйственным производством" вошли данные об основной части сельской интеллигенции и служащих: врачах и медсестрах, учителях и работниках клубов, библиотек, инженерах, связистах, бухгалтерах и т.п. Однако данные об агрономах, зоотехниках, ветфельдшерах и т.д. включены в отдельную графу 9 - "Служащие с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием".

В графу 6 - "Служащие со средним, неполным средним и начальным образованием, прямо не связанные с сельскохозяйственным производством" вошли сведения о продавцахг кладовщиках, сторожах, поварах и санитарках, уборщицах, почтальонах и т.п. Отдельно выделена графа 7 - "Лица со средним, неполным средним и начальным образованием, работающие по техническим и строительным специальностям", в которую вошли данные о сельских механизаторах, шоферах, слесарях, строителях и т.д. Наконец, графа 8 - "Лица со средним, неполным средним и начальным образованием, занятые в земледелии и животноводстве либо не имеющие специальности" - включает полеводов, овощеводов, доярок, пастухов и т.п. Сюда же вошли довольно многочисленные сельские разнорабочие ("рабочие совхоза", "колхозники"), не имеющие определенной специализации; они работают по разовым нарядам и заняты как правило ручным неквалифицированным трудом.

Таким образом, только графы 8 и 9 вместе взятые дают ту долю сельского населения, которой при переезде в город необходимо менять специальность, т.е. в большинстве случаев проходить профессиональную переподготовку. Напротив, в графах с 5 по 7 включительно сгруппирована та часть работающего сельского населения, которая в случае выезда в

город может найти там работу по своей основной специальности. Особенно легко устроиться в городе лицам, имеющим технические или строительные специальности (графа 7).

Необходимо также отметить, что в таблице № I отражены сведения о занятости сельского населения, выписанные из похозяйственных книг. Данные опросов информаторов показывают, что часто выполняемая работа не соответствует полученной профессиональной подготовке. Например, многие молодые люди, имея специальность механизатора, в условиях Закавказья вынуждены ряд лет отработать первоначально в качестве разнорабочих, и только потом им выделяют технику. Особенно часто так вынуждены поступать русские юноши, которые в большей степени ориентированы на работу с техникой и потому практически все в школе или СПТУ получают подготовку трактористов-механизаторов. Получается, что сведения таблицы № I даже несколько занижают реальную долю работающего русского сельского населения, имеющего возможность выехать в город и устроиться там на работу, не проходя предварительной профессиональной переподготовки.

Анализируя данные таблицы № I, прежде всего стоит сопоставить профессиональный состав русского (духоборческого) и армянского населения Богдановского района Грузинской республики (историческая Месхет-Джавахетия). Наиболее показательны данные по соседним селам Гореловке и Ждановскому, входящим в один сельсовет. Впрочем, везде доля лиц, занятых ручным немеханизированным трудом непосредственно в земледелии и животноводстве, среди работающих русских на 15%-20% ниже, чем у армян. Напротив, доля работников с техническими и строительными специальностями среди русских Гореловки в 2-3 раза выше, чем среди армян трех других обследованных селений[6]. Правда, данные по русским двух других духоборческих селений, Родионовки и Тамбовки, из-за малочисленности оставшегося в них русского населения явно не репрезентативны.

Сопоставление русского (молоканского) и грузинского населения соседних Сагареджойского и Сигнахского районов Грузии (историческая Кахетия и Кизикия) приводит к сходным выводам: доля лиц, работающих по техническим и строительным

специальностям, у грузин села Магаро на 10 % ниже, чем у русских соседней Ульяновки или недалекой Красногорки. При этом на чисто "сельских" (графы 8 и 9 таблицы № I) работах заняты 41 % грузин Магаро по сравнению с 36 % русских в Красногорке и 44 % в Ульяновке, т.е. здесь различия невелики и не имеют однозначной связи с этнической принадлежностью.

Итак, особенности профессионального состава сельского русского населения Грузии обусловливают вероятность его более активного выезда в города по сравнению с соседними армянами и, в меньшей степени, грузинами. Кстати, ранее материалы по Азербайджану позволили сделать такой же вывод [7], а включенные в таблицу № I сведения по русскому молоканскому селению Андреевка Джалилабадского района Азербайджанской республики вполне укладываются в размах колебаний соответствующих показателей по другим старожильческим селениям этой республики.

Данные таблицы № 2 убедительно подтверждают обоснованность приведенного выше вывода о большей склонности к миграции из села именно лиц, чья специальность не требует профессиональной переподготовки при переезде в город. Так, люди с чисто "сельскими" специальностями, соответствующими графам 8 и 9 в таблице № I, в последние 4-5 лет составили всего 10%-20% выбывших трудноспособных лиц ряда обследованных селений (см.таблицу № 2). Однако удельный вес лиц, занятых на такого рода работах, в этих селах существенно выше: у русских в Кировке - 45 %, Красногорке - 36 %, Ульяновке - 44 %, у грузин в Магаро - 41 %. Таблица № 2 отражает также очень большую долю среди выбывших, от 23 % до 70 %, лиц с неотмеченной в похозяйственных книгах специальностью - в основном это выпускники средних школ, так и не начинавшие работать в родных селениях.

Отдельного внимания заслуживает также вопрос о сравнительной доле лиц с высшим и средним специальным образованием среди контактирующих национальных групп. По существу, речь здесь идет о возможностях социального продвижения в родном селе. Так, анализ граф 5 и 9 таблицы № I показывает,

что в селах Андреевке, Родионовке и Тамбовке с очень малым удельным весом русских им представительство среди сельской интеллигенции, руководителей и служащих, занятых на "чистой" в представлении сельских жителей, - завышено. Социальная структура оставшихся здесь немногочисленных русских нарушена, ибо остались в непропорционально большом числе как раз те , кому удалось занять, а чаще - долгие годы сохранять за собой престижные или высокооплачиваемые должности. Даже в практически чисто русских по национальному составу селах Гореловке, Красногорке и Ульяновке доля лиц с подобными специальностями ниже в 2-3 раза.

Особенно важно обратить внимание на то, что если в указанных выше русских по составу жителей селах эта категория работников насчитывает среди русских всего 7%-10%, то в грузинском Магаро и в армянских Ждановокане, Родионовке и Новом Хульгумо - 15 % и 11%-18% соответственно. Причины подобного неравенства заключаются как в непропорциональном представительстве лиц русской и коренных национальностей на указанных должностях в старожильческих селениях, так и в неодинаковой общей структуре занятости в русских и, например, в армянских селениях. Так, удельный вес служащих со средним, неполным средним и начальным образованием (графа 6 в таблице № I) в Гореловке равен, а в Ульяновке и Красногорке существенно превышает долю служащих с высшим и средним специальным образованием (графы 5 и 9). Такое же соотношение между указанными профессиональными группами наблюдается в России в селе Пески и у грузин в Магаро. Но в армянском Ждановокане и преимущественно армянских по составу населения Родионовке и Новом Хульгумо картина обратная - там, наоборот, в силу каких-то причин имеется, видимо, больше должностей для служащих с высшим и средним специальным образованием, чем для служащих со средним, неполным средним и начальным образованием (см.таблицу № I). Вероятно, в армянском по составу населения Богдановском районе Грузии сложились неравные для руководства русского и армянских сел возможности по формированию штатов разного рода правлений, контор и прочих сельских учреждений.

Наконец, интересные выводы о причинах, подталкивающих

русских из старожильческих селений Закавказья к выезду в Россию, можно сделать, ознакомившись с данными таблицы № 3. Однако прежде следует пояснить некоторые принципы построения этой таблицы. Например, правления сельсоветов во всех обследованных местностях расположены в старожильческих русских селах, поскольку исторически сложилось так, что те были крупнее по размерам и лучше соединены с райцентрами дорогами и средствами связи. Во многих случаях в один сельсовет с ними входят и соседние села коренного населения. Хозяйства же (совхозы и колхозы) в каждом селе в последние десятилетия свои и потому на территории сельсоветов, состоящих из нескольких сел, обычно действует несколько отдельных хозяйств.

Таким образом, национальную принадлежность председателя и секретаря сельсовета уместнее сравнивать с национальным составом жителей всего сельсовета, а вот национальность руководителя хозяйства (директора совхоза, председателя колхоза) и его главных специалистов (главные агроном, зоотехник, инженер, бухгалтер) - с национальным составом жителей старожильческого села. Сгруппированные в таблице № 3 данные свидетельствуют, что среди руководства сельсоветов доля русских в Азербайджане в ряде случаев даже завышена, в Армении в последние годы - занижена. В дирекциях же совхозов и правлениях колхозов представители основной национальности республики преобладают не только в старожильческих селах, где русские составляют 30% - 51% (Азербайджан), но даже 86%-99% населения (Армения и Грузия). Отношение рядовых работников русской национальности к такому положению дел является резко отрицательным.

Бросается также в глаза практически совсем не зависящее от национального состава жителей доминирование лиц закавказских национальностей в сфере торговли и общественного питания, а также в здравоохранении. В условиях широко распространенных в закавказских республиках поборов и взяточничества со стороны продавцов и врачей эти негативные явления обретают в глазах русских жителей отчетливую окраску национальной ущемленности, что также серьезно ухудшает межнациональные отношения. Подобному восприятию не препятствует даже знание

местными русскими о частых поборах и взятках в соседних азербайджанских, армянских и грузинских селениях.

Штаты участковых милиционеров также повсеместно укомплектованы людьми коренной национальности, ибо участки их работы всегда охватывают несколько соседних сельсоветов. Но в последние годы, после массовых изгнаний и кровавых погромов по национальному признаку, русские сельские жители видят в этом факте прежде всего то, что органы охраны порядка полностью контролируются представителями местного национального большинства. Отсюда же делается небезосновательный вывод, что интересы именно этой своей национальности будет защищать милиция и в том случае, если какой-либо будущий конфликт втянет русских - пример недавних армяно-азербайджанских столкновений и роли в них местной милиции вполне это подтвердил.

Что касается директоров школ и заведующих сельскими клубами, то в Азербайджане они чаще представлены русскими даже в селах, где русские остались уже в меньшинстве. В Армении и в Грузии положение обратное - директором школы назначают представителя основной национальности республики даже в те старожильческие селения, где доля русских жителей составляет еще 98%-99% населения (подробнее см. таблицу № 3).

Таким образом можно заключить, что кадровая политика в 1980-ые годы в большинстве случаев явно дискриминировала русское население старожильческих селений, препятствуя его социальному продвижению в родных местах, а тем самым резко ухудшая межнациональные отношения и провоцируя выезд русских за пределы республик Закавказья.

Вместе с тем нельзя не отметить, что фактические преимущества лицам коренных национальностей в первую очередь дала сама общесоюзная система заполнения социально престижных и особо доходных вакансий только "сверху", т.е. в селениях - по решению районных органов. В частности, на должности участковых милиционеров назначают по представлению РУВД, директоров школ - РОНО. Точно так же на уровне райпищеторга организован контроль и распределение должностей

зав.магазинами и директоров кафе и столовых, а райздравотдел ведает назначением глав.врачей и основных специалистов по больницам района. С введением в 1980-ые годы РАПО уже не только должности директоров совхозов или председателей колхозов, но и главных специалистов хозяйств стали также заполняться по решению либо с учетом мнения соответствующих районных органов.

Поскольку в пределах любого района Закавказья русское сельское население составляет ныне очень небольшой процент, то вполне закономерно, что столь же мала доля русских среди специалистов, известных районному руководству по итогам прежней работы либо специально получивших соответствующую подготовку по направлению районных организаций. Излишне добавлять, что в подобной обстановке всевластия узкого круга лиц из районных организаций при заполнении открывающихся вакансий нередко проявляются протекционизм, семейственность, а то и полускрытое взяточничество.

Отмеченные выше элементы социальной ущемленности русские жители старожильческих селений воспринимают вдвойне остро еще и потому, что все это происходит в старинных селах, где первые представители коренных национальностей Закавказья стали постоянными и равноправными жителями только недавно - после коллективизации и насильственного разрушения русской крестьянской общины. Вплоть до конца 1920-ых годов русские крестьяне в большинстве своем жили намного зажиточнее, чем окрестное местное население; по некоторым показателям такая относительная зажиточность старожильческих русских сел сохранялась вплоть до конца 1940-ых годов. Пожилые русские хорошо помнят и часто рассказывают молодежи про эти свои существенно более высокие в не столь давнем прошлом социальный статус и экономическое благосостояние. Поэтому потомкам русских старожилов-сектантов особенно сложно примириться с резким ухудшением своего социально-экономического положения по сравнению с представителями коренных национальностей, что произошло в основном на протяжении 1960-1970-ых годов.

В целом же можно заключить, что обе отмеченные выше стороны национальных различий в социально-профессиональном составе сельского русского и окрестного коренного населения республик Закавказья способствует более интенсивной миграции русских в города других регионов СССР

I. См. статью О.Д.Комаровой "Современные миграции населения из русских сел Закавказья", включенную в настоящий сборник.
2. Данная статья является по-существу продолжением предшествовавшей работы автора на эту же тему, в которой более подробно раскрыты причины более активного выезда из старожильческих селений именно русских - см.: Ямсков А.Н. Различия в профессиональном составе этнических групп и миграции // Русские старожилы Азербайджана. М., I990. Часть I. С. 5I-52.
3. Комарова О.Д. Указ.соч.
4. Ямсков А.Н. Указ.соч. С.54-58.
5. Там же.
6. Тамбовка и Новое Хульгумо, входящие в единый сельсовет и разделенные только маленьким ручьем, практически слились воодин населенный пункт. Среди жителей собственно Тамбовки ныне абсолютно преобладают армяне - выходцы из Нового Хульгумо.
7. Ямсков А.Н. Указ.соч. С.59-60.

Примечания к таблицам №№ I-3:

н.д. - нет данных

x В селе Пески рассчитан только профессиональный состав работающих и выбывших жителей исторического квартала "Молоканский угол", где действительно живут потомки местных русских сектантов-молокан.

xx Село Лермонтово было обследовано дважды; в нем организовано два отдельных совхоза.

Таблица № I. Профессиональный состав жителей обследованных селений

Группа	Показатель	№	Значение
	Республики и районы	I	Джалилабадский р-н Азербайджана
	Селения и годы обследования	2	Андреевка 1989
	Национальность	3	Русские
	Общая численность работающих	4	32 чел.
Основные профессиональные группы работающих	Служащие с высшим и средним специальным образованием, прямо не связанные с сельскохозяйственным производством	5	I5 %
Основные профессиональные группы работающих / Лица со средним, неполным средним и начальным образованием	Служащие, прямо не связанные с сельскохозяйственным производством	6	22 %
Основные профессиональные группы работающих / Лица со средним, неполным средним и начальным образованием	Лица, работающие по техническим и строительным специальностям	7	I3%
Основные профессиональные группы работающих / Лица со средним, неполным средним и начальным образованием	Лица, занятые в земледелии или животноводстве либо не имеющие определенной специализации	8	50 %
Основные профессиональные группы работающих	Служащие с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием	9	0

Таблица № I (продолжение)

I	Богдановский район Грузинской республики					
2	Родионовка 1988		Тамбовка и Новое Хульгумо, 1988		Горелов-ка 1988	Ждановокан 1988
3	русские	армяне	русские	армяне	русские	армяне
4	25 чел.	125чел.	14чел.	210чел.	817чел.	248 чел.
5	24 %	15 %	21 %	17%	7 %	11 %
6	16 %	8 %	29 %	10 %	7 %	4 %
7	12 %	13 %	7 %	11 %	30 %	14 %
8	44 %	62 %	43 %	61 %	56 %	71 %
9	4 %	2 %	0	1 %	н.д.	н.д.

Таблица № I (окончание)

I	Сагареджойский район Грузии	Сигнахский р-н Грузии		Воронежская обл. РСФСР
2	Красногорка 1990	Ульяновка 1990	Магаро 1990	Пески 1990
3	русские	русские	грузины	русские
4	I0I чел.	524 чел.	I5I5 чел.	300 чел.[x]
5	I0 %	8 %	I3 %	I9 %
6	I8 %	I3 %	2I %	27 %
7	36 %	35 %	25 %	45 %
8	36 %	43 %	39 %	9 %
9	0	I %	2 %	0

Таблица № 2. Профессиональный состав лиц, выбывших на постоянное жительство

Республика		Азербайджан		Грузия			
Район (область)		Джалил-абадский	Шемахинский	Сагареджойский	Сигнахский		Воронежская область
селение		Андреевка	Кировка	Красногорка	Магаро	Ульяновка	Пески
Национальность		русские	русские	русские	грузины	русские	русские [x]
Период выбытия (годы)		1986-1989	1986-1989	1986-1990	1986-1990	1986-1990	1986-1990
Основные занятия выбывших	Лица с неустановленной специальностью	96%	70%	23%	43%	34%	64%
	Лица со специальностями, не требующими переподготовки при переселении в город (графы 5-7 табл. № I)	4%	16%	57%	47%	47%	34%
	Лица со специальностями, требующими переподготовки при переселении в город (графы 8-9 табл. № I)	0	14%	20%	10%	19%	2 %

Таблица № 3. Представительство лиц русской (+) и местных (-) национальностей на социально престижных должностях в селениях русских старожилов

	Республика	I	Грузия				
	Район	2	Сагареджойский	Сигнахский	Богдановский		
	Селение	3	Красногорка	Ульяновка	Тамбовка	Родионовка	Гореловка
	Год обследования	4	I990	I990	I988	I988	I988
	Население	5	28I чел.	I45I чел.	206 чел.	337 чел.	I69I чел.
	Доля русских: в селе (в сельсовете)	6	98 %	90 %	I4% (8%)	I5 %	99,6 % (83 %)
социально престижные должности	Председатель и секретарь сель-совета	7	+ +	+ +	- -		+ +
	Руководитель и главные специа-листы хозяйства	8	- -	- + -	- -	н.д.	+ I
	Директор школы и дома культуры	9	- +	+	-	+	+ +
	Врачи, фельдшера и медицинские сестры	I0	+	+ + -	н.д.	н.д.	+ + -
	Работники тор-говли и общепита	II	-	-	-	-	+ -
	Участковый милиционер	I2	-	-		-	-

Таблица № 3 (продолжение)

I	Армения			Азербайджан			
2	Гугаркский			Кедабекский			Исмаиллинский
3	Фиолетово	Лермонтово	xx	Славянка	Новоивановка	Новосаратовка	Ивановка
4	I990	I987	I990	I987	I987	I987	I987
5	I380 чел.	I583 чел.	I496 чел.	2I42 чел.	I526 чел.	I89I чел.	3542 чел.
6	99%	90%	86%	30%	22%	26%	80%
7	+	+	–	+	+	–	+
	+	+	+	–	–	–	+
8	–	– –	– –	–	–	–	+
	– +		– –	– +			+ –
9	–	+ +	– +	+	–	+	+
	+		–				+
I0	–	+	н.д.	–	–	–	+ –
	+	+		– +	–		+ –
II	+ –	–	–	–	–	–	– +
I2	–	–	–	–	–	–	–

Таблица № 3 (окончание)

	Азербайджан							
2	Варташенский	Джалилабадский			Шемахинский			
3	Беюк Сеюдлу	Андреевка	Новоголовка	Привольное	Кировка	Астра-ханка	Хиль-милли	Чуху-рюрт
4	I989	I989	I989	I989	I989	I989	I987	I986
5	973 чел.	I782 чел.	4552 чел.	34I2 чел.	894 чел.	860 чел.	I55I чел.	874 чел.
6	52% (20%)	5 % (I%)	II %	33 %	60% (39%)	5I% (40%)	80% (57%)	90% (38%)
7	– +	– –	– –	– +	+ +	– +	+ +	+ +
8	+ + –	– –	– –	– – +	+ + –	– –	+ + –	+ + –
9	+	– –	–	+ +	н.д.	н.д.	+	+
I0	–	–	– – +	– – +	н.д.	н.д.	–	– + – +
II	–	–	–	–	–	–	–	–
I2	–	–	–	–	–	–	–	–

ДУБОВА Н.А.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

Данная статья является продолжением публикации материалов, собранных в результате работы Межинститутской комплексной этноэкологической экспедиции. Здесь данные антропологического обследования мужского населения, представленные ранее [I], дополняются сведениями о женщинах тех же локальных групп. Кроме того, в статье публикуются кефалометрические характеристики мужчин и женщин двух русских сел Грузии, а также села Бёюк-Сёюдлю Варташенского района Азербайджана.

Прежде всего остановлюсь на характеристике женщин Азербайджана. Нами было обследовано всего 543 человека из 8 сел (таблица I), возрастная характеристика выборок дана там же. Географическое положение сел описано в выше указанной статье и иллюстрируется рисунком I. Как видим из таблицы I, средний возраст обследованных в выборках изо всех сел значительно превосходит 35 лет (показатель-обычный для популяций с нормальной возрастной структурой). Исключение составляет лишь женская выборка из популяции села Новосаратовка. Женские выборки во всех случаях, кроме села Ивановка,"старше" мужских. Так, для последних отмечена была вариация по локальным группам от 4I,4 до 50,8 лет (при s II,2-I8,3), а для женских - от 37,0 до 53,7 лет (при s от II,4 до 20,8). Соответственно средний возраст тотальной мужской совокупности равен 45,88 лет (s = I6,3), а женской в Азербайджане 48,3 года (s = I7,0). Налицо и большая вариабельность (как внутри локальных выборок, так и в генеральной совокупности) возраста обследованных женщин, чем мужчин. На рисунке 2 возрастной состав тотальной выборки представлен графически [2]. Здесь также виден сдвиг возрастов обследованных в сторону старших подгрупп (50 лет и старше).

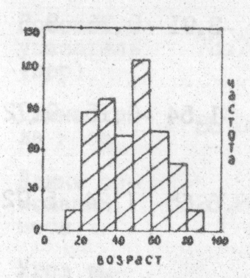
Таблица I

Возрастной состав обследованных женщин

Группы	N	$\bar{X}$	s	min-max
с.Ивановка	259	52,78	I6,5I	20 - 85
Исмаиллинский район				
с.Привольное	59	43,00	I6,45	I8 - 80
с.Новоголовка Джалилабадский район	52	46,58	I7,52	I9 - 78
с.Хильмилли	57	43,86	I8,33	I7 - 87
с.Чухурюрд Шемахинский район	39	42,79	I7,49	I6 - 85
с.Славянка	20	49,I2	II,44	35 - 83
с.Новосаратовка Кедабекский район	24	37,05	II,83	20 - 60
с.Бёюк-Сёюдлю Варташенский район	33	46,64	I4,87	20 - 69
Азербайджан суммарно	543	48,35	I7,0I	I6 - 87
с.Ульяновка Сигнахский район	73	42,53	I6,6I	I7 - 85
с.Красногорка Сагареджойский район	39	53,72	20,88	I7 - 86
Грузия суммарно	II2	46,43	I8,89	I7 - 86

Рис. I. Схема расположения обследованных русских групп Азербайджана. Пунктиром обозначены условные границы трех географических регионов (описание в тексте)

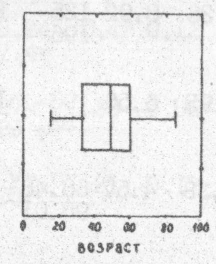

Рис. 2. Возрастной состав тотальной выборки русских женщин Азербайджана

Таблица 2

Кефалометрические характеристики русских Азербайджана (женщины)

Размеры	X̄	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Продольный диаметр	I8I.89	5.7I	I62-204	I82	0,06	0.54	0.78	3.72
Поперечный диаметр	I49,99	4.9I	I32-I64	I50	-0.08	-0.72	-0.26	-I.24
Головной указатель	82.35	3.I6	7I.92-92.57	82.5	0.I4	I.35	0.34	I.6
Головной модуль	I65.94	4.27	I52.5-I8I	I66	-0.04	-0.35	0.45	2.I2
Наименьший лобный диаметр	I08.42	4.45	95-I26	I09	0.I3	I.22	0.37	I.76
Лобно-скуловой указ.	78.8I	2.85	69.86-90	78.8	0.040	0.34	0.45	2.I7
Скуловой диаметр	I37.63	4.88	I23-I5I	I37	-0.06	-0.I5	-0.22	-I.03
Физиономическая высота лица	I73.36	8.92	I35-I96	I74	-0.4I	-3.9I	0.76	3.6
Морфологическая высота лица	II5.93	6.50	98-I33	II6	-0.I6	-I.54	-0.I5	-0.72
Физиономический лицевой указ	79.33	4.57	68.48 98.0I	80	0.65	6.65	I.24	5.92
Морфологический лицевой указ.	84.33	5.II	7I.53 99.25	84.6	-0.03	-0.25	0.24	I.I3

Продолжение таблицы 2

Размеры	X	s	min -max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Нижнечелюстной диам.	I05.50	5.43	90-I22	I06	-0.03	-0.25	0.24	I.I3
Длина нижней челюсти	96.I2	5.74	76-II5	96	-0.I6	-I.52	0.3I	I.48
Длина нижней челюсти от углов	80.44	6.I6	59.72 I00.72	80.5	-0.25	-2.34	0.47	2.24
Угол нижней челюсти I	0.99	0.05	0.33-I.08	0.99	-6.43	-6I.I7	73.47	349.5
Угол нижней челюсти 2	I.I7	0.II	0.98-2.48	I.I6	6.4I	6I.02	73.23	348.3
Высота носа (от бр.)	53.27	4.02	39-65	53	0.0I	0.I	0.3	I.42
Высота носа (от пер.)	45.64	3.63	35-66	45	0.50	4.80	I.88	8.94
Ширина носа	33.46	2.83	26	33	0.I3	I.22	0.36	I.69
Носовой указатель (бр)	63.I5	7.05	44.6I-90.48	63.I6	0.27	2.56	0.25	I.2I
Носовой указатель (пер)	73.75	8.35	43.94-97.44	73.47	0.I2	I.I2	0.02	0.I2
Длина крыла носа	33.08	2.25	27-39	33	-0.06	-0.53	-0.I7	-0.83
Длина основания носа	20.88	2.48	9-30	2I	-0.I7	-I.65	I.0I	4.83
Угол выступания носа	0.43	0,05	0.2I-0.57	0.43	-0.29	-2.63	0.83	3.79

Продолжение таблицы 2

Размеры	X	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Угол крыла носа	I.77	0.I6	I.27-2.57	I.76	0.I7	I.65	I.58	7.54
Угол наклона крыла носа	0.69	0.08	0.28-0.94	0.74	-0.I7	-I.6I	I.59	7.59
Биорбитальная ширина	95.II	3.83	85-I06	95	-0.I0	-0.96	0.I9	0.89
Назоорбитальная хорда	5I.22	2.67	44-59	5I	0.03	0.26	-0.02	-0.09
Высота переносья	I8.97	0.25	6.69-33.98	I8.75	-0.23	-2.I9	-0.48	-2.28
Назомолярный угол	2.4I	0.2I	I.76-2.87	2.40	0.27	2.60	-0.35	-I.67
Ширина рта	50.38	3.63	4I-6I	5I	6.I3	0.06	-0.25	-I.2I
Высота верхней губы	I3.53	2.67	6-23	I3	2.37	0.I7	I.59	0.09
"Толщина" обеих губ	I2.8I	3.73	2-29	I3	0.0I	0.I2	0.27	I.26
"Толщина" верхней губы	5.92	I.94	I-II	6	-0.24	-2.28	-0.25	-I.20

Как это отмечалось по отношению к мужчинам, такая ситуация является отражением реальной возрастной структуры популяций, описанных в работах, посвященных изучению демографических процессов среди русских Азербайджана [3]:

В таблице 2 представлены статистические параметры для характеристики изменчивости кефалометрических признаков русских женщин Азербайджана. В эту таблицу включены признаки, описание измерения которых дано в вышеуказанной работе [4]. Величина Tst > ± 2,0 показывает, что распределение признака достоверно отличается от нормального на уровне P = 0,95. К таковым у женщин относятся: продольный диаметр, головной модуль, лобно-скуловой указатель, физиономическая высота лица, физиономический лицевой указатель, длина нижней челюсти от углов, оба угла нижней челюсти, обе высоты носа (от нижнего края бровей и от переносья), носовой указатель (от нижнего края бровей), длина основания носа, все три угла носа, высота переносья и назомолярный угол и толщина верхней губы. Это значительно большее число характеристик (I7), чем было отмечено для мужчин (см.таблицу 3). Совпадают же характеристики изменчивости лишь у четырех признаков - лобно-скулового указателя, физиономического лицевого указателя, угла наклона крыла носа и назомолярного угла.

Еще четыре признака, которые совпадают в мужской и женской колонках таблицы 3 (угол нижней челюсти 2, длина основания носа, угол крыльев носа и толщина верхней губы), демонстрируют различные кривые изменчивости. Так, угол нижней челюсти 2 у женщин имеет положительный эксцесс и правостороннюю асимметрию распределения (то есть в тотальной совокупности русских женщин Азербайджана значительно превалируют величины угла выше среднего значения), тогда как у мужчин этот угол имеет распределение с плоской вершиной. Длина основания носа у женщин имеет распределение с выраженным положительным эксцессом, а у мужчин эксцесса не наблюдается, но зато фиксируется правосторонняя асимметрия. Угол крыльев носа у женщин имеет также распределение с выраженным положительным эксцессом, а у мужчин - эксцесс, как и у предыдущего признака, не фиксируется, но имеет место левосторонняя асимметрия (чаще,

Таблица 3

Сопоставление показателей изменчивости некоторых признаков у русских мужчин и женщин Азербайджана

Женщины		Мужчины	
I. Продольный диаметр	пэ	I.	
2. Головной модуль	пэ	2.	
3.	-	3. Поперечный диаметр	
4. Лобно-скуловой указатель	пэ	4. Лобно-скуловой указатель	па, пэ
5.	-	5. Скуловой диаметр	пэ
6.	-	6. Нижнечелюстной диаметр	па
7. Физиономическая высота лица	ла, пэ	7.	-
8. Физиономический лицевой указатель	па, пэ	8. Физиономический лицевой указатель	па
9. Длина нижней челюсти	ла, пэ	9.	-
I0. Угол нижней челюсти I	ла, пэ	I0.	-
II. Угол нижней челюсти 2	па, пэ	II. Угол нижней челюсти 2	оэ
I2.	-	I2. Ширина носа	пэ
I3. Высота носа от переносья	па, пэ	I3.	-
I4. Длина основания носа	пэ	I4. Длина основания носа	па
I5. Носовойуукazатель (бр)	па	I5.	-
I6. Угол крыльев носа	пэ	I6. Угол крыльев носа	ла
I7. Угол выступания носа	ла,пэ	I7.	-
I8. Угол наклона крыла носа	пэ	I8. Угол наклона крыла носа	па, пэ
I9.	-	I9. Назо-орбитальная хорда	па, пэ
20. Высота переносья	ла,оэ	20.	-
2I. Назомолярный угол	па	2I. Назомолярный угол	па
22.	-	22. Ширина рта	па,пэ
23.	-	23. "Толщина" обеих губ	па
24. "Толщина" верхней губы	ла	24. "Толщина" верхней губы	па,пэ

Условные обозначения: па - правосторонняя асимметрия, ла - левосторонняя асимметрия, пэ - положительный эксцесс, оэ - плосковершинность.

чем при нормальном распределении встречаются значения угла ниже средних значений). Распределение толщины верхней губы у женщин имеет левостороннюю асимметрию, у мужчин - правостороннюю асимметрию и положительный эксцесс. Эта же таблица показывает, что для большинства характеристик в женской части популяции свойственен положительный эксцесс; правосторонняя асимметрия встречается почти также часто, как и левосторонняя. В мужской же части эксцесс встречается реже, чем асимметрия, а вот последняя практически во всех признаках (кроме поперечного диаметра и угла крыльев носа) - правосторонняя.

Если же мы проанализируем лишь те признаки, которые входят в обычно применяемую антропологами СССР программу, то картина несколько изменится. Число признаков, для которых характерна изменчивость, отличная от нормальной - практически выравнивается (8 у женщин и 9 у мужчин), правда, ни один из признаков не совпадает по форме кривой изменчивости. Сходство лишь частичное можно отметить у лобно-скулового указателя, который и у мужчин и у женщин имеет в распределении положительный эксцесс, и физиономический лицевой указатель, имеющий правостороннюю асимметрию. В то же время последняя характеристика у женщин имеет положительный эксцесс, у мужчин - нет, а лобно-скуловой указатель у мужчин имеет правостороннюю асимметрию, а у женщин - нет. Все основные кефалометрические характеристики имеют, как у мужчин, так и у женщин, положительный эксцесс; у мужчин практически всем признакам свойственна правосторонняя асимметрия, а у женщин - она отмечена лишь у трех характеристик (уже отмечавшийся визиономический лицевой указатель, высота носа от переносья и носовой указатель от нижнего края бровей). Толщина верхней губы, хотя и имеет распределение, отличающееся от нормального и у мужчин и у женщин, но у вторых может быть отмечена слабая левосторонняя асимметрия, а у мужчин прослеживается сильно выраженная правосторонняя асимметрия и положительный эксцесс.

Несмотря на то, что изменчивость нестандартных признаков, измерение которых введено в программу обследования,

Таблица 4

Результаты дисперсионного анализа кефалометрических признаков русских женщин Азербайджана

Признаки	F	Достоверность >Tst(0,05)	Признаки	F	Достоверность >Tst(0,05)
Продольный диаметр	4.399	0.000I	"Толщина" обеих губ	2.923	0,0052
Поперечный диаметр	3.I85	0.0026	"Толщина" верхней губы	2.509	0.0I52
Наименьшая ширина лба	2.56I	0.0I33	Головной указатель	3.984	0.0003
Биорбитальная ширина	6.747	0.0000	Головной модуль	3.7I6	0.0006
Назо-орбитальная хорда	6.66I	0.0000	Лобно-скуловой указатель	4.I95	0.0002
Скуловой диаметр	2.282	0.0269	Высота переносья	4.6I0	0.000I
Нижнечелюстной диаметр	2.9I3	0.0053	Назомолярный угол	4.249	0.000I
Длина нижней челюсти	4.338	0.000I	Угол нижней челюсти I	5.809	0.0000
Физиономическая высота лица	4.309	0.000I	Угол нижней челюсти 2	5.795	0.0000
Морфологическая высота лица	4.I09	0.0002	Физиономический лицевой указатель	2.936	0.0050
Высота носа (бр)	7.420	0.0000	Морфологический лицевой указатель	3.330	0.00I8
Высота носа (пер)	6.976	0.0000	Носовой указатель (бр)	9.II2	0.0000
Длина крыла носа	5.I28	0.0000	Носовой указатель(пер)	9.247	0.0000
Длина основания носа	4.342	0.000I	Угол выступания носа	II.5I4	0.0000
Ширина носа	5.09I	0.0000	Угол крыльев носа	I.7I7	0.I025
Ширина рта	3.599	0,0008	Угол наклона крыла носа	I.7I5	0.I030
Высота верхней челюсти	I.004	0.4272	Длина нижней челюсти от углов	4.398	0.000I

до настоящего времени не изучена, все-таки можно сделать вывод, что на изменчивость признаков среди женщин русских сел Азербайджана более, чем среди мужчин, отразилось действие той внутренней подразделенности генеральной совокупности сельского русского населения Азербайджана, о которой говорилось в предыдущих двух статьях [5].

Еще более ярко этот вывод подтверждают результаты дисперсионного анализа (таблица 4). Если среди мужчин слабую изменчивость по территориальным группам обнаруживали такие признаки как высота верхней губы, поперечный диаметр головы, головной модуль, головной указатель, продольный диаметр и морфологическая высота лица, то среди женщин это можно сказать лишь о высоте верхней губы. Все остальные признаки демонстрируют или очень сильную или сильную связь изменчивости с территориальной подразделенностью тотальной популяции. Надо отметить также, что и абсолютное значение -критерия по большинству характеристик в женской группе превышают таковые в мужской.

Перейдем теперь к описанию распределения кефалометрических признаков по локальным группам русских Азербайджана (таблицы 5,6,7). Наибольший продольный диаметр головы (I86,2) отмечается у женщин из села Бёюк-Сёюдлю (бывшая Кировка), наименьший - в селе Новоголовка (I80,2). Столь большой продольный диаметр , или хотя бы близкий по величине населения села Бёюк-Сёюдлю , не встречается больше ни в одном из обследованных сел. Во всех других локальных группах этот размер изменяется незначительно: от I8I,0 до I84,3 мм. Максимальная величина поперечного диаметра встречена также среди жителей этого же села (I5I,8), а минимальная - в селе Ивановка (I49,I). Но, как видим, по этой характеристике группы демонстрируют более компактное распределение, чем по предыщущей от I50,2 до I5I,5 мм. Два производных от продольного и поперечного диаметров показателя - головной модуль и головной указатель - опять же выделяют население села Бёюк-Сёюдлю, имеющее наибольший из обследованных групп головной модуль (I69,0) и наименьший головной указатель (8I,56). Голов-

ной указатель, оставаясь в пределах брахикефалии, варьирует по группам незначительно, максимальное его значение отмечено у населения села Чухурюрд (83,75). Распределение головного модуля повторяет вариацию по группам продольного диаметра : минимальный отмечен в селе Новоголовка. Все остальные группы укладываются в пределы от 165,5 до 167,6, то есть ни одна из выборок не дала значения головного модуля сходного с населением села Бёюк-Сёюдлю.

Близкая закономерность изменчивости прослеживается и по наименьшей ширине лба: максимальная величина, резко отличная от других групп, фиксируется в селе Бёюк-Сёюдлю (111,7), остальные группы имеют неширокие пределы вариации: от 107,8 мм в селе Ивановка до 109,2 мм в селах Хильмилли и Привольное. Менее резко население бывшей Кировки отличается от других групп по скуловому диаметру, показывая,правда, опять же наибольшее значение этого размера (139,2). Наименьший размер ширины лица фиксируется в селе Новосаратовка (134,4) и этот размер резко выделяет уже это село, так как все остальные группы имеют скуловой диаметр от 136,8 мм в селе Хильмилли до 134,8 мм в селе Чухурюрд. Причем характерно, что оба эти значения получены в популяциях Шемахинского района.

По лобно-скуловому указателю можно говорить о выделении населения села Славянка, имеющего наименьший указатель (78,3) и села Новосаратовка (80,8). Оба села расположены в Кедабекском районе в 12 км одно от другого. Остальные группы имеют значения этого указателя от 78,4 (село Новоголовка) до 79,8 (село Хильмилли), то есть различия между популяциями невелики.

Наибольшее значение физиономической высоты лица зафиксировано в селе Чухурюрд (177,9), а минимальное - встречено в селе Хильмилли того же района Азербайджана (174,4). К селу Чухурюрд по данной характеристике близки русские села Бёюк-Сёюдлю (177,2). В остальных же группах физиономическая высота лица изменяется от 171,4 (село Новоголовка) до 176,5 (село Славянка).

По морфологической высоте лица, кроме населения села

Таблица 5

Размеры головы и лица русских Азербайджана и Грузии (женщины)

населенный пункт	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Головной указатель	Головной модуль	Наименьшая ширина лба	Лобно-скуловой указатель
с.Ивановка	I8I.9	I49.I	82.04	I65.5	I07.8	78.4
Исмаиллинский район						
с.Хильмилли	I8I.I	I5I.0	83.42	I66.I	I09.2	79,8
с.Чухурюрд	I8I.0	I5I.5	83.75	I66.2	I08.4	78.4
Шемахинский район суммарно	I8I.I	I5I.2	83.55	I66.I	I08.9	79.2
с.Новосаратовка	I84.3	I50.8	8I.88	I67.6	I08.6	80.8
с.Славянка	I8I.7	I5I.5	83.48	I66.6	I08.I	78.3
Кедабекский район суммарно	I82.9	I5I.3	82.75	I67.0	I08.3	79.5
с.Новоголовка	I80.2	I50.2	83.5I	I65.2	I08.3	78.4
с.Привольное	I8I.5	I49.6	82.5I	I65.5	I09.2	79.8
Джалилабадский район суммарно	I80.9	I49.9	82.93	I65.4	I08.8	78.8
с.Бёюк-Сёюдлю	I86.2	I5I.8	8I.56	I69.0	III.7	80.3
Варташенский район						
Азербайджан суммарно	I8I.9	I50.6	82.52	I65.9	I08.5	78.8
с.Красногорка	I8I.I	I50.6	83.20	I65.9	I08.I	77.3
Сагареджойский район						
с.Ульяновка	I80.7	I50.9	83.60	I65.8	I08.2	77,9
Сигнахский район						
Грузия суммарно	I80.9	I50.8	83.5	I65.8	I08.7	77.7

Продолжение таблицы 5

Размеры головы и лица русских Азербайджана и Грузии (женщины)

Населенный пункт	физиономическая высота лица	Морфологическая высота лица	скуловой диаметр	Физиономический лицевой указ	Морфологический лицевой указ
с.Ивановка Исмаиллинский район	I72.8	II5.8	I37.5	79.7	84.2
с.Хильмилли	I70.4	II3.I	I36.8	80.5	82.7
с.Чухурюрд	I77.9	II8.0	I38.4	78.0	85.5
Шемахинский район суммарно	I73.5	II5.I	I37.5	79.5	83.9
с.Новосаратовка	I74.2	II8.0	I34.4	77.2	87.9
с.Славянка	I76.5	II8.I	I38.0	78.3	85.6
Кедабекский район суммарно	I75.5	II8.I	I36.4	77.8	86.6
с.Новоголовка	I7I.4	II5.3	I38.I	80.8	83.5
с.Привольное	I73.4	II5.7	I38.0	79.7	83.9
Джалилабадский район суммарно	I72.5	II5.5	I38.I	80.2	83.7
с.Бёюк-Сёюдлю Варташенский район	I77.2	II8.9	I39.2	78.7	85.5
Азербайджан суммарно	I73.4	II5.9	I37.6	79.6	84.3
с.Красногорка Сагареджойский район	I73.2	I20.I	I39.8	80.9	85.9
с.Ульяновка Сигнахский район	I74.4	II7.I	I39.0	79.8	84.3
Грузия суммарно	I73.9	II8.I	I39.3	80.2	84.9

Таблица 6

Размеры носа русских Азербайджана и Грузии (женщины)

Населенный пункт	Высота носа		Ширина носа	Носовой указатель		Длина	
	(бр)	(пер)		(бр)	(пер)	крыла носа	основания носа
с.Ивановка Исмаиллинский район	54.0	46.3	32.9	61.2	71.3	32.6	20.4
с.Хильмилли	50.8	43.8	34.5	68.4	79.2	33.9	21.9
с.Чухурюрд	53.6	45.3	34.4	64.5	76.3	33.9	22.1
Шемахинский район суммарно	52.0	44.4	34.5	66.8	78.0	33.9	22.0
с.Новосаратовка	53.7	45.2	34.1	63.7	75.6	33.3	20.8
с.Славянка	54.7	46.7	35.0	64.3	75.2	33.8	21.1
Кедабекский район суммарно	54.2	46.0	34.6	64.0	75.4	33.6	21.0
с.Новоголовка	51.2	43.5	33.2	65.2	76.6	32.9	20.9
с.Привольное	53.0	45.8	33.2	62.9	73.0	33.3	20.8
Джалилабадский район суммарно	52.2	44.7	33.2	64.0	74.7	33.1	20.9
с.Бёюк-Сёюдлю Варташенский район	54.0	46.2	34.3	63.7	74.7	33.8	21.1
Азербайджан суммарно	53.3	45.6	33.5	63.1	73.7	33.1	20.9
с.Красногорка Сагареджойский район	53.5	46.6	33.1	62.1	71.5	33.6	19.6
с.Ульяновка Сигнахский район	51.8	44.6	32.4	62.8	72.9	33.2	19.3
Грузия суммарно	52.4	45.3	32.6	62.6	72.4	33.3	19.4

Продолжение таблицы 6

Размеры носа русских Азербайджана и Грузии (женщины)

населенный пункт	Биорбитальная ширина	Назоорбитальная хорда	высота переносья	Назомолярный	Угол крыла носа	Угол выступания носа	Угол наклона крыла носа
с.Ивановка Исмаиллинский район	94.7	50.7	I7.3	2.44	0.68	I.78	0.42
с.Хильмилли	94.6	5I.7	20.2	2.34	0.7I	I.73	0.46
с.Чухурюрд	94.7	5I.7	2I.I	2.3I	0.7I	I.7I	0.42
Шемахинский район суммарно	94.7	5I.7	20.4	2.33	0.7I	I.72	0.46
с.Новосаратовка	97.7	52.0	I7.0	2.48	0.68	I.78	0.43
с.Славянка	96.6	52.5	20.0	2.36	0.68	I.79	0.43
Кедабекский район суммарно	97.I	52.3	I8.6	2.4I	0.68	I.79	0.43
с.Новоголовка	94.4	50.4	I7.0	2.46	0.69	I.76	0.44
с.Привольное	94.9	5I.4	I9.0	2.38	0.68	I.79	0.43
Джалилабадский район суммарно	94.7	50.9	I8.0	2.42	0.68	I.77	0.44
с.Бёюк-Сёюдлю Варташенский район	98,4	53.I	I9.4	2.40	0.68	I.79	0.43
Азербайджан суммарно	95.I	5I.2	I8.4	2.4I	0.69	I.77	0.43
с.Красногорка Сагареджойский район	99.I	52.5	I6.5	2.50	0.62	I.89	0.40
с.Ульяновка Сигнахский район	97.I	5I.8	I7.2	2.47	0.62	I.89	0.4I
Грузия суммарно	97.8	52.0	I7.0	2.48	0.62	I.89	0.40

Таблица 7

Размеры рта, нижней челюсти и губ русских Азербайджана и Грузии (женщины)

Населенный пункт	Нижнечелюстной диаметр	Длина нижней челюсти	Длина нижней челюсти от углов	Угол нижней челюсти I	Угол нижней челюсти 2	Ширина рта
с.Ивановка Исмаиллинский район	I05.8	97.I	8I.3	0.99	I.I5	49.9
с.Хильмилли	I04.6	92.9	76.6	0.97	I.20	50.2
с.Чухурюрд	I04.7	96.4	80.9	0.99	I.I5	50.3
Шемахинский район суммарно	I04.7	94.3	78.3	0.98	I.I8	50.2
с.Новосаратовка	I02.7	89.5	72.4	0.92	I.29	50.9
с.Славянка	I04.3	96.0	80.4	0.99	I.I5	52.7
Кедабекский район суммарно	I03.6	95.0	79.5	0.96	I.22	5I.9
с.Новоголовка	I07.0	96.9	80.7	0.98	I.I7	50.8
с.Привольное	I07.4	96.7	80.4	0.98	I.I8	50.I
Джалилабадский район суммарно	I07.2	96.8	80.6	0.98	I.I8	50.4
с.Бёюк-Сёюдлю Варташенский район	I05.0	95.7	79.9	0.99	I.I7	52.3
Азербайджан суммарно	I05.6	96.I	80.2	0.99	I.77	50.4
с.Красногорка Сагареджойский район	I05.9	94.2	77.8	0.95	I.23	50.8
с.Ульяновка Сигнахский район	I05.8	93.5	77.I	0.97	I.20	49.8
Грузия сумаарно	I05.8	93.7	77.3	0.96	I.2I	50.2

Продолжение таблицы 7

Размеры рта, нижней челюсти и губ русских Азербайджана и Грузии (женщины)

Населенный пункт	Высота верхней губы	"Толщина" обеих губ	"Толщина" верхней губы
с.Ивановка Исмаиллинский район	I3.7	I2.2	5.8
с.Хильмилли	I3.0	I3.2	5.9
с.Чухурюрд	I3.4	I3.4	5.8
Шемахинский район суммарно	I3.I	I3.2	5.9
с.Новосаратовка	I3.0	I4.7	7.3
с.Славянка	I4.2	I3.5	6.4
Кедабекский район суммарно	I3.6	I4.I	6.8
с.Новоголовка	I3.7	I2.5	5.6
с.Привольное	I3.4	I3.I	5.8
Джалилабадский район суммарно	I3.5	I2.8	5.7
с.Ёёюк-Сёюдлю Варташенский район	I4.I	I4.4	6.4
Азербайджан суммарно	I3.6	I2.8	5.9
с.Красногорка Сагареджойский район	I3.8	I2.6	5.9
с.Ульяновка Сигнахский район	I2.5	I4.3	6.5
Грузия суммарно	I3.0	I3.7	6.3

Хильмилли, имеющего наименьшую величину этого размера (113,1), все выборки можно разделить на две группы: одна, состоящая из русских сел Ивановка, Новоголовка и Привольное, имеет морфологическую высоту лица около 115 мм (от 115,3 до 115,7), а другая, куда включаются русские села Чухурюрд, Новосаратовка, Славянка и Бёюк-Сёюдлю, - около 118 мм (от 118,1 до 118,9 мм), причем в последней группе именно для населения села Бёюк-Сёюдлю характерно максимальное значение морфологической высоты лица.

Физиономический лицевой указатель варьирует по территориальным группам мало: минимальное значение зафиксировано в селе Новосаратовка (77,2), а наибольшее - в селе Новоголовка (80,8). Морфологический лицевой указатель несколько более изменчив: минимум этого отношения встречен в селе Хильмилли (82,7), а максимум - в селе Новосаратовка (87,9).

Самый высокий нос (и от нижнего края бровей и от переносья) отмечен в селе Славянка (54,7 и 46,7 соответственно), но самые низкие средние отмечаются по высоте носа от нижнего края бровей в селе Хильмилли (50,8), а по высоте носа от переносья в селе Новоголовка (43,5). Как видим, вариации не очень значительны. По ширине носа опять же выделяется население села Славянка (35,0), но противостоит ей уже село Ивановка (32,9). Оба же носовых указателя совершенно одинаково показывают, что наиболее лепторинный нос в селе Ивановка, а относительно более широкий и низкий - в селе Хильмилли.

В связи с тем, что все следующие особенности носовой области, так же как и почти все приведенные в таблице 7 признаки, характеризующие нижнюю челюсть, введены в научный оборот лишь недавно, анализу их внутри- и межгрупповой изменчивости планируется посвятить специальную работу и здесь они не анализируются.

В селе Привольное встречен самый большой нижнечелюстной диаметр (107,4), а в селе Новосаратовка - самый маленький (102,7). В Шемахинском районе можно отметить более низкие значения этого размера (104,6 и 104,7 мм), а в Джалилабад-

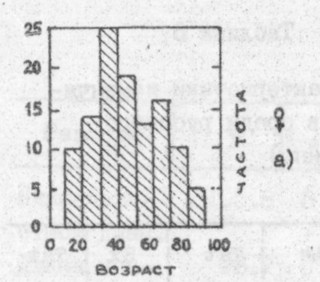
ском - более высокие (уже отмеченные I07,4 мм в Привольном и I07,0 в Новоголовке).

Самый широкий рот и самая высокая верхняя губа среди обследованных групп отмечена в селе Славянка (50,7 и I4,2 соответственно). В то же время, если самые узкие рты свойственны населению села Ивановка (49,9 мм), то самые низкие верхние губы зафиксированы у населения села Хильмилли и в селе Новосаратовка (I3,0). "Толщина" же как обеих губ, так и верхней губы самая большая - в селе Новосаратовка (I4,7 и 7,3 мм соответственно). О самых "тонких" губах можно говорить по отношению к населению села Ивановка (I2,2). Верхняя же губа чуть тоньше в селе Новоголовка (5,6 мм, тогда как в Ивановке 5,8 мм).

Провести суммарное сопоставление групп по вышеописанным признакам удобнее на фоне суммарного сопоставления мужчин тех же популяций. Прежде же чем перейти к нему,сделаю небольшое отступление и кратко охарактеризую обследованные в I990 году группы русских молокан Грузии, а также, поскольку раньше этого сделано не было, изученных в I989 году русских села Бёюк-Сёюдлю (мужчины) Варташенского района Азербайджана.

В Грузии в июне I990 года антропологические исследования проводились в селе Красногорка Сагареджойского района и в селе Ульяновка Сигнахского района. Краткие сведения о населении этих сел даны в статьях О.Д.Комаровой и А.Н.Ямскова в этом же сборнике. Эти села в малой степени связаны с русским сельским населением Азербайджана. Более тесные (и родственные и культурные) взаимоотношения у них сложились с населением сел Фиолетово и Лермонтово Гугаркского района Армении. Но и их нельзя признать очень близкими. Большая часть населения обоих сел - молокане. В Красногорке, кроме того, в настоящее время действует баптистская община.

Возрастная структура женской и мужской выборок проиллюстрирована на рис.3. Кефалометрические характеристики женщин этих локальных популяций приведены в описанных выше таблицах 5-7.

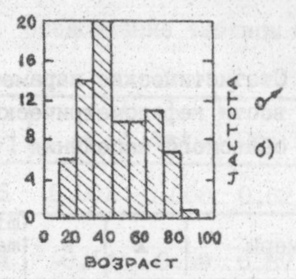

Рис. 3. Возрастной состав тотальной выборки русских Грузии.
а) – женской ; б) – мужской.

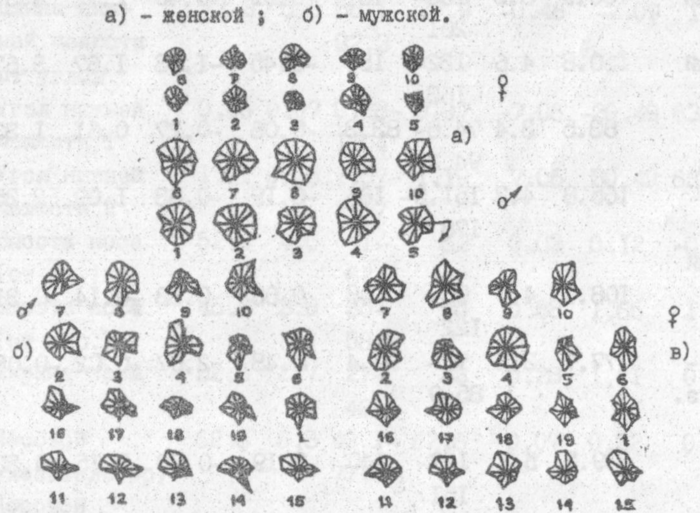

Рис. 4. Сравнение обследованных русских групп по I3 кефалометрическим признакам (по часовой стрелке: продольный, поперечный, наименьший лобный, нижнечелюстной диаметр, ширина носа, ширина рта, "толщина" обеих губ, высота верхней губы, высота носа от пер., высота носа от бр., морфологическая высота лица, физиономическая высота лица). а) – мужчины и женщины в одном масштабе признаков, б) – русские мужчины Закавказья в сравнении с населением Центрального Черноземья, в) – русские женщины Закавказья в сравнении с населением Центрального Черноземья. Обозначения групп см. в приложении к рисунку 4.

Таблица 8

Статистические параметры для характеристики изменчивости кефалометрических признаков среди русского сельского населения Грузии (женщины)

Размеры	X	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Продольный диаметр	I80.9	6.3	I56-20I	I8I	-0.09	-0.40	2.I2	4.57
Поперечный диаметр	I50.8	4.6	I32-I63	I5I	-0.45	-I.93	I.67	3.67
Головной указатель	83.5	3.4	74.6-94.2	83.3	-0.06	-0.27	0.6I	I.33
Головной модуль	I65.8	4.3	I5I.5-I78	I66	-0.I9	-0.83	I.09	2.35
Наименьший лобный диаметр	I08.I	4.7	98-I22	I08	0.08	0.33	-0.I4	-0.3I
Лобно-скуловой указ.	77.7	3.2	70-85.9	77.4	0.48	2.07	-0.02	-0.05
Скуловой диаметр	I39.3	5.2	I27-I5I	I40	-0.I9	-0.83	-0.I5	-0.33
Физиономическая высота лица	I73.9	8.8	I55-I96	I74	-0.06	-0.28	-0.07	-0.I5
Морфологическая высота лица	II8.I	7.I	I00-I44	II9	-0.02	-0.07	I.I7	2.53
Физиономический лицевой указ.	80.2	4.4	7I.4-92.3	79.7	0.32	I.36	-0.53	-I.I4
Морфологический лицевой указ.	84.9	5.0	7I.9-I0I.4	84.3	0.I6	0.69	0.20	0.42

Продолжение таблицы 8

Размеры	X̄	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Нижнечелюстной диам.	I05.8	5.0	93-I2I	I06	0.002	0.008	0.62	I.34
Длина нижней челюсти	93.7	5.I	78-I09	94	-0.I4	-0.59	0.87	I.89
Длина нижней челюсти от углов	77.3	5.5	58.I-92.3	77.9	-0.48	-2.09	I.I9	2.57
Угол нижней челюсти I	0.96	0.07	0.28-I.04	0.97	-7.06	-30.49	63.I4	I36.40
Угол нижней челюсти 2	I.2I	0.I5	I.07-2.57	I.I9	7.06	30.49	63.I4	I36.40
Высота носа (от бр.)	52.4	4.0	4I-62	52	0.03	0.I2	-0.06	-0.I4
Высота носа (от пер.)	45.3	3.8	35-58	45	0.38	I.65	I.5I	3.27
Ширина носа	32.6	2.7	27-42	33	0.28	I.2I	0.22	0.47
Носовой указатель(бр)	62.6	5.8	49.I-77.8	62.6	0.07	0.32	0.007	0.0I5
Носовой указатель (пер)	72.4	7.I	56.4-92.I	72.2	0.26	I.II	0.I7	0.37
Длина крыла носа	33.3	2.I	29-4I	33	0.48	2.06	I.07	2.3I
Длина основания носа	I9.4	2.4	I2-26	I9	-0.0I	-0.05	0.36	0.78
Угол выступания носа	0.40	0.04	0.26-0.49	0.40	-0.20	-0.86	0.I6	0.34
Угол крыла носа	I.89	0.I5	I.39-2.42	I.88	0.I3	0.58	I.I3	2.45
Угол наклона крыла носа	0.62	0.08	0.36-0.87	0.63	-0.I3	-0.58	I.I3	2.45

Продолжение 2 таблицы 8

Размеры	X	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Биорбитальная ширина	97.8	3.9	89-I08	98	0.006	0.03	-0.09	-0.20
Назоорбитальная хорда	52.0	2.7	46-60	52	0.I8	0.78	0.35	0.75
Высота переносья	I7.0	5.7	6.8-33.6	I6.6	0.I9	0.82	-0.25	-0.55
Назомолярный угол	2.48	0.20	I.93-2.86	2.48-	-0.02	-0.08	-0.52	-I.I2
Ширина рта	50.2	3.9	39-6I	50	-0.07	-0.3I	0.37	0.79
Высота верхней губы	I3.0	2.6	7-2I	I3	0.33	I.42	0.58	I.25
"Толщина" обеих губ	I3.7	3.2	7-2I	I3	0.I4	0.6I	-0.77	-I.66
"Толщина" верхней губы	6.3	I.5	3-I0	6	-0.08	-0.37	-0.34	-0.74

Прежде всего обратим внимание на то, что обследованные русские женщины Грузии практически не отличаются по анализируемым характеристикам от русских женщин Азербайджана. Так, по большинству признаков они попадают в описанные пределы вариации. Лишь по лобно-скуловому указателю, ширине носа, длине основания носа, ширине рта, высоте верхней губы, углу выступания носа и высоте переносья русские женщины Грузии демонстрируют несколько меньшие значения средних показателей, да и то отличающиеся очень незначительно. По таким размерам и показателям как морфологическая высота лица, скуловой диаметр, физиономический лицевой указатель, угол наклона крыла носа, назомолярный угол и биорбитальная ширина - более высокие значения, но также не резкоотличные от русских Азербайджана.

Между собой группы из Красногорки и из Ульяновки различаются также слабо, о чем в первую очередь свидетельствуют статистические параметры, характеризующие изменчивость их кефалометрических признаков, представленные в таблице 8. Распределение в генеральной совокупности фактически всех признаков (кроме продольного и поперечного диаметров и соответственно головного модуля, лобно-скулового указателя, морфологической высоты лица, высоты носа от переносья, длины крыла носа, угла крыльев носа и угла наклона крыла носа) не отличается от нормального. Да и перечисленные признаки, за исключением довольно выраженного положительного эксцесса в распределении продольного и поперечного диаметров, имеют очень малые показатели асимметрии и эксцесса.

Кефалометрические характеристики мужчин двух русских сел Грузии и села Бёюк-Сёюдлю Варташенского района Азербайджана приведены в таблице 9. Обратим внимание, что население последнего села отличается максимальными среди трех рассматриваемых групп величинами большинства продольных размеров, кроме морфологической высоты лица. В то же время население села Красногорка выделяется именно морфологически высоким лицом.

Крупные размеры рта и губ свойственны опять же русским села Бёюк-Сёюдлю. Поперечный диаметр головы и другие поперечные размеры во всех трех группах очень близки. Изменчивость признаков в суммарной сельской популяции русского населения востока Грузии также близка к нормальной (таблица 10). Исключение составляют распределения поперечного диаметра головы и физиономической высоты лица, которым свойственна левосторонняя асимметрия и положительный эксцесс, распределения физиономического лицевого указателя, высоты носа от переносья, которые имеют правостороннюю асимметрию и положительный эксцесс и, наконец, распределения носового указателя от нижнего края бровей, биорбитальной ширины и "толщины" верхней губы, которые имеют правостороннюю асимметрию.

Перейду теперь к анализу территориальных различий по всем десяти обследованным группам русского сельского населения. На рис.4а представлены комбинационные полигоны, характеризующие как мужчин, так и женщин всех групп по 13 кефалометрическим характеристикам. Вполне объяснимо первое, что бросается в глаза, это - явное различие между мужскими и женскими полигонами по величине всех размеров. На рис. 4б и 4в те же группы представлены в сравнении по тем же 13 антропологическим признакам с популяциями, обследованными Русской антропологической экспедицией в Центрально-Черноземной области России и отнесенными В.В.Бунаком к юго-восточной антропологической зоне [6]. Из этих районов выехали предки сельского русского населения Закавказья. На последних двух схемах различий между мужскими и женскими выборками по величине размеров уже не отмечается, так как сравнение мужчин производится, если можно так выразиться, в "мужском масштабе" признаков, а женщин - в "женском". Но здесь, как и на первом (4а) рисунке можно отметить, что самые крупные размеры, как среди женщин, так и среди мужчин, имеют русские жители сел Бёюк-Сёюдлю. Близки им, но имеют несколько меньшие размеры духоборы Славянки и молокане Красногорки. Среди мужчин, имея самые малые (если сравнивать лишь мужские группы между собой) размеры, более

Таблица 9

Кефалометрические характеристики русских мужчин сел Грузии и села Бёюк-Сёюдлы Варашенского района Азербайджана

Признаки	с.Красногорка (n= 2I)		с.Ульяновка (n= 58)		с.Бёюк-Сёюдлы (n = 23)	
Продольный диаметр	I88.7	6.3	I90.I	6.6	I92.3	7.2
Поперечный диаметр	I56.5	3.5	I56.3	5.3	I54.8	5.6
Головной указатель	83.0	3.4	82.3	3.6	80.6	3.2
Головной модуль	I72.6	3.5	I73.2	4.6	I73.6	5.4
Наименьшая ширина лба	I08.8	3.8	I09.I	5.6	II0.9	7.9
Лобно-скуловой указатель	74.8	3.0	74.8	3.6	76.3	3.4
Скуловой диаметр	I45.5	4.9	I45.9	5.8	I44.8	7.I
Физиономическая высота лица	I85.9	8.7	I83.4	8.I	I87.5	9.3
Морфологическая высота лица	I29.7	7.7	I25.2	6.5	I28.6	8.6
Физиономический лицевой указатель	78.4	4.7	79.7	4.3	77.3	4.4
Морфологический лицевой указатель	89.2	6.5	85.9	4.4	88.9	6.I
Высота носа (бр)	56.6	3.3	55.3	3.9	58.8	4.5
Высота носа (пер)	5I.0	2.8	50.3	3.9	52.5	3.3
Ширина носа	36.0	3.4	36.I	2.8	39.4	4.I
Носовой указатель (бр)	63.9	7.6	65.7	6.7	67.2	7.0

Продолжение таблицы 9

Признаки	с.Красногорка (n= 2I)		с.Ульяновка (n= 58)		с.Бёюк-Сёюдлы (n= 23)	
Носовой указатель (пер)	70.9	8.4	72.5	8.3	75.2	7.9
Длина крыла носа	36.2	2.0	36.7	4.I	38.5	I.8
Длина основания носа	2I.0	2.4	2I.8	2.7	23.6	2.I
Угол крыла носа	I.90	0.I4	I.86	0.I5	I.82	0.II
Угол наклона крыльев носа	0.62	0.07	0.64	0.08	0.66	0.06
Угол выступания носа	0.39	0.04	0.4I	0.05		
Высота переносья	20.0	6.9	I7.5	5.8	20.3	5.5
Назо-молярный угол	2.39	0.25	2.47	0.20	2.40	0.20
Биорбитальная ширина	I00.I	3.6	I00.0	4.7	I00.0	5.2
Назоорбитальная хорда	54.3	2.9	53.3	3.0	54.2	2.8
Нижнечелюстной диаметр	II0.4	6.3	III.4	6.7	II0.6	6.2
Длина нижней челюсти	98.0	7.II	I00.I	5.7	I03.4	6.0
Длина нижней челюсти от углов	80.9	7.7	83.I	6.I	87.7	6.3
Угол нижней челюсти I	0.97	0.04	0.98	0.04	I.0I	0.94
Угол нижней челюсти 2	I.20	0.09	I.I8	0.08	I.I2	0.08
Ширина рта	52.9	4.9	53.0	3.6	55.I	4.9
"Толщина" обеих губ	I4.8	3.I	I4.0	3.4	I4.5	2.9
"Толщина" верхней губы	7.3	2.I	6.4	I.6	6.9	0.8
Высота верхней губы	I4.5	2.6	I3.9	3.3	I5.7	0.9

Таблица I0

Статистические параметры для характеристики изменчивости кефалометрических признаков среди русского сельского населения Грузии (мужчины)

Размеры	X	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Продольный диаметр	I89.7	6.5	I76-204	I89	0.2I	0.76	-0.59	-I.08
Поперечный диаметр	I56.3	4.9	I39-I64	I57	-I.04	-3.78	I.76	3.20
Головной указатель	82.5	3.5	72.9-92.0	82.5	-0.09	-0.33	0.47	0.85
Головной модуль	I73.0	4.3	I62.5-I82.5	I72.5	-0.I6	-0.60	-0.II	-0.20
Наименьший лобный диаметр	I09.I	5.2	99-I22	I09	0.36	I.32	-0.3I	-0.56
Лобно-скуловой указ.	74.8	3.5	67.5-84.3	74.8	0.06	0.22	-0.II	-0.20
Скуловой диаметр	I45.8	5.5	I34-I58	I46	-0.09	-0.34	-0.53	-0.96
Физиономическая высота лица	I84.0	8.3	I58-207	I85	-0.60	-2.I7	I.I6	2.II
Морфологическая высота лица	I26.4	7.I	III-I46	I26	0.07	0.24	-0.05	-0.09
Физиономический лицевой указ.	79.4	4.4	70.5-95.6	79.I	0.98	3.55	I.86	3.38
Морфологический лицевой указ.	86.7	5.2	73.5-I05.0	86.4	0.4I	I.5I	I.43	2.59

Продолжение таблицы I0

Размеры	X	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Нижнечелюстной диаметр	III.I5	6.6	94-I26	III	-0.I3	-0.47	-0.09	-0.I6
Длина нижней челюсти	99.6	6.I	88-II4	I00	0.I5	0.58	-0.62	-I.I3
Длина нижней челюсти от углов	82.5	6.6	66.2-95.3	82.2	-0.07	-0.27	-0.44	-0.79
Угол нижней челюсти I	0.98	0.04	0.85-I.07	0.98	-0.46	-I.68	0.34	0.62
Угол нижней челюсти 2	I.I9	0.08	0.99-I.44	I.I7	0.46	I.68	0.34	0.62
Высота носа (от бр.)	55.7	3.8	47-63	56	-0.00I	-0.002	-0. 32	-0.58
Высота носа (от пер.)	50.5	4.7	43-80	50	3.07	II.I4	I8.90	34.30
Ширина носа	36.I	3.0	30-44	36	0.2I	0.76	-0.I6	-0.29
Носовой указатель(бр)	65.2	6.9	52.5-84.6	64.3	0.60	2.I9	0.I3	0.24
Носовой указатель (пер)	72.I	8.3	43.7-9I.7	72	-0.I3	-0.47	0.98	I.77
Длина крыла носа	36.6	2.0	3I-4I	37	0.09	0.34	0.I6	0.29
Длина основания носа	2I.6	2.6	I6-28	2I	0.2I	0.78	0.05	0.09
Угол выступания носа	0.40	0.05	0.29-0.52	0.40	0.I8	0.64	0.0I	0.0I
Угол крыла носа	I.78	0.I5	I.48-2.I6	I.88	-0.2I	-0.78	-0.I5	-0.28
Угол наклона крыла носа	0.63	0.07	0.49-0.83	0.63	0.2I	0.78	-0.I5	-0.28

Продолжение 2 таблицы I0

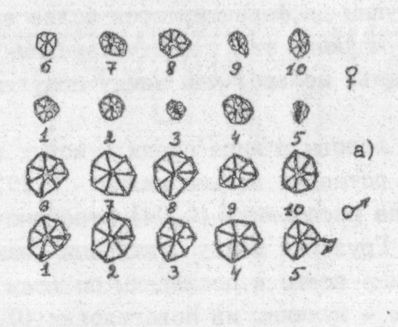
Размеры	X̄	s	min-max	Me	As	Tst	Ex	Tst
Биорбитальная ширина	I00.I	4.4	9I-II4	99	0.68	2.47	0.77	I.40
Назорбитальная хорда	53.6	3.0	46-6I	53	0.26	0.93	0.3I	0.56
Высота переносья	I8.2	6.I5	6.8-33.5	I8.6	0.02	0.07	-0.26	-0.48
Назомолярный угол	2.45	0.22	I.98-2.87	2.4I	0.I2	0.44	-0.39	-0.70
Ширина рта	53.0	4.0	45-62	53	0.I4	0.50	-0.5I	-0.93
Высота верхней губы	I4.I	3.I	8-22	I4	0.I8	0.64	-0.2I	-0.39
"Толщина" обеих губ	I4.2	3.3	7-23	I4	0.26	0.95	0.I9	0.35
"Толщина" верхней губы	6.7	I.8	3-I3	7	0.60	2.I8	0.95	I.75

ярко выделяются молокане Новоголовки, Хильмилли и Ульяновки. Причем эти отличия проявляются по всем использованным размерам.

Здесь не приводятся полигоны отдельно по размерам мозгового и лицевого черепа, по размерам носа и рта, так как они могут дать мало дополнительной информации, а размеры любой статьи ограничены. Но все же, чтобы утверждение о том, что большая часть размеров дифференцирует группы согласовано, было хоть как-то проиллюстрировано, на рисунке 5 приводятся полигоны, характеризующие продольные (5а) и поперечные (5б) размеры всех описываемых групп. Единственное заметное отличие между ними заключается в том, что, если наибольшие продольные размеры имеет население села Бёюк-Сёюдлю, то наибольшие поперечные - жители села Славянки.

В то же время следует отметить, что все различия, как между русскими группами Закавказья, так и всеми включенными в анализ иными популяциями, весьма незначительны. Об этом же свидетельствуют результаты кластерного анализа. Кластеризация проводилась на основе расстояний по форме и по величине, рассчитанных по формуле Л.Пенроза на основании 13 кефалометрических размеров. Дендрограммы строились парно-групповым методом, исходя из наименьших разниц [7].

Приведенные на рисунках 6 и 7 дендрограммы показывают, что все включенные в сравнение группы очень мало различаются между собой по сумме размеров головы и лица. Так, максимальное расстояние по величине между двумя основными кластерами женских групп - 0,39, а мужских - 0,29; расстояние по форме - 0,24 и в женской и в мужской совокупностях. Характерно, что вслед за полигонами (рис. 5б и в) расстояния по величине как между мужчинами, так и между женщинами (рис.6а, 7а) выделяют в один кластер население Центрального Черноземья, а в другой - все группы Закавказья. Первые имеют значительно более мелкие размеры головы и лица, чем вторые. Вторая особенность: расстояния между женскими группами, входящими в каждый из вышеуказанных кластеров, значительно меньше, чем расстояния между самими кластерами. При сравнении же мужских групп эти различия не столь велики,

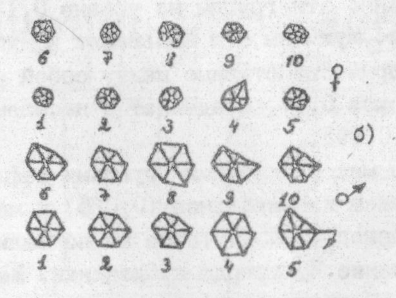

Рис.5 . Сравнение обследованных групп русских Закавказья а) по продольным размерам головы и лица (по часовой стрелке:продольный диаметр,"толщина" обеих губ,высота верхней губы,высота носа от пер.,высота носа)от бр.,морфологическая высота лица,физиономическая высота лица); б) по поперечным размерам (по часовой стрелке: поперечный диаметр, ширина рта, ширина носа,скуловой диаметр,нижнечелюстной и наименьший лобный диаметры). Обозначения групп те же, что на рис.4.

зато внутри кластеров группы дифференцируются более заметно. Различия как между мужскими, так и между женскими группами Центрального Черноземья меньше, чем между популяциями Закавказья.

По величине размеров головы и лица среди мужских групп обособляется (расстояние остается весьма малым - 0,17) село Бёюк-Сёюдлю. Наименьшее расстояние (0,04) отмечено между мужчинами русских сел Грузии и между мужчинами Ивановки и Привольного (0,05). Ближе всего к последним по всем кефалометрическим признакам - мужчины из Новоголовки (0,075) и из Славянки (0,08). Именно эти группы на уровне 0,13 объединяются с селами Грузии. Мужчины сел Хильмилли и Чухурюрд Шемахинского района, которым свойственно между собой расстояние по величине размеров 0,07, соединяет с населением Новосаратовки расстояние 0,095.

Наименьшее расстояние между женскими группами зафиксировано между селами Ивановка и Привольное (0,025) и между этой парой сел и Красногоркой (0,05). Такое же по величине расстояние сближает население Чухурюрда и Славянки. Женщины Ульяновки на уровне 0,07 объединяются с первым описанным кластером. Молокане Хильмилли более всего сходны по размерам головы и лица с молоканами Новоголовки (0,065), а сама эта пара групп объединяется в один пучок с описанными раньше группами на уровне 0,105. В отличие от мужчин, женщины села Бёюк-Сёюдлю по величине размеров не стоят обособленно, а сближаются с населением села Новосаратовка, то есть с жителями того села, откуда выселились в недалеком прошлом предки современных бёюк-сёюдлинцев. Молокане Чухурюрда и духоборы Славянки сблизились на уровне 0,05 и обе эти группы вошли в один кластер с населением Бёюк-Сёюдлю и Новосаратовки (на уровне 0,09).

По форме головы и лица женские группы можно разделить также на два кластера, такие же по составу групп, как и по величине размеров (уровень объединения - 0,24). Мужские же выборки дифференцируются несколько иначе. Так", наибольшее расстояние разделяет с одной стороны - население сел Бёюк-Сёюдлю, Чухурюрд и Славянка, а с другой - все

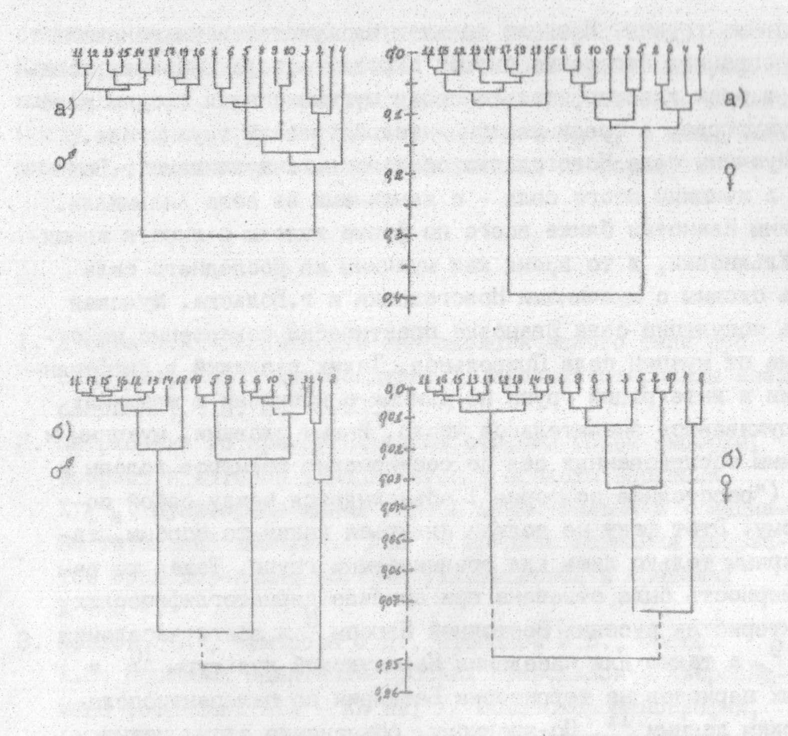

Рис.6. Дендрограммы, построенные на основании расстояний а) по величине, б) по форме (формула Пенроза) между мужскими группами. Обозначения групп те же, что на рис.4.

Рис.7. Дендрограммы, построенные на основании расстояний а) по величине, б) по форме (формула Пенроза) между женскими группами. Обозначения групп те же, что на рис.4.

остальные группы. В то же время и на мужской и на женской дендрограммах население бывшей Кировки и села Славянка попадает в один кластер, только среди мужчин с ними сходны жители Чухурюрда, а среди женщин - такой третьей группы нет.

Мужчины села Новоголовка сблизились с мужчинами г.Вольска, а женщины этого села - с женщинами из села Хильмилли. Женщины Ивановки ближе всего по форме головы и лица к женщинам Ульяновки, в то время как мужчины из последнего села очень сходны с мужчинами Новоголовки и г.Вольска. Мужская часть популяции села Ивановка практически совершенно не отличима от мужчин села Привольное. Таких различий в дифференциации и интеграции групп по данным о мужчинах и женщинах обнаруживается значительное число. Иными словами, мужчины и женщины обследованных сел по соотношению размеров головы и лица ("расстояние по форме") объединяются между собой по-разному. Этот факт не должен являться каким-то особым, характерным только лишь для сравниваемых групп. Такая же закономерность была отмечена при анализе дерматоглифических характеристик русских Восточной Европы [8] и всего населения СССР [9], а также для населения Карасукской культуры [10] и разных периодов на территории Башкирии по палеоантропологическим данным [11]. По-видимому, объяснение этому можно будет отыскать при тщательном анализе явления полового диморфизма различных систем признаков, особенно его межпопуляционной изменчивости. Совершенно понятно, что это тема особого исследования и в задачи данной статьи не входит.

Подводя краткие итоги кефалометрическому описанию русских сельского населения Закавказья, необходимо прежде всего отметить незначительность отличий их антропологического облика от такового из районов Центрального Черноземья, откуда шло выселение. Главные различия заключаются в укрупнении всех размеров головы и лица у русского населения Закавказья. Проведенный дисперсионный анализ, а также изучение распределения признаков в тотальной женской совокупности Закавказья свидетельствуют о наличии внутренней подразделенности ее, причем на изменчивость признаков среди женщин действие внутренних барьеров отразилось в большей

степени, чем на изменчивость тех же размеров среди мужчин. Кластерный анализ, проведенный на основе суммарных расстояний Л.Пенроза, продемонстрировал несколько большие различия между мужскими группами по величине размеров, а между женщинами - по их соотношению ("расстояния по форме").

1. Дубова Н.А. Особенности антропологического типа русских старожилов Азербайджана // Русские старожилы Азербайджана. Ч.П. М., 1990.
2. На рисунке 1б прямоугольником отмечен объем выборки, возраст в которой укладывается в пределы вариации $X \pm s$. Пунктирная линия внутри прямоугольника - медиана тотальной выборки. "Усы" - пределы вариации возрастов обследованных, которые укладываются в пределах $X \pm 3s$.
3. Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX - XX вв) // Советская этнография, 1988, № 6; Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. Ч.I. М., 1990.
4. Дубова Н.А. Особенности антропологического типа русских старожилов Азербайджана, стр. 109, 112.
5. Дубова Н.А. Там же, стр. 118, 125, 133, 137; Казаченко Б.Н., Дубова Н.А. Русские села Ивановка: биодемографические данные // Русские старожилы Азербайджана. Ч.П.
6. Происхождение и этническая история русского народа. Труды Ин-та этнографии, т.88, 1965.
7. Алгоритм расчета расстояний, а также использованный метод кластеризации описывались в советской литературе многократно, в том числе и автором статьи. См., например, Дубова Н.А. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы

Среднеазиатского региона. ВИНИТИ № 6944-В. М., 1985.
8. Никольская (Долинова) Н.А. Дерматоглифика некоторых народов Восточной Европы (в связи с проблемами их происхождения). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1974.
9. Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
10. Юсупов Р.М. О половом диморфизме и значении женских выборок черепов в антропологии (на примере краниологии башкир) // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986.
11. Рыкушина Г.В. Палеоантропология Карасукской культуры. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1980.

Художественное оформление: Т.Б.КОВАЛЬ
Подготовила к изданию: С.Н.КВАШНИНА

Утверждено к печати Институтом этнологии и антропологии
Российской Академии Наук

ISBN 5-201-00831-3

Подписано в печать 23.01.92   Формат 60/84/16   10,6 уч.-изд.л.
13 п.л.   Тираж 280 экз.   Цена 3р.15к.   Заказ № 101

Участок оперативной полиграфии Института этнологии и антропологии
117334 Москва Ленинский проспект 32 А